

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

**ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
И ПРИОБЩЕНИЕ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ
КАК ПУТЬ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ
К ПРОЖИВАНИЮ
В РОССИИ**

Материалы
Международной научной конференции

Екатеринбург 2007

УДК 482 (063)
ББК Ш 141.2-96
И 39

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

ректор УрГПУ, профессор Б. М. ИГОШЕВ

Члены редакционной коллегии:

кандидат филол. наук М. Б. ВОРОШИЛОВА
кандидат филол. наук, доцент С. А. ЕРЕМИНА
кандидат филол. наук, доцент И. С. ЧУДИНОВА
доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ

И 39 Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 12-14 ноября 2007 / Урал. гос. пед. ун-т; Гл. ред. Игошев Б. М. – Екатеринбург, 2007. – 135 С.

УДК 482 (063)
ББК Ш 141.2-96

Представлены материалы Международной научной конференции «Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России» (12-14 ноября 2007).

Изучение русского языка и приобщение в русской культуре рассматриваются как основное условие успешной адаптации трудовых мигрантов к проживанию в России. Лингвокультурологические аспекты адаптации мигрантов рассматриваются в тесной взаимосвязи с экономическими, социальными, юридическими и конфессиональными.

Издание материалов научной конференции осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-06-94611 з/я.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

«ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ПРИОБЩЕНИЕ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ КАК ПУТЬ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ К ПРОЖИВАНИЮ В РОССИИ»

Подписано в печать _____. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – _____. Тираж 150 экз. Заказ _____

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

P.S. Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2007

© Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ:

Социальные, политические и экономические проблемы адаптации мигрантов к проживанию в России

Арапова М.А. Екатеринбург, Россия	Мигранты и идеологическое пространство российского общества	8
Афлатонова Е. Р. Екатеринбург, Россия	Адаптации иностранных студентов в российских вузах	9
Ахьямова И. А. Екатеринбург, Россия	Роль невербального общения в процессе адаптации мигрантов в России	10
Балобанова Е. Г. Екатеринбург, Россия	Толерантное отношение россиян к мигрантам из ближнего зарубежья как условие их успешной адаптации	12
Ермольева Д. В. Максимова А. И. Екатеринбург, Россия	Национальная дискриминация в современной России	13
Загвоздкина Е. А. Екатеринбург, Россия	Проблемы трудоустройства мигрантов	14
Ковтунова А. Н. Екатеринбург, Россия	К вопросу о содержании и структуре рефлексивной готовности специалиста по социальной работе с мигрантами	15
Копылова М. А. Екатеринбург, Россия	Язык судопроизводства в РФ в свете миграционных тенденций и международных правил	16
Лукашева Л.С. Екатеринбург, Россия	К вопросу о социальной защите мигрантов в свете политических преобразований	18
Майданова Т. В. Екатеринбург, Россия	Развитие толерантности как условие адаптации мигрантов в современной России	19
Малых М. Ю. Екатеринбург, Россия	Развитие социальной компетентности личности в процессе миграции	20
Овчинникова Д. А. Харченко О. А. Екатеринбург, Россия	Регулирование правовых норм в социуме в отношении детей-мигрантов	21
Петрова Л. Е. Екатеринбург, Россия	Изменения в повседневных практиках как индикатор адаптации мигрантов к российскому обществу	22
Попов Д. С. Екатеринбург, Россия	Статус русского языка на территории бывшего СССР	23
Попова Н.Е. Екатеринбург, Россия	Миграция и ее социально-экономические последствия	25
Попова Н.Г. Екатеринбург, Россия	Социальное взаимодействие в эпоху миграции	25
Порядин И. А. Екатеринбург, Россия	«Другой мир», или заметки о жизни трудовых мигрантов	27
Руденкин В. Н. Екатеринбург, Россия	Политический язык современной России	29
Руденкин Д. В. Екатеринбург, Россия	Почему в России не любят мигрантов?	30
Румянцева М. В.	Государственный статус беженцев и вынужденных переселенцев	31

Екатеринбург, Россия	ленцев на территории бывшего Советского Союза	
Тропин А.В. Екатеринбург, Россия	Степени бакалавров и магистров в контексте академической и трудовой мобильности	32
Тумалевич Г. С. Екатеринбург, Россия	Некоторые языковые проблемы в правоотношениях с иностранцами при пребывании их на территории Российской Федерации	34
Шульц Н.А. Екатеринбург, Россия	Особенности адаптации трудящихся-мигрантов в иноэтнической среде	36
Яковлев А.А. Курган, Россия	К проблеме совместимости русской культуры с культурой коренных народов в процессе колонизации Сибири	37

СЕКЦИЯ:

Психолого-педагогические проблемы изучения мигрантами русского языка и их приобщения к русской культуре

Евдокимова Л. С. Екатеринбург, Россия	Педагогические условия приобщения к русской культуре мигрантов на Урале	38
Нестерова Ю. В. Екатеринбург, Россия	К вопросу о методике преподавания русского языка в многонациональных классах	40
Попов Л. Н. Екатеринбург, Россия	Русская интонация как необходимое средство вхождения мигрантов в русскую языковую и культурную среду	41
Попова Э. Ю. Екатеринбург, Россия	Опыт преподавания русского языка детям-мигрантам в школах г. Екатеринбург	42
Привалова С. Е. Екатеринбург, Россия	К вопросу о создании учебников и учебных пособий по русскому языку для детей новых соотечественников	43
Соколова А. А. Екатеринбург, Россия	Использование учебного диалога при изучении детьми мигрантами русского языка	44
Тиллоева С. М. Екатеринбург, Россия	Проблемы и перспективы обучения русскому языку в современном Таджикистане	45
Токтосунов А. А. Ош, Киргизия	Развитие интереса девочек к техническим специальностям в общеобразовательных школах Кыргызской Республики	46
Чеканова А. Э. Екатеринбург, Россия	Теоретические основы определения методов воспитания толерантности	48
Чудинова И. С. Екатеринбург, Россия	Проблемы организации обучения детей из мигрантских семей	50
Юнова Н. С. Екатеринбург, Россия	Формирование ценностного отношения к культуре народа в процессе лингвистического образования	50

СЕКЦИЯ:

Политическая лингвистика и межкультурная коммуникация

Будаев Э. В. Нижний Тагил, Россия	Метафорическое представление иммиграции в СМИ: анализ зарубежных исследований	52
Бушев А. Б. Тверь, Россия	Среда межкультурной коммуникации: интернет	53
Васильев А. Д. Красноярск, Россия	Слова – символы как индикаторы и стимуляторы этнополитических тенденций	55

Волкова Т. А. Орск, Россия	Роль дипломатического дискурса в формировании междуна- родного имиджа России	55
Ворожцова О. А. Нижний Тагил, Россия	Прецедентные феномены в дискурсе президентских выборов	60
Ворошилова М. Б. Чемагина А. В. Екатеринбург, Россия	Этноним как агональный знак современного общественно- политического дискурса	61
Гаврилова М. В. Санкт-Петербург, Россия	Номинация высшего законодательного органа России как языковой механизм идеологической борьбы	62
Каслова А. А., Шебалов Р. Ю. Екатеринбург, Россия	Имена российских политиков как текст: к проблеме считы- ваемости лингвокультурных значений иностранцами	64
Керимов Р. Д. Кемерово, Россия	Манипуляция массовым сознанием в политическом дискурсе	65
Никонов В. М. Липецк, Россия	Коннотативный аспект политической коммуникации в России на рубеже XX – XXI вв.	66
Ольховикова Ю. А. Нижний Тагил, Россия	Метафоры со сферой-источником «неживая природа» в поли- тическом дискурсе	68
Попова В. Б. Челябинск, Россия	Взаимодействие культур и проблемы перевода	69
Русова И. А. Сургут, Екатеринбург	Дискурсивное исследование социально-политической мета- форы	70
Суспицына И. Н. Екатеринбург, Россия	Толерантность «в верхах» и «в низах»	71
Чудинов А. П. Екатеринбург, Россия	Мигранты на Урале: языковая политика и социальная прак- тика	73

СЕКЦИЯ:

Русский язык как язык межнационального общения и системы образования в современной России

Базылев В. Н. Москва, Россия	Социолингворельеф «смешанной речи»	75
Дмитриева Т.Н. Екатеринбург, Россия	Типы ошибок в документах мигрантов, оформляющих рос- сийское гражданство	77
Игошев Б. М. Екатеринбург, Россия	Изучение русского языка и русской культуры как путь к адап- тации мигрантов	78
Кошкарлова Н. Н. Челябинск, Россия	Речевые конфликты с участием мигрантов	79
Кусова М. Л. Екатеринбург, Россия	Русский язык в полиэтническом пространстве	80
Кушнерук С. Л. Челябинск, Россия	Русский язык на рекламоносителях: проблемы аккультурации мигрантов	81
Ли Минь Чанчунь, Китай	Китайская и российская коммуникативные культуры: к про- блеме межнациональной адаптации	83
Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Дискуссия об организации обучения мигрантов: метафоры и прецедентность	84

Новикова О. Ю. Екатеринбург, Россия	Национальное самосознание в языке (концепция Вильгельма фон Гумбольдта)	86
Соколов Е. В. Нижний Тагил, Россия	Проблемы социальной адаптации мигрантов в русскоязычной среде	87
Тагаев М. Д. Бишкек, Киргизия	Русский язык как средство вхождения и адаптации киргизов-мигрантов в российское культурно-языковое пространство	88
Шарафутдинов Д. Р. Екатеринбург, Россия	Миграционные процессы в аспекте проблем социального положения русского языка в современном мире	89
Эрве Корина Париж, Франция	Adaptation des immigrants à la culture russe	90
Эрхард Франк Равенсбург, ФРГ	Auf dem Weg zur russischen Sprache	91

СЕКЦИЯ:

Культурологические и лингвокультурные проблемы восприятия мигрантов

Багичева Н. В. Екатеринбург, Россия	Иммиграция глазами детей «детей семьи единой»	92
Васильева О. В. Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	Ассоциативные признаки лингвокультурного типажа «грузин» в русском языковом сознании	95
Веснина Л. Е. Екатеринбург, Россия	Метафорическое представление национальных свойств	97
Верещагина Е. С., Дзюба Е. В., Коровякова Ю. В., Могильникова В. И. Екатеринбург, Россия	«Эти странные иностранцы»: проблемы миграции глазами студентов УрГПУ	98
Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	Лингвокультурный типаж мигранта в сознании студентов УрГПУ	100
Григорьева Н. И. Екатеринбург, Россия	Иноязычные элементы в названиях музыкальных коллективов, принадлежащих русской рок-культуре	102
Дзюба Е. В. Екатеринбург, Россия	«Свои» и «чужие» в оценке русского народа (на материале русских пословиц и поговорок)	103
Еремина С. А. Хабилова Ю. Р. Екатеринбург, Россия	Речевой портрет узбека	106
Кабаченко Е. Г. Екатеринбург, Россия	Метафорический портрет мигранта	107
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Мы у них – они у нас: образы иностранцев в русской литературе и критике XX века	109
Сотникова А.В. Екатеринбург, Россия	Национальные особенности восприятия названия американских фильмов	112
Чжан Лэй Чанчунь, Китай	Эмиграция как китайский культурологический феномен	113
Ямбаршева Е. Г.	Иностранец и иностранный в представлении россиян	114

СЕКЦИЯ:
**Проблемы миграции в современных
средствах массовой информации**

Боярских О. С. Нижний Тагил, Россия	Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература и фольклор народов Азии» в российских печатных СМИ	117
Иссерс О. С. Рахимбергенова М. Х. Омск, Россия	Отражение этнически «чужого» в российской прессе	118
Красильникова Н. А. Екатеринбург, Россия	Метафорический образ России в зарубежных СМИ	120
Кропотухина П. В. Екатеринбург, Россия	Фитоморфная метафора в журналистской картине мира	122
Михайлова О. А. Екатеринбург, Россия	Межэтнические отношения в современной российской прессе: к вопросу о толерантности	124
Михайлова Ю. Н. Екатеринбург, Россия	Язык вражды в отношении религиозных групп (по материалам СМИ)	125
Скребцова Т. Г. Санкт-Петербург, Россия	Дискурс о мигрантах в современных российских СМИ	126
Стрельников А. М. Нижний Тагил, Россия	Тема мигрантов в «Прямой линии с Президентом»	127
Тагильцева Ю. Р. Екатеринбург, Россия	Освещение темы миграции в электронных СМИ и проблема языковой толерантности	128
Шабанова Т.А. Екатеринбург, Россия	Женское дело – политика: портрет женщины-политика на страницах современной прессы	129

Социальные, политические и экономические проблемы адаптации мигрантов к проживанию в России

Арапова М. А.

Екатеринбург, Россия

МИГРАНТЫ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Тема идеологии снова становится модной. Сама по себе эта тенденция не может не радовать исследователя общественных процессов, для которого анализ идеологических отношений – главная содержательная составляющая его изысканий. Вместе с тем, не может не вызывать опасений и слишком быстрая смена настроений относительно изучения идеологических процессов в самом научном сообществе. Так, последние два десятилетия сделали нас очевидцами и абсолютного преобладания данной тематики в социально-философских трудах каких-то двадцать лет назад, и абсолютной непопулярности этой проблематики прошлого десятилетия, и своеобразного современного ренессанса, давным-давно спрогнозированного классиками западной социологии в тезисе: «От деидеологизации – к реидеологизации». Исследовательский интерес, правда, несколько однобокий. С одной стороны, реабилитирован сам термин «идеология». Гораздо быстрее перестали бояться его упоминать не столько теоретики, сколько практики. Так, буквально за два последних года стали чрезвычайно популярными сайты, использующие в своем арсенале что-либо «про корпоративную идеологию». В геометрической прогрессии растет число публикаций, прежде всего в так называемых бизнес-изданиях, тезисах научно-практических конференций, по поводу животрепещущих проблем, имеющих идеологические, прежде всего, свойства. «Нужны ли нам гастарбайтеры?», «Россия с нерусским лицом», «Проблемы экспансии мигрантов: мы и они» – далеко не полный перечень довольно случайно выхваченных названий, совершенно неслучайно исключаящий все, что связано с традиционной уже фиксацией «необходимости формулирования национальной идеи».

Современная реальность демонстрирует нам стремительное и мощное увеличение числа мигрантов в Российском обществе, адаптация которых не может не порождать появления острейших социальных проблем.

Традиционно исследователи подчеркивали необходимость изучения ассимиляции, вхождения этой социальной группы в экономическое, социо-культурное пространство с позиций влияния этих систем на данный тип социальной мобильности. Гораздо меньше изучается изменение самого российского общества, обусловленное, в том числе и миграцией.

Практически не изучается изменение самой идеологической сферы, характеризующейся объективными процессами становления различных по типу, по субъекту идеологий. Традиционно считалось, что идеология имеет непосредственно политическую окраску. Однако мы становимся свидетелями формирования не только полисубъектного идеологического поля российского социума, но и формирования разных типов идеологий, в том числе таких, которые имеют, казалось бы, опосредованное политическое значение. Так, потребительская идеология, являющаяся на сегодняшний день одной из самых влиятельнейших не только в западном, но и в российском социуме, не может в конечном итоге не привести к включению проблем мигрантов в свое содержательное пространство. Цепочка логических рассуждений не очень длинна: чтобы товар был покупаемым, он должен обладать рядом свойств, прежде всего, соотношением цены и качества. Первое значение утяжеляется индексом прибыли, являющимся абсолютно необходимой величиной бизнеса. Дешевый, практически рабский труд мигрантов делает максимально привлекательной разницу между ценой товара и процентами прибыли для современного, отчасти весьма далекого от этического восприятия «духа капитализма» национального бизнеса. Налицо явные противоречия с общечеловеческими моральными принципами: неприлично использовать, по сути, в рабской форме, наемных рабочих только потому, что они, будучи мигрантами, настолько зажаты жизненными обстоятельствами, что вынуждены соглашаться и на эти условия. Именно это противоречие может заставить создать систему объяснений, разрешающих, оправдывающих, эту ситуацию, прежде всего для самого российского бизнеса. Собственно, такие схемы уже появились. Довольно привычными стали статьи, поясняющие читателю, что без использования этого вида труда рухнут целые отрасли российской экономики, к примеру, строительство. А это уже проблема государственного масштаба. Значит, так надо. Могут ли

подобные выводы не иметь идеологической подоплеки? Ведь наличие идей и способов ментальной защиты, выражения, обоснования интересов субъекта и является существенным признаком идеологической системы. Вот такая политическая экономия.

Идеологический характер, думается, имеет и проблема идентификации мигрантов. Насколько «они» становятся «нами»? Насколько «мы» их воспринимаем как «своих»? Как быстро «они – чужие» становятся «нашими – своими»? Вот ряд вопросов, имеющих, опять же по определению, именно идеологическую окраску. «Мы и они» – верный признак идеологического по своей сути противостояния. Что за этими местоимениями? Очевидно, что речь идет о различиях в образе жизни, в системах ценностей, доминирующих социальных регуляторах.

Процесс идеологической деятельности включает в себя в качестве обязательных следующие составляющие: 1) внесение идеологическим субъектом определенных, необходимых этому субъекту идей в ментальное пространство идеологического объекта; 2) вытеснение определенных компонентов, ранее сформированных и являющихся структурными составляющими и общественными, и индивидуального сознания; 3) привыкание идеологического объекта к инновационной составляющей; 4) присвоение этих изначально чужих идей как своих; 5) формирование образа мышления, провоцирующего определенные, необходимые идеологическому субъекту действия тех, кто является идеологическим объектом.

Методология системного подхода в анализе социальной действительности обязывает предположить, что все эти составляющие будут объективно необходимыми компонентами, сопровождающими процесс адаптации и идентификации мигрантов. А это, в свою очередь, не может не актуализировать проблему так называемой основной и неосновной идеологии.

В качестве таковой может выступать государственная или национальная идеология. Парадоксально, но именно проблема мигрантов может спровоцировать идеологические процессы националистского, экстремистского характера. Желание не только спрогнозировать ситуацию, но предотвратить негативные социальные последствия подобных идеологических проявлений на государственном уровне неминуемо приведет к необходимости анализировать искусственно сложившуюся на сегодняшний день

дилемму относительно «национальной» и «государственной» идеологии.

Явно парадоксальна ситуация, когда государство не может прямо назвать, определить систему ценностей, являющихся для него базовыми, основополагающими, из-за нечетко прописанных в тексте Конституции РФ моментов, связанных с терминами государственная и господствующая идеология. Думается, что из того, что «...никакая из действующих идеологий не может быть господствующей государственной идеологией» не следует, что государственной идеологии как провозглашенной государством системы ценностей и способов их легитимации не должно быть вообще. Осознание этой ситуации на государственном уровне уже наступило. Более того, провозглашены варианты названий подобных идеологий: «государственно-патриотическая идеология», «суверенная демократия» и т.д.

Мы становимся свидетелями активного процесса внесения этих идей в сознание масс, организуемого, прежде всего, на государственном уровне, но называемого «национальная идеология». Парадокс ситуации в том, что термин «национальная идеология» с логической строгостью требует определения субъекта, создателя этой системы ценностей в лице, соответственно, нации. Является ли сложившимся социальным субъектом нация «Россияне», или она пока еще также идеологически конструируема, но объективно утопична (в смысле у-нет, топия-места), как в свое время «Советский народ»? Какое место в этой «единой русско-нерусской» идеологии россиян занимает общественное сознание мигрантов? Влияет ли, и если да, то как, оно на формирование и функционирование этой идеологии?

Судьба социальных утопий, становящихся идеологиями, к сожалению, хорошо известна, и весьма трагична. Социальная ответственность исследователей идеологических процессов хотя бы в том, чтобы об этом напомнить.

© Арапова М. А., 2007

Афлатонова Е. Р.

Екатеринбург, Россия

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

Интернационализация образования делает актуальной проблему адаптации иностранных студентов в вузах незнакомой им страны. На сегодняшний момент примерно двое из ста обучающихся в российском

высшем учебном заведении являются гражданами другого государства. С каждым годом все больше иностранных учащихся приезжает в Россию для получения высшего образования, и каждый иностранный студент обязательно проходит сложный процесс адаптации.

Процесс адаптации к студенческой жизни сам по себе очень сложен, а для студентов, прибывших из других стран, он особенно труден. Адаптация включает в себя не только оптимизацию функционирования организма, но и поддержание сбалансированности в системе «организм – среда». Процесс адаптации реализуется всякий раз, когда в системе «организм – среда» возникают значимые изменения, и обеспечивает формирование нового состояния, которое позволяет достигать максимальной эффективности физиологических функций и поведенческих реакций. Поскольку организм и среда находятся в динамическом равновесии, а их соотношения меняются постоянно, следовательно, также постоянно должен осуществляться процесс адаптации. Поскольку период пребывания иностранных студентов в России колеблется от двух недель до нескольких лет, то можно понять, насколько важен постоянный контроль над процессом адаптации. Последний включает в себя множество аспектов, наиболее важными из них являются: приспособление к новой социокультурной среде, приспособление к новым климатическим условиям, времени, к новой образовательной системе, к новому языку общения, к культуре новой страны, к интернациональному характеру учебных групп и потоков и т.д.

В процессе адаптации студент-иностранец сталкивается с самыми различными проблемами:

1. В первые несколько недель после приезда в новую страну, особое напряжение испытывают студенты из материально необеспеченных семей и те, кто привык к чрезмерной опеке родителей. Они обычно находятся в состоянии стресса, что нередко сопровождается потерей аппетита, усталостью, вялостью, плохим настроением, раздражительностью, апатией. Все это может привести к депрессии.

2. Кроме бытовых, каждый второй иностранный студент испытывает языковые трудности. Невозможность объясниться с людьми из службы сервиса ставит студента в затруднительное положение. Трудности

могут возникнуть и при покупке вещей или продуктов питания.

3. Смена климата также является серьезным раздражителем, который может вызвать расстройство сна, головную боль, повышение артериального давления, обострить хронические заболевания. Повышение и понижение температуры, изменение влажности воздуха, колебание в атмосфере – все это может отрицательно сказаться на самочувствии студента и вызвать плохое настроение, ощущение дискомфорта.

Наряду с климатическими могут возникнуть проблемы адаптации к русской кухне. Приспособление к резкому изменению климатических условий и пище заставляет включить адаптационные механизмы, что оказывает отрицательное влияние на учебный процесс, отодвигая его на второй план.

4. Проблема адаптации к новой системе образования. Главное условие успеха – в рамках довузовской подготовки является быстрое и эффективное овладение русским языком. Чем выше уровень владения языком, тем быстрее происходит адаптация.

5. Негативное отношение преподавателей, одноклассников и др. к студентам-иностранцам. Это может быть вызвано проявлением национализма, ксенофобии, нежеланием вникать в проблемы, непонимание студента из-за плохого владения языком.

Итак, в ходе исследования нами были рассмотрены наиболее важные проблемы, связанные с адаптацией иностранных студентов в вузах России. Настоящая проблема несомненно актуальна и требует своего дальнейшего решения.

© Афлатонова Е. Р., 2007

Ахъямова И. А.

Екатеринбург, Россия

РОЛЬ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В РОССИИ

Адаптация мигрантов в России – процесс длительный и многообразный. Наличие адаптационных механизмов позволяет быстрее и легче пройти адаптацию и связанные с ней трудности. Проблемы общения часто выходят на передний план в жизни мигрантов. Невозможно недооценить значимость коммуникативных умений для этой категории населения – подчас наиболее уязвимой и непонятой окружающими. Для успешного устройства своей жизни в новом отечестве способность устанавливать контакт и удерживать внимание собеседника на

интересующем тебя вопросе, умение убедительно говорить и вызывать при этом симпатию слушателей играют подчас решающую роль. Основная проблема состоит в том, что невербальные знаки не всегда распознаются и рационально используются людьми, в том числе и мигрантами.

Общение, как известно, состоит из вербального и невербального аспектов, при этом на невербальную его часть приходится более двух третей информации. В невербальном общении в процессе социального взаимодействия мигрантами как ведущие средства используются жесты, мимика, позы, пространственное расположение. Среди жестов основными являются выразительные, изобразительные, символические.

Наиболее важным каналом невербального общения является зрительный, через который посредством мимических рецепторов принимается информация, содержащаяся в выразительных жестах и экспрессивных реакциях лица.

Особенностью невербального языка является то, что его проявление обусловлено импульсами нашего подсознания. Отсутствие возможности подделать эти импульсы позволяет нам доверять такому языку больше, чем обычному, вербальному каналу общения. В процессе адаптации мигрантов механизм восприятия невербальных средств общения также действует безотказно, тем важнее становится проблема его понимания и применения.

Исследования индивидуального характера употребления невербальных средств общения в психологии свидетельствуют о том, что количество и интенсивность употребления невербальных компонентов зависят от типа темперамента человека, социальной среды, а также его национальности и возраста. Эти и другие особенности использования невербальных средств общения необходимо учитывать мигрантам в процессе коммуникации.

Всякие эмоциональные состояния лучше опознают люди с развитым невербальным интеллектом, эмоционально подвижные, больше направленные на окружающее, чем на самих себя. Врожденными могут быть только анатомо-физиологические задатки. Способности, основываясь на задатках, развиваются только в деятельности. Для того, чтобы развивать способности, адекватно пользоваться средствами невербального общения, необходимо учиться. Так считают

ведущие специалисты в этой области – Н. В. Кузьмина, Н. С. Лейтес, Б. М. Теплов и др.

Невербальный интеллект – основа кинетического восприятия – формируется как через накопление жизненного, в том числе невербального опыта познающего субъекта, так и специально, системно, в обучении. Именно таким, целенаправленным, нам представляется способ повышения эффективности процесса адаптации мигрантов в России.

Процесс обучения мигрантов правилам невербального общения может иметь несколько этапов, посвященных умению устанавливать контакт между общающимися, удерживать внимание собеседника, опознавать его эмоционально-психологическое состояние, использовать эти знания для достижения коммуникативных целей в общении и т.д.

Для установления психологического контакта важна не только четкость речи, ее разнообразие, красивый тембр, умение устанавливать зрительный контакт с собеседником, но и внешний вид, естественность движений и поз, мимическая и жестовая выразительность.

А. А. Брудным, В. Д. Ширшовым был введен в теорию общения термин «фасцинация», что может быть переведено как «завораживание» своего собеседника. Для этой цели могут использоваться особые взгляды (следует знать какие), голос (надо владеть его оттенками, тембром, регистрами), ритм речи (особый, – то возбуждающий, то успокаивающий), усиленные жестами и мимикой. Для мигрантов постижение тайн фасцинации очень важно, ведь это вопрос их успешной самопрезентации.

Для эффективного речевого воздействия на окружающих мигранту очень важно уметь выражать определенные отношения, состояния, эмоции, влияя при этом на благоприятную для восприятия человека атмосферу. Невербальная выразительность – одна из составляющих успешного адаптационного процесса мигрантов в России. Функция выразительных движений в этом случае – это нейтрализация нежелательного и воспроизведение желательного эмоционального состояния коммуникатора.

Тренинг коммуникативных умений может выполнять задачу формирования у мигрантов оптимального использования невербалики, способствовать осознанию мигрантами своего невербального поведения и его влия-

ния на процесс адаптации, создавать предпосылки к управлению ими.

Таким образом, невербальное общение занимает значительное место в приспособлении мигрантов к жизни в России, процесс освоения его может иметь целенаправленный характер и быть оптимизирован с помощью деятельности социальных работников.

© Ахъямова И. А., 2007

Балобанова Е. Г.

Екатеринбург, Россия

ТОЛЕРАНТНОЕ ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К МИГРАНТАМ ИЗ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ КАК УСЛОВИЕ ИХ УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ

В условиях значительной депопуляции населения, наблюдаемой во многих регионах России, единственным источником восполнения экономически активного населения являются мигранты. Однако, наряду с бесспорными плюсами (такими, как приток экономически активного населения в трудоспособном возрасте), миграция достаточно часто является и фактором дестабилизации в местных сообществах. По мнению ряда исследователей, причинами дестабилизационной роли миграции являются, в первую очередь, низкий уровень толерантности принимающего населения, отсутствие внятной миграционной политики в субъектах федерации, невнимание властей к этим процессам на различных уровнях, а также отсутствие четких адаптационных установок на интеграцию у мигрантов и вынужденных беженцев [Мокин 2007: 94-101; Бритвина 2006: 117-119].

В отечественной социологии давно изучаются проблемы адаптации мигрантов в русскоязычной среде, особенности миграционных процессов в России, проблемы трудовой миграции, отношение жителей различных регионов страны к вынужденным мигрантам и др. С каждым годом появляются новые результаты социологических исследований, затрагивающие социально-экономические, политические, этнические, культурные аспекты проблемы миграции (в журнале «Социологические исследования» этой теме посвящен целый раздел «Демография. Миграция»). Одним из примеров может послужить проведенный в апреле – ноябре 2006 г. Левада-Центром (г. Москва) мониторинг общественного мнения (объем выборки 1600 чел.), цель которого – выявить отношение россиян к иммигрантам. Результаты опросов оказались следующими: 56%

респондентов не испытывают никаких особых чувств по отношению к выходцам их южных республик, проживающих с ними в одном городе, районе. По сравнению с 2002-2004 годами снизился процент тех, кто испытывает раздражение и неприязнь (в 2002 – 25% и 28% соответственно, в 2004 – 23% и 24%, а в 2006 – 18% и 15%). Нейтрально или скорее отрицательно относятся жители России и к тому, что на стройках все чаще можно встретить рабочих из Украины, Белоруссии, Молдавии и других стран ближнего зарубежья (45%). На вопрос, проживание людей каких национальностей на территории России следует ограничить, респонденты ответили, что это, в первую очередь, выходцы с Кавказа (42%), китайцы (41%), вьетнамцы (35%) и цыгане (29%). Как мы видим, ответы россиян вполне ожидаемы. С одной стороны, россияне понимают, что в стране остро ощущается нехватка рабочей силы (на стройках, заводах), дешевые рабочие места не привлекают молодежь, поэтому эти ниши постепенно занимают мигранты – выходцы из соседних республик. С другой стороны, поведение самих приезжих из стран СНГ вызывает многочисленные конфликты, в том числе и межэтнические, что вызывает к ним отрицательное отношение со стороны коренного населения. Так, на вопрос, «Есть ли что-нибудь, что Вас лично раздражает в приезжих из стран СНГ? Если есть, то что именно?», 37% россиян считают, что они «заполонили все рынки», 36% опрошенных отметили, что «они ведут себя развязно, как хозяева, не соблюдают обычаи нашей страны». Остальные респонденты считают, что приезжие «занимаются преступной деятельностью» (28%), «занимают рабочие места, соглашаются работать за мизерную зарплату и враждебно относятся к русским» (по 21%), а 27% вообще ничего не раздражает. С тем, что нелегальных иммигрантов из стран «ближнего зарубежья» необходимо выдворять за пределы России, согласны более половины опрошенных (53%), а 31% высказываются за их легализацию и помощь в получении работы и ассимиляции в России. Также более половины опрошенных считают, что правительство России должно пытаться ограничить приток приезжих в страну (52%, для сравнения – в 2005 г. таких было 59%) [Общественное мнение 2006: 163-166].

В целом, отношение россиян к мигрантам, приезжающим из стран ближнего зарубежья, можно охарактеризовать как сдержанное. Недовольство вызывает поведение

приезжих в отношении коренного населения страны: опрошенные считают, что негативное отношение к приезжим можно объяснить тем, что они создают криминальную обстановку в местах своего проживания, занимают рабочие места, несут чуждую для местного населения культуру, неуважительно относятся к традициям и обычаям местного населения. Большинство опрошенных считают, что иммигранты должны соблюдать законы принимающей стороны, легализовать свое пребывание и тогда они смогут спокойно жить и трудиться в стране. По мнению экспертов, наша страна в силу экономической и демографической необходимости нуждается в большом количестве рабочей силы, поэтому общероссийская политика должна «повернуться лицом» к мигрантам, а также самим россиянам необходимо осознать пополнение потенциала страны за счет переселенцев и относиться к ним более толерантно. Однако и мигрантам надо стремиться завоевать доверие россиян, настраиваться на интеграцию в наше сообщество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бритвина И.Б. Отношение жителей провинциального города к вынужденным мигрантам // Социологические исследования. 2006. № 2 – С. 117-119.

Мокин К.С. Балаково: миграционные истории армян // Социологические исследования. 2007. № 2. – С. 94-101

Общественное мнение – 2006. М.: Левада-Центр, 2006. – С. 163-166.

© Балобанова Е.Г.

**Ермольева Д. В.
Максимова А. И.**

Екатеринбург, Россия

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Для мигрантов из стран ближнего зарубежья, проживающих на территории Российской Федерации, одной из главных и актуальных является проблема активно набирающей силу национальной дискриминации. Открытое неприятие иностранных граждан, представителей других наций стало одним из важнейших факторов, обусловивших возникновение и обострение таких серьезных проблемы в процессе адаптации мигрантов, как отсутствие постоянного и законного места жительства, трудоустройство, получение образования в чужой стране и др.

Возникновение и развитие такого явления, как национальная дискриминация, на территории столь многонационального госу-

дарства – Российской Федерации несомненно обусловлено целым рядом причин.

Во-первых, присущая каждому человеку ксенофобия – «болезненный, навязчивый страх перед незнакомыми лицами; ненависть, нетерпимость к чему-нибудь чужому, незнакомому, иностранному» [Ожегов, Шведова 1993: 319]. Ксенофобия как боязнь всего нового, «чужого», например, новых традиций, нового уклада жизни, в том числе чужаков, иностранцев, присуща каждому человеку, и только системное воспитание толерантности, терпимости поможет каждому человеку самостоятельно справиться с этим страхом.

Во-вторых, к сожалению, современные средства массовой информации зачастую сознательно поддерживают, развивают, а нередко и обостряют существующие в обществе националистские стереотипы, тем самым давая богатую почву для развития национальной дискриминации. Например, в газетах и журналах мы встречаем целый ряд статей на темы «Россия не резиновая», «Россия для русских».

Также именно через средства массовой информации в российском языковом сознании формируются довольно устойчивые стереотипы, основанные на такой манипулятивной стратегии, как «навешивание ярлыков»: «таджики – наркобороны», «чурки – насильники» и др.

В-третьих, националистический вопрос особенно остро встает в ходе решения проблемы современных националистических движений в общественно-политическом дискурсе России. Наиболее популярным и активно действующим направлением является объединение так называемых «скинхедов». Скинхеды – это люди, настроенные радикально-враждебно ко всем чужим, нерусским, к сожалению, зачастую использующие самые жестокие, негуманные методы борьбы с ними (драки, насилие и даже убийство).

В-четвертых, национальная дискриминация, ограничение прав мигрантов обусловлено и объективными социально-экономическими причинами. Граждане ближнего зарубежья, мигранты зачастую считаются дешевой рабочей силой в силу целого ряда причин: 1) предложение, как правило, превышает спрос, 2) за неофициально оформленных работников не надо платить налоги и т.д. Снижение заработной платы не может не вызывать недовольство коренных жителей.

© Ермольева Д. В., Максимова А. И., 2007

Загвоздкина Е. А.
Екатеринбург, Россия
**ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА
МИГРАНТОВ**

Проблема трудоустройства – одна из наиболее актуальных в современном миграционном процессе. Прежде всего потому, что даже при наличии статуса беженца или вынужденного переселенца, теоретически дающих право работать, мигранты остаются «чужими» для местного населения. К сожалению, в настоящее время на государственном уровне в России фактически не принимаются какие-либо специальные меры по оказанию мигрантам помощи в трудоустройстве.

Для мигрантов, не имеющих официального статуса, основным препятствием к получению работы является отсутствие гражданства Российской Федерации. Без официального статуса беженца, вынужденного переселенца или российского гражданства они рассматриваются как добровольно прибывшие в Россию иностранцы и подпадают под действие нормативных актов, регулирующих наем иностранной рабочей силы.

Так, например, Указ Президента Российской Федерации № 2146 от 16 декабря 1993 года «*О привлечении и использовании*» в РФ иностранной рабочей силы предусматривает разрешительный порядок использования рабочей силы, но разрешение на работу должен получить не только сам иностранец, но и работодатель, желающий использовать труд иностранных рабочих. Эти разрешения выдаются Федеральной миграционной службой или Миграционной службой Москвы на основании заключения специальной Межведомственной комиссии при правительстве Москвы о целесообразности привлечения иностранной рабочей силы данным предприятием, которые оформляются распоряжением Премьера правительства Москвы или Первого заместителя Премьера. Межведомственная комиссия выносит заключение после рассмотрения документов, представленных работодателями, в префектуре, где расположено предприятие, и в соответствующем департаменте правительства Москвы. К сожалению, при таком положении вещей, немногие работодатели решаются пройти эту длинную бюрократическую процедуру.

В результате после многомесячных бесплодных поисков работы, большинство мигрантов устраиваются на работу нелегально, без соответствующего оформления, а это

значит, что: во-первых, с их заработка не взимаются необходимые платежи в бюджет города и федеральные фонды, во-вторых, сами мигранты лишаются социальной защиты в случае потери трудоспособности, правовой защиты в случае недобросовестного поведения работодателя и т.п. Таким образом, закрывая мигрантам пути легального трудоустройства, власти способствуют развитию теневого бизнеса и распространению всякого рода злоупотреблений.

В Свердловской области проблема трудоустройства мигрантом не менее актуальна. Как правило, трудовые мигранты, проживающие в чужой стране, чувствуют себя крайне незащищенными и готовы на любой рабский труд.

В настоящее время одной из наиболее доступных сфер деятельности для мигрантов оказался рынок, где вынуждены работать почти все, независимо от образования, профессии и личных склонностей. Чтобы встать за прилавком на рынке, не нужно проходить отдел кадров, нужно только договориться с хозяином и исправно платить, платить на каждом шагу: рэкетирам, милиционерам, проверяющим чиновникам и т.п. Таким образом, запрет на трудоустройство без регистрации стал одним из факторов разращения и криминализации многих административных структур.

Из-за отсутствия постоянной прописки на территории Российской Федерации беженцы и вынужденные переселенцы не получают пособия по безработице, не могут бесплатно пройти профессиональное обучение или переподготовку, которые могли бы увеличить их шансы найти работу. Несмотря на то, что законы «*О беженцах*» и «*О вынужденных переселенцах*» обязывают органы государственной власти и управления регистрировать беженцев и вынужденных переселенцев в качестве безработных и обеспечивать им возможность профессиональной подготовки (переподготовки), службы занятости отказывают мигрантам и в том, и в другом, ссылаясь на то, что закон «*О занятости*» предусматривает принятие решения о регистрации гражданина в качестве безработного по месту его жительства.

Такие ссылки представляет собой произвольное толкование закона «*О занятости*», подменяющая понятие «*место жительства*» понятием «*регистрация по месту жительства*», и противоречит не только законам «*О беженцах*» и «*О вынужденных переселенцах*», но и закону «*О праве граждан на*

свободу передвижения", статья 3, которого гласит: "Регистрация или отсутствие таковой не может служить основанием ограничения или условием реализации прав граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, законами Российской Федерации...".

© Загвоздкина Е. А., 2007

Ковтунова А. Н.
Екатеринбург, Россия
**К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И
СТРУКТУРЕ РЕФЛЕКСИВНОЙ
ГОТОВНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА
ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ
С МИГРАНТАМИ**

Миграция и связанные с ней процессы в последние годы стали значимым фактором, оказывающим все более заметное влияние на социальную, политическую, экономическую ситуацию в России и Уральском регионе. В связи с этим обостряется задача реорганизации существующей системы социальной работы с переселенцами и, следовательно, совершенствования профессиональной подготовки специалистов в данной сфере.

Помощь социального работника данной категории лиц заключается в основном в обеспечении адаптации мигрантов к новым условиям и изменении установок социума, профилактике социальной напряженности. В подобных условиях специалисту требуется владение навыками анализа и самоанализа, умение чувствовать, понимать ситуацию, быстро осмысливать общественные процессы, находить нестандартные пути решения возникающих социальных проблем. В этом смысле профессиональная компетентность специалиста социальной работы определяется уровнем сформированности рефлексивной готовности.

Понятие о готовности к выполнению какой-либо деятельности, несмотря на его широкую распространенность, не имеет в современных научных исследованиях однозначной трактовки. В существующей психолого-педагогической литературе встречаются различные трактовки понятия: готовность рассматривается как «особое психическое состояние», «состояние мобилизации всех психофизических систем человека» (Г. Г. Голубев, И. Д. Левитов, Л. С. Нерсисян, К. К. Платонов), «синтез свойств личности» (В. А. Крутецкий), «социальная установка личности» (Л. П. Буева), «сложное интегративное качество личности» (З. К. Бакеева, Г. Д.

Глебова, В. И. Ширинский), «синтез свойств, симптомокомплекс свойств человека» (Р. Г. Гурова, В. А. Крутецкий, С. Л. Лыбин).

Выделяются различные виды готовности (длительная и временная; психологическая, нравственная, теоретическая, практическая, профессиональная, рефлексивная и др.), что обусловлено спецификой деятельности, изучавшейся в каждом конкретном случае, и особенностями теоретических концепций авторов. Специальному изучению понятия «рефлексивная готовность» с позиций разных подходов (деятельностного, компетентностного, культурологического) уделяли внимание О. С. Анисимов, Т. А. Бондаренко, В. К. Елисеев, С. А. Желобицкая, Е. В. Корецкая, Н. М. Пинегина, А. А. Смирнов и др. Нельзя не отметить, что, вне зависимости от научного подхода, каждый из названных авторов так или иначе упоминают, что в основе рефлексивной готовности лежит способность личности к осмыслению и переосмыслению опыта в конкретной сфере деятельности. Рефлексия является тем механизмом, который обеспечивает осмысление опыта, превращение опыта жизни и деятельности в витagenный опыт. Посредством переосмысления этого опыта обеспечивается приобретение новых знаний, поиск новых возможностей, коррекция представлений и неэффективных способов деятельности, либо отказ от стереотипов опыта с целью поиска оригинальных, творческих решений. Таким образом, само понятие, функции и виды профессиональной рефлексии являют собой различные стороны процесса самоанализа, осмысления и переосмысления; с другой стороны, осмысление, переосмысление и самоанализ выступают основой рефлексивной готовности – как системы качеств личности, обеспечивающей эффективную профессиональную деятельность, что дает нам право формулирования следующего определения рефлексивной готовности.

Рефлексивная готовность специалиста по социальной работе с мигрантами может рассматриваться как интегративное качество личности, обеспечивающее процесс самоанализа, осмысления и переосмысления опыта деятельности в сфере работы с лицами, оказавшимися в трудной жизненной ситуации в связи с переселением.

Далее необходимо рассмотреть структуру рефлексивной готовности специалиста социальной работы для выявления ее потенциала в обеспечении сложных процессов

осуществления профессиональной деятельности.

В структуре рефлексивной готовности специалиста по социальной работе с мигрантами, на наш взгляд, можно выделить четыре основных компонента: 1) *аксиологический* (предполагает наличие сформированной системы гуманистических ценностей и построение рефлексии на их основе); 2) *когнитивный* (представлен знаниями о себе, об окружающем мире, о рефлексивных процессах, методах и приемах осуществления рефлексивной деятельности); 3) *эмоционально-волевой* (выражается в сознательном регулировании рефлексивного процесса, наличии позитивного эмоционального отношения к рефлексии, заинтересованности в рефлексии как механизме саморазвития, стремлении анализировать и критически оценивать результаты деятельности, совершенствовать способы поведения и общения в различных ситуациях); 4) *действенно-практический* (сформированность навыков осмысления и переосмысления витагенного опыта (постановки цели как основы для оценки результативности своих профессиональных действий, оценивания состояния и проблемной ситуации другого человека, принятия его позиции, «владения» ситуацией взаимодействия с клиентом, анализа причин затруднений, собственных мыслей, состояний и представлений других людей о себе; прогнозирования последствий своих профессиональных действий и т.д.).

Рефлексивная готовность характеризуется сформированностью таких личностных качеств, обусловленных характером будущей профессиональной деятельности специалиста социальной работы, как самокритичность, организованность, коммуникативность, эмпатийность, терпимость, креативность. Сформированность этих качеств является условием и результатом успешной рефлексивной (и в целом – профессиональной) деятельности специалиста по социальной работе с мигрантами.

© Ковтунова А. Н, 2007

Копылова М. А.

Екатеринбург, Россия

**ЯЗЫК СУДОПРОИЗВОДСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СВЕТЕ МИГРАЦИОННЫХ
ТЕНДЕНЦИЙ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВИЛ**

Фактор многонациональности Российской Федерации способствовал созданию правил

и гарантий, связанных с урегулированием вопросов лингвистического разнообразия, которые стали за некоторыми исключениями распространяться и на мигрантов.

Кроме того, сформировалась международно-правовая база, устанавливающая права мигрантов, в том числе – относительно использования родного языка и всех связанных с этим моментов. В частности – Российской Федерацией заключён ряд двусторонних договоров, например, Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой (Пхеньян, 9.02.2000; ратифицирован РФ Федеральным законом от 5.08.2000 N 108-ФЗ; вступил в силу 30.10.2000), в соответствии со ст. 8 которого Стороны признают, что находящиеся на их территории граждане другой Стороны имеют право пользоваться родным языком.

Лицам в Российской Федерации, не владеющим языком судопроизводства, обеспечивается право изъясняться на родном языке или свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика в процессе, что, безусловно, распространяется не только на граждан РФ. Данное правило содержится во многих международных правовых актах, например, в ч. 2 ст. 26 Европейской Конвенции о правовом статусе трудящихся-мигрантов (24.11.1977), где указывается, что каждая договаривающаяся сторона предоставляет трудящимся-мигрантам в случае рассмотрения гражданского или уголовного дела, возможность получения помощи переводчика, если они не понимают или не могут изъясняться на языке, используемом в суде.

На сегодняшний день наблюдается увеличение числа проблем, вызванных необходимостью обеспечивать участникам судопроизводства надлежащий перевод. Увеличение количества мигрантов неизбежно повлекло и увеличение числа лиц, не владеющих языком судопроизводства, что требует задействования большего числа переводчиков, поскольку, например, в соответствии с п. 5 ст. 16 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (принята резолюцией 45 / 158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1990) всем трудящимся-мигрантам и членам их семей, подвергаемым аресту, в момент ареста необходимо сообщить, насколько это возможно, на языке, который они понимают, о причинах их ареста и без за-

держек о любых предъявляемых им обвинениях.

Существуют большие сложности осуществления перевода с учётом роста разнообразия представленных среди мигрантов национальностей. Нередки случаи, когда совершение процессуальных действий откладывается в связи с невозможностью обеспечения предоставления услуг специалиста, способного осуществлять перевод определённого наречия какого-либо языка. В неразрешимых ситуациях производится двойной перевод, который основан на работе одновременно двух переводчиков, один из которых осуществляет перевод с языка судопроизводства на язык, понятный второму переводчику, а последний, в свою очередь, осуществляет перевод на язык, понятный участнику судопроизводства. Ограничений по количеству одновременных переводов в законодательстве не установлено.

В соответствии с оп. с сч. 1 ст. 5 Декларации о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (отв. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40 / 144 от 13 декабря 1985 г.), иностранцы при необходимости пользуются правом на бесплатную помощь переводчика при уголовном разбирательстве и, когда это предусмотрено законом, при других разбирательствах. В РФ бесплатные услуги переводчика гарантируются только в уголовном судопроизводстве, что закрепляется в сч. 2 ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 г. (далее – УПК). В конституционном, гражданском и административном – подобная гарантия отсутствует.

В соответствии с нормой оп. f сч. 3 ст. 18 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей при предъявлении любого уголовного обвинения трудящиеся-мигранты и члены их семей имеют право пользоваться бесплатной помощью переводчика, если они не понимают языка, используемого в суде, или не говорят на этом языке. В УПК закрепляется необходимость разъяснения и обеспечения права пользоваться родным или иным языком и услугами переводчика участникам, не владеющим языком, на котором ведётся судопроизводство, а также участникам, недостаточно им владеющим. В других видах судопроизводства упоминаются только лица, не владеющие языком судопроизводства. Первый подход видится более приемлемым, поскольку у лица, способного изъясняться на

языке судопроизводства, может при этом отсутствовать понимание слов и словосочетаний, употребляемых в переносном значении, а также других лингвистических особенностей, основанных на национальной специфике.

Возникает вопрос не только о компетентности переводчика, но и его добросовестности как по отношению к лицу, которому осуществляется перевод, так и по отношению к должностным лицам правоохранительных органов и суду.

Статус гражданства и разность культур порождают и специфику производимых лицами действий, направленных на возникновение правоотношений, представляющих интерес для российской правоохранительной системы и / или судебной власти. В связи с чем в отношении мигрантов возникает необходимость применения специфических норм, правил и процедур судопроизводства, порождающих большие сложности при осуществлении перевода.

К тому же, различие правовых систем осложняет процедуру разъяснения участникам, не владеющим языком судопроизводства, их прав и обязанностей, а также последовательности необходимых для совершения действий, особенно если в государстве родного языка указанным лицам не приходилось участвовать в подобных процедурах.

Ч. 3 ст. 18 УПК содержит гарантию осуществления перевода документов, подлежащих обязательному вручению участнику судопроизводства, на родной язык соответствующего участника или на язык, которым он владеет. В других видах судопроизводства гарантии перевода подлежащих обязательному вручению документов не содержится вообще, что возможно объяснить наличием и обеспечением права пользоваться услугами переводчика, а также осознанием невозможности обязать запросить перевод в связи с платностью оказываемых услуг, но не учитывается возможность того, что участник не воспользуется указанным правом в данном случае и перевод документов так и не будет осуществлён, в связи с чем могут возникнуть проблемы как в ходе судопроизводства, так и во время исполнения решения. Необходимо, кроме перевода, также разъяснять значение некоторых лингвистических конструкций, отражающих специфику российской правовой системы, к чему не готовы ни правоприменительный орган, ни переводчики.

При осуществлении судопроизводства с участием лиц, не владеющих его языком, есть и опасность злоупотребления правом на осуществление перевода с целью искусственного затягивания совершения процессуальной процедуры. Ситуация осложняется тем, что факт владения языком судопроизводства практически невозможно проверить, поскольку достаточно указания самого лица на то, что данный язык ему непонятен. Длительное время обсуждается вопрос введения презумпции знания языка судопроизводства при условии наличия у лица образования на данном языке.

Решение указанных проблем состоит в расширении и укреплении международного сотрудничества по вопросам интеграции правовых систем и по проблемам миграции; в подготовке кадров для работы с мигрантами, в частности – переводчиков; в осуществлении деятельности, направленной на повышение правовой грамотности мигрантов.

© Копылова М. А., 2007

Лукашёва Л. С.

Екатеринбург, Россия

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ МИГРАНТОВ В СВЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В современном российском обществе в связи с необходимостью расширения прибывающих категорий граждан и нуждающихся в государственной помощи требуется разработка законодательной базы репатриации в Россию, ориентированной на нужды государства, общества и человека.

«Параллельно с совершенствованием законодательства должна идти оптимизация правоприменительной практики в сфере миграции и гражданства», – это строки из итогового документа VII круглого стола уполномоченных по правам человека Российской Федерации, проходившего в Калининграде в 2003 году. В его работе в качестве общественных экспертов принимали участие и лидеры переселенческих организаций. В России, однако, так и не выработаны адекватные меры защиты соотечественников ни внутри России, ни за рубежом. Сотни тысяч граждан годами не могут обменять, получить или восстановить утраченные российские документы, испытывают сложности с оформлением пенсий, пособий по инвалидности или рождению ребенка. Одновременно возрос уровень коррупции, и правоохранительные органы перестали справляться со своей главной задачей – обеспечением

безопасности жизни россиян. И при этом власть и гражданское общество так и не смогли договориться о главном – как создать систему общественного соучастия в обеспечении безопасности жизни в России?

Пока законодатели и правоприменители России «накапливали практику» и вносили поправки в только что принятый закон о гражданстве, переселенческие организации России, из которых общепризнанным лидером стала Уральская ассоциация беженцев, приступили к сложной и кропотливой работе по практической «оптимизации правоприменительной практики в сфере миграции и гражданства». Лидеры уральских переселенцев представляли интересы граждан в прокуратуре, суде, открывали общественные приемные по проблеме гражданства, проводили пресс-конференции и митинги. А в конце 2003 года была проведена «горячая линия» по гражданству.

В начале 2006 года проблему миграции изъяли из МВД и возвратили в ранг гражданских служб; переселенческие организации стали приглашать в Государственную думу на обсуждение изменений в законодательстве, вышел ряд указов Президента РФ, важнейший из которых – о добровольном переселении соотечественников в Россию. Однако это не изменило сути работы миграционного ведомства. Так, силовики, в свое время заменившие гражданских специалистов Федеральной миграционной службы, остались на своих рабочих местах (начиная с директора ФМС, заканчивая инспекторами ее районных отделов), не была восстановлена ни одна социальная программа, ни один социальный отдел. И даже восстановленный совет общественных организаций при директоре ФМС был составлен таким образом, чтобы ни одна по-настоящему активная, реально защищающая права человека НКО в него не вошла. Главным методом работы государства в области миграции стал метод имитации. Это значит: не определена миграционная политика России; не изменена технология определения гражданства (соотечественников принуждают к повторному приобретению гражданства России); не возбуждено ни одного уголовного или даже административного дела в отношении работников, вымогающих взятки или открывающих под именем своих родственников многочисленные коммерческие структуры миграционного характера. Продолжается игнорирование судебной и правозащитной практики. В результате Россия при-

обрела отрицательный имидж в глазах соотечественников, а миграция стала приобретать экономический характер – в Россию больше едут на работу, а не на постоянное жительство.

Федеральный закон «О гражданстве РФ», вступивший в силу в 2002 году, а также очередные реформирования ведомства, исполняющего этот закон, привели к возникновению проблем с соблюдением и восстановлением прав соотечественников, беженцев и лиц, ищущих убежище в России.

Замена гражданских структур и кадров на силовые привело, с одной стороны, к дефициту кадров в ФИС, с другой – к массовым нарушениям сроков рассмотрения и прохождения документов; неверному определению статуса соотечественников (с точки зрения закона – гражданина России; с точки зрения ФИС – лицо без гражданства).

Уральские ГПУ ежегодно выпускают десятки специалистов по социальной работе, которые могут восполнить потребность ФИС в кадрах, а страны – в оптимизации правоприменительной практики в сфере миграции и гражданства.

Для решения данных вопросов участники предлагают:

- обсудить с переселенцами и принять государственную миграционную политику России;

- привести кадровую работу в ФМС в соответствие с требованиями законодательства об основах государственной Службы;

- переориентировать часть служб ФМС с силовых на социальные, сокращая численный состав миграционной инспекции на специалистов по социальной работе;

- восстановить общественные советы при Управлениях ФМС РФ в регионах;

- создать региональные ветви президентской комиссии по гражданству, в функции которой передать определение наличия гражданства России и споры в этой области;

- ввести институт Комиссара по делам соотечественников из числа видных правозащитников;

- включить в Бюджетный кодекс строку на реализацию закона «О Государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом»;

- ввести меры государственной поддержки некоммерческих организаций, работающих с соотечественниками внутри России и за ее пределами.

© Лукашева Л. С., 2007

Майданова Т. В.
Екатеринбург, Россия

РАЗВИТИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК УСЛОВИЕ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Несмотря на то, что проблема развития толерантности мигрантов рассматривается в качестве актуальной и приоритетной, конкретных психологических технологий и программ в настоящее время явно недостаточно.

При рассмотрении проблемы развития толерантности мигрантов в современной России можно согласиться с моделью изменения поведения, предложенной Л.М. Митиной. Модель изменения поведения предполагает преобразование мотивационной, интеллектуальной, аффективной и поведенческой структур личности через специально подобранную систему упражнений, в результате чего внешняя детерминация жизнедеятельности меняется на внутреннюю. Терпимость и толерантность выступают в качестве важнейших личностных и профессиональных свойств личности мигранта. Толерантное отношение включает в себя проявление эмоциональной устойчивости при соблюдении конвенциональных договоренностей, принятии жизненно важных решений.

Любой человек в разных ситуациях может проявлять различные механизмы принятия и терпения. При внимательном рассмотрении можно выделить типы людей с терпимым, толерантным или нетерпимым отношением.

В качестве условий развития терпимого и толерантного отношений мигрантов к субъектам жизненной реальности могут выступать: 1) повышение сензитивности мигрантов к идеям толерантности как гуманистической ценности; 2) личностно-ориентированное отношение мигрантов к субъектам взаимодействия; 3) задействование в межличностном взаимодействии механизмов принятия (понимание, эмпатия, асертивность) и терпения (выдержка, самообладание, самоконтроль).

Данные условия могут быть реализованы в специально разработанной трехуровневой программе «Проявление толерантности в психологии и поведении мигрантов». Первый уровень учебной дисциплины содержит базовый, или основной, модуль и включает в себя лекционный курс, ориентированный преимущественно на теоретические знания из области ценностных основ толерантности.

Второй уровень содержит интерактивный модуль, объединяющий в себе практические занятия, в рамках которых происходит накопление жизненных, профессионально-значимых навыков по прикладным вопросам толерантности. В рамках данного уровня предусмотрено прохождение спецкурса типа: «Приобщение к культуре толерантности».

Третий уровень содержит консультативно-консалтинговый модуль, предлагающий выполнение слушателями конкретных практических заданий самостоятельно в виде рефератов, дипломных и выпускных квалификационных работ по проблемам этнической толерантности, психологии толерантности в межличностном взаимодействии, обучению на толерантной основе, воспитанию толерантности.

Такие формы как учебно-методический семинар, учебно-практический семинар, методический тренинг позволяют реализовать все необходимые психологические условия развития профессионального и личностного опыта мигрантов. Целью таких тренингов является развитие толерантного отношения мигрантов, что является одним из важнейших условий для развития толерантности в межличностном взаимодействии. В результате спецсеминаров и методического тренинга актуализируется толерантное отношение к окружающим; изменяется преобладающая форма отношений и оптимизируется, в целом, межличностное взаимодействие.

В современном понимании толерантность – не просто признание и уважение убеждений и действий других людей, терпимость к иному рода взглядам, но признание и уважение самих «других людей», Толерантные отношения возможны только на основе бескорыстного принятия другого человека, независимо от его культурного и социального уровня.

Подводя итоги, следует отметить, что проблема развития толерантной личности – общесоциальная проблема, которая может быть решена при соблюдении следующих общих принципов и условий: 1) уважительного отношения к представителям других национальностей и религий; 2) знакомство мигрантов с традициями, культурой, историей России; 3) возможности национального и религиозного просвещения для каждого народа; создания и функционирования национально-культурных, религиозных и других организаций; поддержки государством на-

ционально-культурных инициатив; 4) отсутствия давления со стороны международных, национальных и религиозных организаций.

Целенаправленная деятельность по развитию толерантности при соблюдении соответствующих принципов и условий приобретает глубокий смысл и обеспечивает реальную действенную помощь в адаптации мигрантов в современной России.

© Майданова Т. В., 2007

Малых М. Ю.

Екатеринбург, Россия

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ МИГРАЦИИ

В современном обществе человек часто «вынужден» приспосабливаться к изменяющимся условиям жизнедеятельности, ему приходится снова и снова находить пути решения жизненных проблем, так как прежние способы уже становятся неактуальными. При этом человеку приходится «успевать» за такого рода изменениями и как-то к ним адаптироваться, независимо от его желания. В данном случае одной из подобного рода сложностей становится в силу разного рода причин смена места жительства, а именно миграция. При этом важно отметить, что миграция в данном случае может являться одним из образов жизни в современном «обществе риска». Жизнь в чужой социокультурной среде рассматривается как способ выживания, в этих условиях обе стороны – и мигранты, и коренное население – неизбежно стремятся, прежде всего, сохранить свои традиции, а не освоить чужие. Следовательно, возникает угроза процессу ассимиляции мигрантов, чреватая неустойчивостью социальной системы в целом. Это отчасти объясняется различием, специфическими особенностями культур региона исхода и региона вселения. Ведь культуры, созданные различными народами, не столько являются равными, сколько обладают презумпцией равенства; они не обязательно враждебны другим культурам, но, как правило, являются чуждыми друг другу. И в таком случае может возникнуть ситуация, когда культура региона вселения мигранта, имея доминирующую позицию, поглощает культуру привнесенную, не давая тем самым ей возможности развиваться. А формирующаяся в современном обществе так называемая мультикультурная среда не всегда является оптимальной с точки зрения подчеркивания преимуществ какой-либо культуры, которая могла бы оп-

тимально дополнить уже имеющийся набор культурных схем, ценностей и норм. Процессы ассимиляции, принятия коренной культуры можно описать с помощью термина «социальная компетентность», так как развитие последней, в первую очередь, обусловлено культурными особенностями среды, в которой находится индивид в тот или иной момент своей жизни. В таком случае возникает вопрос: а как же такая резкая перемена в жизни человека, как миграция, влияет на развитие его социальной компетентности? Однозначного ответа здесь дать практически невозможно.

Перемена места жительства влечет за собой необходимость адаптации к новым экономическим, социальным, природным, а иногда и этнокультурным условиям. Во многих случаях она проходит болезненно и не всегда успешно. Особенно сложно проходит адаптация в случае вынужденной миграции, при этом наиболее тяжело переносится несоответствие ожиданий реальной обстановке. Основным инструментом конструирования социальной реальности является повседневное мышление, базирующееся на понимании действия «другого» в той мере, которая достаточна для реализации наличной цели. И чтобы увеличить качество понимания, нужно искать тот смысл, который имеет значение для самого действующего. Но часто этот смысл не бывает найден, потому что мигранты, как минимум, не знают языка того места, куда они приезжают, не владеют особенностями культуры, в которую они вовлекаются. Любая интерпретация этого мира основана на запасе предыдущих знаний, но при кардинальной смене привычной для индивида реальности случается так, что те знания, которыми он обладает, частично утрачивают свою актуальность. Именно поэтому возникает необходимость «переучивания» индивида жить в новом для него обществе, что предполагает освоение приезжими тех культурных схем и ценностей, которые приняты в культурной среде региона вселения. Следовательно, эффективность подобного процесса напрямую влияет на процесс адаптации в целом и формирование специфических качеств социальной компетентности личности.

Процесс освоения и, следовательно, интерпретации социальной реальности тесно связаны с понятием социального действия. Социальные действия предполагают коммуникацию, а для того, чтобы вступать в коммуникации с другими, индивид должен явст-

венно исполнять во внешнем мире акты, которые предположительно интерпретируются другими как знаки того, что он хочет передать. И здесь возникает еще одна, как мне кажется, из основных трудностей. Эта трудность для мигранта связана напрямую с отношением местного населения к приезжим. Эмпирически доказано, что в современном обществе до сих пор распространена мигрантофобия, местное население значительно дистанцируется от приезжих. Также достаточно распространен стереотип представления о мигрантах как о ненужных людях, создающих дополнительные проблемы, усугубляющие социальные болезни общества. Мигрантам приходится корректировать собственные установки и убеждения, чтобы более или менее соответствовать изменившейся среде, так как нетерпимость в той или иной степени может проявляться также и со стороны самих мигрантов лишь потому, что они просто неверно интерпретируют происходящее вокруг них в силу незнания «правил жизни» в конкретной культурной и социальной среде, ставшей для них «новым домом».

Отсутствие конструктивного взаимодействия между мигрантами и коренным населением препятствует развитию социальной компетентности у приезжих, адекватной изменившейся социальной реальности, поскольку последняя возникает на основе подобного опыта. Получается, что в данной ситуации у мигрантов шансы адаптации невелики, что может быть чревато снижением уровня компетентности либо его «кристаллизацией».

© Малых М. Ю., 2007

Овчинникова Д. А., Харченко О. А.
Екатеринбург, Россия
**РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ
В СОЦИУМЕ В ОТНОШЕНИИ
ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ**

Миграция – это «страшная» реалья нынешнего времени, обусловленная военными конфликтами и разного рода природными и техногенными катастрофами. Для России стратегической целью должно стать не отторжение мигрантов, а постановка и решение проблемы их эффективной интеграции в общество. При этом особое значение приобретает проблема интеграции детей из семей мигрантов (в первую очередь – средствами образования), поскольку это то поколение мигрантов, представители которого должны стать полноценными гражданами российского общества.

В соответствии с ратифицированными нашим государством международными документами, определяющими права детей и права беженцев, Россия должна обеспечить ребенку, желающему получить статус беженца или считающемуся беженцем, право на бесплатное начальное образование и на создание благоприятных условий для получения им среднего и профессионального образования.

Так, например, в своей практической работе Департамент образования города Москвы, исходит из того, что все дети, вне зависимости от их статуса, должны иметь доступ к качественному образованию.

Особую трудность в обеспечении образовательного процесса для детей-мигрантов из дальнего зарубежья и стран СНГ представляет значительное увеличение среди них процента лиц, не владеющих русским языком и отстающих в обучении из-за позднего поступления в школу. В целях решения этой проблемы на базе ряда московских школ организованы малые группы по изучению русского языка, которые дети беженцев и вынужденных переселенцев посещают во второй половине дня.

Еще одним шагом к решению данного вопроса стало установление партнёрских связей с УВКБ ООН. 22 марта 2002 года Департамент образования подписал Соглашение о сотрудничестве с УВКБ ООН, в том числе о реализации проекта «Обучение, социально-психологическая и культурно-языковая адаптация детей беженцев и ищущих убежище лиц, не владеющих или слабо владеющих русским языком».

В ходе реализации данных проектов неизбежно возникновение целого ряда сложностей. Сложное материальное положение современной системы образования в России приводит к дефициту средств, необходимых для организации дополнительного обучения мигрантов русскому языку, дефициту учителей со специальным высшим образованием. Также у большинства образовательных учреждений нет средств, выделенных на дополнительную литературу, направленную на введение детей-мигрантов в курс обучения как русскому языку, гуманитарным наукам, так и точным наукам.

На сегодняшний день необходимо учитывать и остро стоящую проблему дискриминации беженцев. Дети-мигранты не должны быть изолированы от других учащихся, от общения со сверстниками. В этом случае мы должны говорить о том, что в школах необ-

ходимо знакомить детей не только с русской культурой, но и культуру других наций, вводить в курс обучения понятия человеческой этики, морали, обучать терпимости и уважению как к людям беженцам, так и к их трудной жизненной ситуации.

Решение указанных проблем в настоящее время на территории Российской Федерации частично взяло на себя антифашистское движение «Наши». Волонтеры движения «Наши» активно проводят семинары, тренинги в общеобразовательных учреждениях в пользу обучения и предоставления льгот детям-мигрантам на образование. На государственном же уровне пути решения данных проблем предложены только в теории, на практике реализовать задуманные планы пока не получается, в том числе, потому что они не поддержаны материальной базой.

© Овчинникова Д. А.,
Харченко О. А., 2007

Петрова Л. Е.

Екатеринбург, Россия

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ КАК ИНДИКАТОР АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ К РОССИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ

Миграция стала важным социальным явлением в российском обществе. Не только политики, экономисты, но и обыватели признают неизбежность использования мигрантов для решения важнейших проблем российского общества – демографической стабильности, баланса спроса и предложения на рынке труда и пр. Только с начала 2007 года на миграционный учет в Свердловской области поставлены 96,5 тыс. иностранцев. Самый большой поток мигрантов фиксируется из государств Средней Азии – бывших советских республик.

Чем характеризуются эти мигранты? Прежде всего, это представители другой культуры, если позволительно – другой цивилизации. Кстати, применительно к российскому обществу корректнее употребить термин «российская культура», или «культура российского общества», нежели «русская культура», ведь русских по данным последней переписи населения 2002 г. в РФ лишь 80 %. Что означает принадлежность к другой культуре, другому цивилизационному укладу? Набор признаков слишком велик, чтобы быть совершенно полным. Укажем лишь на ключевые. Это ценности, в том числе религиозные; это уровень и качество образовательных и профессиональных навыков, пре-

жде всего, современных, востребованных на актуальном рынке труда; это набор внешних маркеров, к которым применительно к обсуждаемой нами группе относится язык, внешность, манеры; и, наконец, повседневные практики, т.е. то, чем человек занимается привычно, на что он тратит большую часть своего нерабочего времени, чем ему нравится заниматься. Именно изменение повседневных практик у мигрантов является, с нашей точки зрения, значимым индикатором интеграции в российское общество.

Здесь возникает ряд вопросов: относится ли изменение повседневных практик к трудовым мигрантам, составляющим значительную часть миграционного потока в РФ? Ведь в результате повседневных наблюдений ясно, что трудовые мигранты собственно трудятся с утра до вечера и без выходных. Но не все так просто. Как и любая социальная общность, трудовые мигранты существенно дифференцированы. Критериев классификации этой группы великое множество. Для наших целей применим следующий: мотивы миграции в Россию. Здесь выделяются две группы. 1) Мигранты среднего и даже старшего возраста, имеющие семью на родине, намеренные вернуться, заработать деньги (или совершать сезонную, маятниковую миграцию). Они не имеют твердого намерения «пустить корни» в России, признаком чего и является отсутствие здесь родной семьи и детей. Кстати, указание на родную семью не случайно – некоторые создают в России вторую семью. 2) Мигранты-мужчины молодого возраста, неженатые и не имеющие детей. Представители этой группы рассматривают переезд в Россию не как временное явление, вынужденный шаг. Скорее это – часть жизненной стратегии, направленной на долговременное улучшение качества жизни.

Изменение повседневных практик касается, прежде всего, второй из указанных групп. Желание «включиться» в российское общество, стать похожими на молодых россиян приводит к принятию здешнего образа жизни, культурных практик, моды и пр. Что дает основание полагать, что мигранты меняют повседневные практики? Наблюдение. В погожий день в пешеходной зоне улицы Вайнера в Екатеринбурге гуляют не только люди с привычными лицами, но и молодые выходцы из Азии. Они пока чувствуют себя неуверенно, часто оглядываются, но уже гуляют, как и горожане, в выходной день. В торгово-развлекательных центрах, особенно

расположенных в «зоне массового проживания мигрантов», мы видим пришедших развлекаться трудовых мигрантов (например, в ТРЦ «Карнавал»). Громкие разговоры по мобильным телефонам на незнакомом языке стали обыденностью общественного транспорта Екатеринбурга. Покупающие в киоске пиво и распивающие его на улице трудовые мигранты уже никого не удивляют, хотя ясно, что для выходца из мусульманской среды это – нонсенс.

Приведенные примеры и сама идея может быть рассмотрена лишь как постановка проблемы, потому что требует детального эмпирического изучения. А сделать это не просто по нескольким причинам. Во-первых, до сих пор группа мигрантов является закрытой для социологического сообщества, несмотря на некоторый рост публикаций, содержащих результаты исследований этого феномена. Вряд ли традиционные опросные инструменты подходят в данном случае – у мигрантов нелегко взять полуструктурированное интервью, не говоря уже о стандартизированных техниках. И дело не только в языковых проблемах, но и в зачастую полуправильном или нелегальном положении информантов, трудностях вхождения в контакт и пр. Во-вторых, само по себе сравнение повседневных практик в «домиграционный» период жизни и актуальных требует получения достоверной информации о первых. Сделать это участники исследования могут лишь «по воспоминаниям», что всегда чревато систематическими и случайными ошибками в полученной информации. В-третьих, если повседневность рассматривать как совокупность рутинных практик времяпровождения (естественно, это неполное, даже в чем-то примитивное представление о повседневности, но мы указываем его применительно к сбору данных), то достоверным методом сбора информации будет не только интервью, но и дневник, а на это во взаимодействии с мигрантами рассчитывать трудно. Тем не менее, подобного рода изыскания внесли бы существенный вклад не только в наше знание о мигрантах, но и были бы полезны для социальной политики в этой сфере.

© Петрова Л. Е., 2007

Попов Д. С.

Екатеринбург, Россия

СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР

Вторая половина XX века стала периодом наиболее широкого распространения

русского языка и русской культуры (как многонациональной советской культуры) во всем мире. Русский язык превратился в один из ведущих мировых языков, используемых во всех крупнейших международных организациях. Общее количество владевших русским языком к концу 1980-х годов составляло около 350 миллионов человек. Большой вклад в распространение русского языка за рубежом вносила и советская система образования, являвшаяся, по оценкам западных экспертов, одной из лучших в мире: в 1989 / 1990 учебном году в различных гражданских, военных, партийных, профсоюзных, комсомольских учебных заведениях обучалось на русском языке около 180 тысяч иностранных граждан.

Помимо широкомасштабного изучения русского языка в академическом секторе (средних и высших учебных заведениях) многих стран (прежде всего Восточной Европы, Азии и Африки) прилагались значительные усилия по расширению зарубежных курсов русского языка, на которых занималось преимущественно взрослое население, овладевая навыками разговорной речи и чтения. Русский язык на этих курсах в конце 1980-х годов изучали 600 тысяч человек в 90 странах мира.

Распад СССР и утрата Россией прежнего экономического, технологического и геополитического влияния на постсоветском пространстве и в мире в целом отразились и на положении русского языка и культуры в ближнем и дальнем зарубежье.

Таблица 1. Численность населения, в той или иной мере владеющего русским языком, в странах СНГ и Балтии в 2004 году (тысяч человек) (Данные центра демографии и экологии человека Института проблем прогнозирования РАН <http://www.demoscope.ru>)

Страны	Статус русского языка в стране	Общая численность населения	Число считающих русский язык родным	Число активно владеющих русским языком	Число пассивно владеющих русским языком	Число не владеющих русским языком
Азербайджан	иностран- ный	8200	250	2000	3500	2700
Армения	иностран- ный	3200	15	1000	1200	1000
Белоруссия	государ- ственный	10200	3243	8000	2000	200
Грузия	иностран- ный	4500	130	1700	1000	1800
Казах- стан	офици- альный	15100	4200	10000	2300	2800

Кирги- зия	офици- альный	5000	600	1500	2000	1500
Латвия	иностран- ный	2300	960	1300	700	300
Литва	иностран- ный	3400	250	500	1400	500
Молда- вия	язык меж- нацио- нального общения	3400	450	1900	1000	500
Таджи- кистан	язык меж- нацио- нального общения	6300	90	1000	2000	3300
Турк- мения	язык меж- нацио- нального общения / фактиче- ски ино- странный	4800	150	100	900	3800
Узбеки- стан	язык меж- нацио- нального общения	25000	1200	5000	10000	10000
Украи- на	язык нац- меньшин- ства	48000	14400	29000	11000	8000
Эсто- ния	иностран- ный	1300	470	500	500	300

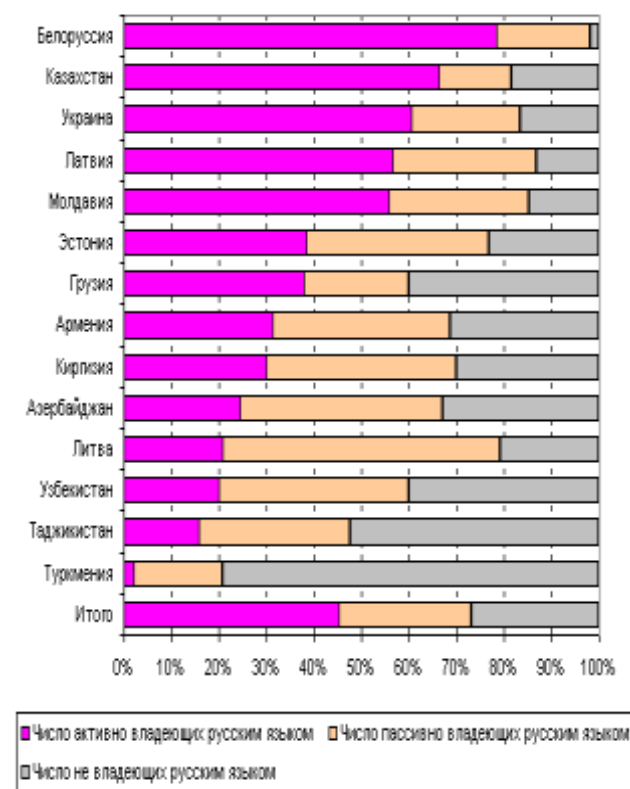

Рисунок 1. Распределение населения стран СНГ и Балтии по степени владения русским языком (2004 год), %

По прогнозам экспертов, численность русскоязычного населения к концу первой трети XXI века может сократиться почти в два раза. Сокращение численности носителей языка несомненно приведет к усугублению падения статуса русского языка, по-

сколькo поддержание статуса языка как в самой России, так и за ее пределами требует основательной и планомерной языковой политики.

Несомненно, что сокращение количества носителей языка связано с серьезными демографическими проблемами в нашей стране. Поскольку восполнение численности населения происходит в основном за счет искусственного прироста населения (миграций), возрастает необходимость активных мероприятий в области языковой политики.

Язык является не только частью культуры, а представляет собой систему мышления, способ структурирования индивидом реальности, в том числе и социальной. Индивид в процессе социализации именно через язык усваивает системы мышления, т.е. по сути, учится думать на языке. Учитывая темпы сокращения русскоязычного населения, оставляя без внимания языковой контекст миграционных тенденций, мы рискуем утратить как языковое сообщество, так и культурную традицию.

© Попов Д. С., 2007

Попова Н. Е.

Екатеринбург, Россия

МИГРАЦИЯ И ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Миграция населения сегодня – весьма распространенное явление. В Россию едут на заработки граждане из ближнего зарубежья, из так называемых бывших республик СССР и из дальнего зарубежья.

Миграционное население составляет основу конкуренции на рынке труда, оно готово выполнять самую простую и неквалифицированную работу, которая в России оплачивается очень дешево. Такой профессией является работа дворника и уборщицы.

Современные торговые комплексы, построенные с применением разнообразных строительных материалов, требуют профессионального ухода. Работодатель, принимая иностранца на работу в современный торговый комплекс, вынужден решать множество проблем.

Во-первых, работодатели должны предоставлять не только рабочие места, но и ряд социальных услуг: одноразовое питание за счет заведения, бесплатное медицинское обследование на профпригодность, спецодежду, комнату в общежитии.

Во-вторых, работодателю приходится решать вопрос по оформлению документов

иностранца для легального проживания в России.

Третья проблема, с которой сталкиваются работодатели, – это языковой барьер. Не все иностранцы хорошо понимают русский язык, чаще не умеют читать по-русски, и от этого страдает качество работы, выполняемое наемными иностранными рабочими.

Четвертая проблема. На первый взгляд, простая работа уборщицы, но сегодня этот вид деятельности требует серьезного и вдумчивого подхода к качеству выполняемого труда. Современная уборщица должна разбираться в моющих средствах и применять их строго по назначению и знать, в каких случаях используются щелочные, спиртовые, кислотные, дезинфицирующие моющие средства, поэтому знание русского языка и умение читать аннотации к моющим средствам – актуальнейшая проблема при найме иностранных рабочих.

Пятая проблема. Не все уборщицы готовы работать полный рабочий день и добросовестно выполнять возложенные на них обязанности.

Обозначен небольшой ряд проблем, связанных с трудоустройством иностранных рабочих. Использование мигрантов в решение хозяйственных вопросов страны частично закрывает вопросы нехватки кадров, но и одновременно создают серьезнейшие социально-экономические проблемы.

© Попова Н. Е., 2007

Попова Н. Г.

Екатеринбург, Россия

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЭПОХУ МИГРАЦИИ

Сложные взаимодействия субъектов миграционного процесса на всех этапах и уровнях привели к тому, что миграция оказалась фактором серьезных социальных изменений на макро- и микроуровнях как в «принимающих», так и в «отдающих» странах. Поэтому сегодня актуализируется применение методологии и инструментария социологической науки в анализе миграционных процессов и их социальных последствий. В 2000 г. Дж. Урри в статье «Мобильная социология» и книге «Социология за пределами общества» утверждает, что социология как наука в XXI веке столкнется с необходимостью осмысления и теоретизирования по поводу постоянного перемещения людских, информационных и символических материальных потоков. По-видимому, неиз-

бежностью становится переосмысление самой природы социального взаимодействия.

Социальная структура общества определяется не только материальными, но и культурными компонентами: члены такого общества конструируют общую идентичность, которая определяется историей, культурой, языком и верой. Такое представление привело к созданию конструкта идентичности, в которой индивид, чтобы быть полноценным членом общества, должен иметь какую-либо национальную принадлежность. Но теперь, в условиях все возрастающей миграции населения, можно говорить о потоках, в которые включены мобильные общности людей. Такие потоки пересекают внешние и внутренние границы обществ и создают новые временные и пространственные координаты. Потоки людей определяются их различными стремлениями найти работу, жилье, семью. При этом они перемещают не только себя, но и материальные объекты – символы, в том числе информацию. Как утверждает М. Кастельс в трилогии «Информационный век» (М. Castells 1996, 1997, 1998) значимость глобальных потоков (в том числе и людских) настолько велика, что пространство потоков доминирует над социальными практиками, поэтому их действие становится близко функциям власти.

Глобальные сети и потоки трансформируют саму природу социальной жизни людей, которая уже не может представляться в пределах одной страны. В этих условиях изменяется социальное взаимодействие, которое по своей природе во многих случаях становится межкультурным, а субъекты такого взаимодействия должны рассматриваться в зависимости от степени и динамики их включенности в тот или иной поток.

Определим межкультурное взаимодействие как поле взаимоотношений, в котором существует сеть связей, привязанностей, зависимостей, обменов, отношений личной преданности между агентами. Специфика такого поля состоит в том, что все взаимоотношения осуществляются посредством языка, неродного для одной или обеих сторон, который является специфической социальной тканью, соединяющей людей друг с другом. Такое поле находится в постоянном движении, оно расширяется или сжимается, усиливается или ослабляется, смешивается с другими сегментами поля или дистанцируется от них. Мельчайшей фундаментальной единицей социологического анализа для нас является отдельный факт взаимодействия,

событие. Причем под взаимодействием мы понимаем не только взаимодействие индивидов в сопresутствии, но и взаимодействие личностей посредством жизненной ситуации. Например, женщина из мусульманской страны при переезде в Россию получила возможность работать (поскольку владела русским языком), а муж нет, в таком случае результатом межкультурного взаимодействия (отдельных личностей и российской культуры) может стать изменение гендерных ролей, где жена будет работать, а муж ухаживать за детьми. Однако, такая ситуация возможна лишь в случае готовности и желания супругов адаптироваться к жизни в другой стране.

Любое взаимодействие предполагает наличие неразрывной и взаимообуславливающей связи между субъектом деятельности (агентом межкультурного взаимодействия) и характеристиками условий его жизнедеятельности (например, адаптация к новой культурной среде). Среди структурных ситуационных компонентов, в которых протекает межкультурное взаимодействие, выделим материальную, социальную и культурную среду.

Материальная среда включает естественные и искусственные условия физического существования человека. Она, с одной стороны, создает для него ограничения и угрозы (холодный климат России), с другой стороны, представляет собой ресурсы воздействия на других людей, природу, самого себя. Способы и механизмы взаимодействия с материальной средой выражены в технологиях, доступных человеку.

Социальная среда есть совокупность отношений в обществе в экономической, политической, социальной и культурной сферах. С одной стороны, такие отношения формируют зависимость человека от общества. Например, жесткие нормы в отношении людей иной сексуальной ориентации могут быть серьезным препятствием в процессе адаптации к российским условиям. С другой стороны, общественные отношения направлены на удовлетворение потребностей человека, социальное влияние. Но для того, чтобы отдельный человек мог использовать социальную среду для удовлетворения своих потребностей, он должен быть не просто включен в нее (являться членом общества), а эффективно взаимодействовать через с другими людьми через конкретный социальный институт, кроме того, обладать статусом, правами и т.д. Таким образом, первый

шаг на пути к решению миграционных проблем лежит, например, в сфере урегулирования правовых вопросов.

Культурная среда есть совокупность смыслов, ценностей, социальных норм, которые согласуют и регулируют поведение членов общества посредством языка.

С одной стороны, культурная среда ограничивает деятельность рамками смыслов. Так, столкновение стереотипов, характерных для разных культур, может быть барьером общения, стать причиной культурного шока. Другим примером является различие ментальности и культуры представителей разных стран, оказавшихся в непосредственной близости в связи с интенсивной миграцией. Различная ментальность проявляется в различном отношении ее носителей к собственной безопасности, к ценностным приоритетам. Это затрудняет формирование единых принципов взаимодействия. От человека западной культуры, например, эта ситуация требует ограничения индивидуальных стремлений и индивидуалистических импульсов активности. От человека иной ментальности, активность которого определяется внешними источниками, импульсом принадлежности, наоборот, эта ситуация требует самостоятельности мышления, наличия навыков самопринуждения, сформированных на базе сознательной дисциплины.

Но, с другой стороны, смыслы, цели и средства для их достижения, превратившись во внутренние характеристики человека (ценностные установки, достаточный уровень межкультурной компетенции, интересы и др.), становятся мощным внутренним ресурсом его активности. Усвоение норм, ценностей и традиций другой культуры получило название аккультурации. Уровень интериоризации культурных компонентов определяет форму или стратегию аккультурации (ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию, интеграцию).

Индивид, оказывая влияние на ситуацию и преобразуя ее определенным образом, превращается в субъекта межкультурного взаимодействия, наиболее важной чертой которого «... является тенденция к самотрансцендентности – способности выходить за собственные пределы, прорываться через сдерживающие трудности» [Штомпка 1996: 65]. Качеством личности, определяющим успешность межкультурного взаимодействия, по нашему мнению, является ее **самостоятельность**, которая в социологическом ракурсе (в отличие от психологического) по-

нимается как определенный тип поведения, как свобода проявлений индивидуальной деятельности человека, возможность воздействия на ситуацию. Самостоятельность личности мы рассматриваем как необходимое условие адаптации мигрантов в новой культурной среде. Основной характеристикой самостоятельной личности является достаточный уровень межкультурной компетенции.

Итак, важной социологической закономерностью развития современного общества является изменение социального взаимодействия, которое становится межкультурным по своей природе. Процесс взаимодействия агентов происходит в неразрывной и взаимообуславливающей связи структурных характеристик ситуации (материальная, социальная и культурная среда) и действующих субъектов. Качественной характеристикой личности, вступающей в межкультурное взаимодействие, является ее самостоятельность как необходимое условие успешного межкультурного взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2005

Гиллер Ю.И. Социология самостоятельной личности: монография. – М.: Академический проект, 2006

Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. – Ростовн/Д, 1997

Штомпка П. Социология социальных изменений. / Пер. с англ. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996.

© Попова Н. Г., 2007

Порядин И. А.

Екатеринбург, Россия

«ДРУГОЙ МИР», ИЛИ ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ

Студенты, как известно, ищут для себя какие-нибудь источники доходов. Автор стал высотником. Но до сих пор мне, уже сотруднику университета, время от времени, звонят знакомые, занятые в строительстве. Со всем недавно мне не удалось отказать в такой услуге – бывшим коллегам потребовалась помощь на одной из высотных новостроек Екатеринбурга. Именно об этом, последнем опыте, и пойдет повествование.

В строительстве, ремонте и разрушении объектов разной высоты и назначения мне, конечно же, доводилось работать бок о бок с трудовыми мигрантами. В основном, это были выходцы из стран ближней Азии: узбеки,

таджики, дагестанцы и пр. Не раз я видел, как эти люди кладут дощечку между балконами на смертельно опасных высотах и красят наружные стены, стоя на этой дощечке безо всякой страховки. Неслучайно на стройках бытует выражение «*На стройках таджиков не считают...*». Не раз производительность труда моей бригады зависела от них. На стройке всем приходится сотрудничать. Так что мое знакомство с трудовыми мигрантами-строителями основано не на социологических исследованиях, не на случайных наблюдениях, и не на сериале «НашаRussia», а на опыте совместного труда.

На этой последней стройке, как и практически повсюду в нашем городе, заняты трудовые мигранты. Во внутреннем дворе новостройки вырыт котлован, в нем будут размещаться подземные гаражи. На дне котлована лежит строительный мусор и продукты человеческой жизнедеятельности: бутылки, пакеты и т.д. В южном склоне котлована уже построены подземные гаражи с боксами для автомобилей, целых два этажа. Представьте себе: огромная яма котлована, а в ней две бетонные пещеры, одна над другой. Там, на этаже минус 1 от поверхности земли, живут люди. Таково их размещение в социальном и физическом пространстве – «под землей», ниже уровня жизни.

Сверху в пещеру ведет хлипкая деревянная лестница. У края пещеры, у самого обрыва, стоит пластиковая канистра с водой – это умывальник, душ, прачечная и просто самое светлое место в этой обители. Внизу среди пищевых отходов роются крысы, даже почти не прячась от людей.

Входы в некоторые боксы заколочены досками и полиэтиленом – это жилые комнаты. Внутри каждой из них, в углу, из строительных паллетов устроена лежанка для нескольких человек. Вместо матраца – картон от коробок. Отопления нет.

Другие боксы используются как подсобные помещения. Там сохнет одежда, хранятся инструменты, стройматериалы и т.д. За одной из дверей лежит снаряжение, одновременно это кухня, на которой хозяйничает повар, по национальности таджик. Он готовит на всех жителей «пещеры», всего их примерно 15 человек, в основном молодежь. Это таджики и узбеки. Одновременно повар работает бетонщиком. В его хозяйстве пара советских еще электрических духовок, плитка, мешки с мукой, картофелем и крупами.

На кухне, на черной пластмассовой коробке предохранителя лежит человеческий коренной зуб, без единого следа кариеса. Свидетельство плохого питания, антисанитарных условий и отсутствия медицинского обслуживания.

Несмотря на принадлежность к разным этническим группам, эти люди живут одной организованной общиной, что, очевидно, вызвано необходимостью и идентичными условиями проживания. Во всяком случае, за те несколько рабочих дней, которые я провел на той стройке, мне не удалось увидеть, как одна группа дифференцируется от другой. Однако надо сказать, что мне не всегда удается по внешним признакам опознавать этническую принадлежность представителей ближней Азии.

Из наблюдений возможно предположение, что возглавляет существование всей этой группы один человек. Во всяком случае, он себя обнаружил как лидер в такой ситуации: утром, после планерки, он беседует с прорабом, остальные мигранты-строители стоят в стороне и ждут его. Он хорошо и к тому же весьма громко говорит по-русски. Однажды он сам подошел ко мне, протянул руку, поздоровался, назвал себя, спросил, как меня зовут, пошутил над одним из моих приспособлений для спуска по веревке, позвал ужинать. Возможно, что именно хорошее знание русского языка сыграло не последнюю роль в становлении его статуса в этой группе. Много раньше, лет пять назад, мне уже встречалась бригада таджиков-штукатуров, у которых только один человек (по имени Бархан) и знал русский язык, в то же время он был старше остальных, он и руководил ими.

Один из гаражных боксов выполняет функцию помещения для намаза. В установленные часы оттуда доносятся слова молитвы. В «пещере» начинают хлопать двери, слышно как несколько человек прыгают в одном направлении, это недисциплинированная молодежь скачет молиться. Именно скачет, на одной ноге, потому что имеют одну пару тапок на двоих, а то и на троих.

От одного молодого узбека я узнал, что только несколько человек из группы останутся в России по окончании летнего строительного сезона. Остальные же уедут в октябре. Таким образом, эти люди оказались сезонными трудовыми мигрантами, готовы жить, буквально выражаясь, под землей, для того чтобы привезти на родину российские рубли.

Многие из этих людей относились ко мне дружелюбно. Каждый день меня приглашали к столу, и я смог бы рассказать гораздо больше о быте мигрантов, если бы соглашался. Но если есть серьезный исследовательский интерес, то совсем несложно в городе Екатеринбурге найти стройплощадку с подобной «подземной» жизнью и взглянуть на все это своими глазами.

© Порядин И. А., 2007

Руденкин В. Н.

Екатеринбург, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Любая политическая культура артикулируется посредством различных знаковых систем, важнейшей из которых является национальный политический язык. Последний представляет собой «не какой-то специализированный язык, а *определенным образом “организованный” (сфокусированный) общий язык и/или часть общего языка* – прежде всего его лексическую (терминологическую) часть, которая наиболее активно используется в политических текстах» [Баталов 1990: 154]. Политический язык чутко реагирует на изменяющуюся политическую ситуацию, отражает новые реалии и в то же время сам оказывает влияние на эти реалии. Анализ изменений, происходящих в политическом языке, позволяет определить общие направления эволюции всей политической культуры.

Пример тому – политический язык России, который за последние полтора десятилетия претерпел существенные изменения. *Во-первых*, значительно изменилась его лексическая (терминологическая) часть, из которой ушли в прошлое привычные в советский период термины с сильной идеологической нагрузкой: «коммунизм», «социализм», «капитализм», «пролетарский интернационализм», «революция», «классовая борьба», «социалистическое соревнование», «комсомол», «пятилетка», «интернациональный долг», «партком», («райком», «горком», «обком»), «ЦК», «политбюро», «пленум» и т.д. В то же время в нем появились и стали привычными термины, в советский период находившиеся фактически под запретом и упоминавшиеся не иначе как вкупе с определением «буржуазный»: «демократия», «разделение властей», «федерализм», «многопартийность», «оппозиция», «консенсус», «права человека», «гражданское общество», «альтернативные выборы», «пар-

ламент», «президент», «лоббизм», «политкорректность», «правозащитники», «партийная фракция» и т.д.

Во-вторых, произошла заметная *либерализация* русского политического языка: он в значительной степени утратил конфронтационность, присущую советскому политическому языку. Советских людей с малых лет призывали и приучали «*бороться*» – причем объектами этой борьбы были и «недостатки», и «американский империализм», и «буржуазная пропаганда», и «несуны», и даже «чистота» (правда, бороться призывали не «с ней», а «за нее»). Советский язык был очень сильно *милитаризован*, в нем было очень много заимствований из языка военных: «фронт», «штурм» («штурмовать», «штурмовщина»), «битва» (за урожай), «солдат партии», «стратегия», «тактика», «гонка вооружений», «потенциальный противник», «враг» и т.д. Современный политический язык в этом смысле более нейтрален, в нем стало меньше конфронтационных терминов, привычным стал другой понятийный ряд: «сотрудничество», «соперничество», «взаимодействие», «партнерство», «компромисс», «политический лидер», «оппонент» и т.д.

В-третьих, наш политический язык заметно *вестернизировался*: в нем появились в большом количестве слова из лексикона западных политических языков: «импичмент», «пиар», «инаугурация», «дефолт», «имидж», «плюрализм», «толерантность», «клиентела», «коррупция», «сенатор», «спичрайтер», «спикер», «омбудсман», «пиар», «имиджмейкер», «менталитет», «мэр», «мэрия» «муниципалитет». В то же время появились новые или, казалось бы, давно забытые термины: «гласность», «перестройка», «бизнесмен», «олигарх», «народовластие», «соборность», «самовластье», «дума», «губернатор» и т.д. Подобные способы обновления политического языка – закономерное следствие того, что Россия стала более открытой, более демократической страной. С одной стороны, как заметил А. де Токвиль, «беспрестанно общаясь между собой, демократические народы с готовностью подражают друг другу, так как с каждым днем они все более и более взаимоуподобляются»; с другой стороны, «главный источник новых слов демократические народы видят в своих собственных языках. Время от времени они вновь берут из собственного словаря забытые слова и выражения, возвращая их в обиход...» [Токвиль 1992: 354].

В-четвертых, политический язык современной России, к сожалению, вообрал в себя значительную часть «*блатной субкультуры*»: привычными для слуха стали такие слова и словосочетания, как «политическая тусовка» (место общения политиков и само это общение), «ходка в парламент» (об избранном в парламент депутате), «замочить в сортире» (о бандитах, террористах, которых настигла карающая рука правоохранительных органов), «лох», «кинуть» (обмануть), «откат» (взятка за «правильное голосование»), «киллер» (наемный убийца), «заказ» (на убийство), «сдать» (предать, продать – в прямом или переносном смысле слова), «забить стрелку» (назначить деловую встречу) и т.д. Кстати, об этом способе обновления языка А. де Токвиль тоже упоминал, когда писал, что «демократические народы... отнимают у определенной социальной прослойки специфическую для нее терминологию, чтобы, придав ей фигуральное значение, ввести в обиходную речь; множество слов и выражений, первоначально появившихся в профессиональной терминологии или в социальных аргументах, таким образом вошли в состав общеупотребительной лексики» [Токвиль 1992: 354-355].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. – М.: Наука, 1990.

Токвиль А. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992.

© Руденкин В. Н., 2007

Руденкин Д. В.

Екатеринбург, Россия

ПОЧЕМУ В РОССИИ НЕ ЛЮБЯТ МИГРАНТОВ?

Обсуждая тему адаптации мигрантов к российской действительности, неизбежно выходишь на вопрос, связанный с тем, как принимает их коренное население страны. Вопрос достаточно актуален – еще свежи в памяти многие примеры того, как коренное население буквально насильственно отторгало тех, кого не приняло. Убийства иностранных граждан группами крепких молодых людей, конфликты в Кондопоге и Ставрополе до сих пор обсуждаются. И результат этих событий закономерен – многие иностранцы боятся ехать в Россию, опасаясь за свою жизнь.

Впрочем, начиная серьезно анализировать обстановку в российском обществе,

приходишь к выводу, что бояться следует совсем другого. Начнем с того, что роль скинхедов и подобных им организаций в нашем обществе весьма преувеличена. По данным экспертов, в разных регионах России существует около десятка таких организаций. Численность отдельных из них насчитывает 8-10 тысяч человек (с учетом того, что эти организации – межрегиональные). То есть, если суммировать их численность, получается около 40-45 тысяч человек [Беккер 2005: 25].

Число, конечно, может показаться небольшим, но надо учесть, что эти 40-45 тысяч рассеяны по разным, в том числе и очень удаленным друг от друга регионам. К тому же это составляет меньше процента от общей численности молодых людей в возрасте от 15 до 34 лет по результатам переписи населения 2002 года [Основные итоги... 2002: 10]. Да и поддержку населением действий этих организаций нельзя назвать высокой. Опрос ВЦИОМ 2004 года выявил, что им симпатизируют лишь 4,6% россиян (правда, среди респондентов младше 20 лет эта доля была вдвое выше) [Бызов 2004: 23-24]. Поэтому говорить, что источник напряженных отношений между разными народами в России – скинхеды и близкие им по духу организации, все же не стоит.

Если на то пошло, то скинхеды – скорее следствие того негативного отношения, что сидит во многих жителях нашей страны, своего рода «гнойник», который не исчезнет, если ничего не делать с «воспалительным процессом». А этот «воспалительный процесс», по данным исследований последних лет, засел очень глубоко. Вот, например, какие данные были получены исследователями ВЦИОМ в конце 2006 года: мнение, что русские должны иметь в России больше прав, чем другие народы, совсем немного отстало от позиции, что ни у кого преимуществ быть не должно (соответственно, 36% и 44% опрошенных) [Нестеров 2007: 2]. Еще дальше пошли участники опроса 2004 года в Екатеринбурге, 25% которых и вовсе высказались за то, что всех мигрантов нужно селить в специальных районах городов, чтобы свести их контакты с коренным населением к минимуму [Власть и культура... 2005: 65]. Выборка в обоих случаях была репрезентативной, то есть представительной для населения в целом.

Тут мы подходим к очень важному вопросу: а кого, собственно, в современной России можно назвать коренным населением?

На первый взгляд, ответ на этот вопрос очевиден: русских, которых по результатам переписи населения 2002 года в стране абсолютное большинство. Но тут неизбежно возникает другой вопрос: а кого понимать под «русскими»? То, что в нашей стране веками жили бок о бок представители самых разных национальностей, сделало невозможной трактовку этого понятия с чисто биологических позиций – за это время народы, живущие в России, просто перемешались. Однако, как показывают те же опросы, определение «русского» носит в массовом сознании совершенно конкретный характер. Упомянутый опрос ВЦИОМ 2006 года предлагал тем, кто выступал за увеличение прав представителям русского народа, ответить на вопрос, кого именно, по их мнению, стоит наградить привилегиями. С подавляющим отрывом первое место тут занял вариант ответа «Тех, кто вырос и воспитан в российских традициях» [Нестерова 2007: 2].

Именно это четко показывает нам, в чем же тот самый «воспалительный процесс», о котором мы говорим. В стране существует базовая, общая для большинства культура и те, кто в эту культуру по каким-то причинам не вписывается... Это достаточно красноречиво подтверждают результаты серии опросов, которые проводила петербургский социолог З.В. Сикевич в конце 90-х годов. Почти половина опрошенных (48%) отметили, что на национальность окружающих людей обращают внимание только в том случае, если эти люди им несимпатичны своими поступками [Сикевич 1999: 165]. В марте 2007 года нами был проведен опрос среди студенческой молодежи г. Екатеринбурга, который показал: эта тенденция до сих пор существует... Получается, что людям зачастую вообще не свойственно воспринимать представителей другого народа как чужих, если поведение последних не идет вразрез с их нормами.

Таким образом, негативное отношение к мигрантам в России есть. Но носит оно несколько неожиданный характер. Идет противостояние не народов, а культур, характерных для этих народов. И противоречие коренного населения и мигрантов – это противоречие между «вписывающимися в российскую культуру» и «невписывающимися».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беккер В. Пассионарная арифметика // Политический журнал №41, 2005.

Бызов Л.Г. Ждет ли Россию всплеск русского нацизма // Мониторинг общественного мнения №4, 2004.

Власть и культура толерантности в Свердловской области. Коллективная монография. – Екатеринбург, 2005

Нестерова О. Идет Мулат по городу // Труд №4, 2007

Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003.

Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений – СПб: Изд-во Михайлова В.А., 1999.

© Руденкин Д. В., 2007

Румянцева М. В.

Екатеринбург, Россия

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТАТУС БЕЖЕНЦЕВ И ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Миграция – это «массовое перемещение, переезд населения из одного места жительства в другое в силу экономических причин, из-за национальной притеснений, природных бедствий и катастроф» [Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика 2006: 588]. Особой разновидностью мигрантов, выделяемой в социологии, являются беженцы, вынужденные переселенцы.

Проблема миграции в конце XX века стала особо актуальной на территории бывшего Советского союза. Распад Советского Союза привел к тому, что большинство русских и просто русскоязычных граждан оказались жителями иностранных государств, в прошлом являвшимися союзными республиками. К сожалению, во многих «союзных» государствах в последние годы стали отмечаться «ужасающие» факты открытого ущемления прав и свобод русскоязычного населения. Данные факты ущемления гражданских прав и свобод принимают самые различные формы. Так, например, в странах Балтии русскоязычному населению отказывают в предоставлении гражданства, соответственно, этих людей государство искусственно ограничивает в выборе профессии. За последние годы на территории балтийских стран было значительно (в несколько раз) сокращено количество русских школ, средства массовой информации, вещавшие на русском языке, также оказались под запретом, «вне закона».

Справедливо будет отметить, что и на территории Российской Федерации после распада Советского Союза все чаще стали

вспыхивать острые межнациональные конфликты, что привело к активизации процесса вынужденного переселения граждан из целого ряда районов, особенно прилегающих к границам с бывшими союзными республиками.

Итак, на рубеже XX-XXI веков Россия и другие страны СНГ (Союза независимых государств) столкнулись с острейшей проблемой миграции, возникла необходимость экстренного решения сложнейших вопросов гражданства и обеспечения прав людей, в настоящее время ставших «жертвами миграции».

В феврале 1993 года Российским правительством были приняты Федеральные Законы «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах». Эти законы, во-первых, определяют официальный статус беженца и вынужденного переселенца, во-вторых, в них устанавливаются экономические, социальные и правовые гарантии защиты их прав и законных интересов на территории Российской Федерации, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, принципами и нормами международного права.

Итак, правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации, определённый законодательством РФ, позволяет лицам, обладающим или желающим обладать данным статусом, реализовать весь комплекс прав человека и гражданина, закреплённый как в Конституции РФ, так и в международных договорах, подписанных РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2006 – (Библиотека словарей).

© Румянцева М. В., 2007

Тропин А. В.

Екатеринбург, Россия

СТЕПЕНИ БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ В КОНТЕКСТЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ И ТРУ- ДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ

В связи с вступлением России в Болонский процесс все чаще обсуждают проблему соответствия и переименования специалиста, кандидата наук и докторов наук в термины болонской системы. Если заглянуть в «Закон о высшем профессиональном образовании» от 1996 г., т.е. задолго до подписания нашей страной Болонского соглашения, то можно увидеть, что уже тогда законодательно было прописано три ступени высшего

образования: специалист, бакалавр, магистр. Получается, что понятия бакалавр и магистр в нашей системе образования появились до болонского процесса и имели свой смысл. Но кто такие бакалавр и магистр в нашей системе образования, как они соотносятся с квалификацией специалиста и с академическими степенями и званиями? Этот вопрос, кроме чисто научного интереса, является сегодня практически значимым, поскольку связан с одной из стратегий развития мирового, в том числе и российского, образовательного пространства – обеспечения академической и трудовой мобильности студентов и выпускников вузов. Эта мобильность неизбежно связана с проблемами трудовой и образовательной миграции молодежи.

Для того, чтобы процессы перемещений из страны в страну молодых людей с целью обучения или трудоустройства были более свободными, социально гарантированными, необходима «гармонизация» систем образования, стандартизация дипломов, квалификационная (функциональная) сравнимость содержания образования и его оценки.

Пока можно констатировать разноречивость в понимании содержательной подготовки бакалавров и магистров в России, где она ведётся с середины 1980-х гг. Еще большие расхождения наша система имеет с двухступенчатой подготовкой в вузах Европы. Особенно если речь заходит о различиях между академическими и научными степенями и званиями.

Для сравнения рассмотрим государственный стандарт квалификаций подготовки учителей на математическом факультете: учитель математики, бакалавр физико-математического образования, магистр физико-математического образования. В квалификационной характеристике выпускника-бакалавра отмечается его направленность на исследовательскую деятельность, а магистра на научно-исследовательскую, чего для учителя математики-специалиста нет. Рассмотрим различия ступеней по видам профессиональной деятельности выпускников:

Таблица 1.

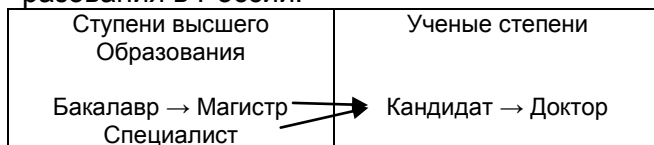
Виды профессиональной деятельности	бакалавр	магистр	специалист
консультационная		+	
научно-исследовательская	+	+	
преподавательская	+	+	
коррекционно-развивающая	+	+	

Продолжение таблица 1

организационно-воспитательная	+	+	+
культурно-просветительская	+	+	+
социально-педагогическая		+	+
научно-методическая			+
учебно-воспитательная			+

Из таблицы четко видно, что бакалавр является подмножеством магистра, тогда как пересечение их деятельности со специалистом невелико. Можно интерпретировать эти различия, например, так: специалист подготовлен к деятельности учителя в школе, бакалавр для преподавания в средних специальных учреждениях, а магистр в высших, где уже нужно проводить с обучаемыми исследовательские работы. Можно также сделать следующее предположение: квалификации бакалавра и магистра были введены в нашу систему образования с целью подготовки научно-исследовательских кадров. *Несмотря на то, что поступить в аспирантуру сегодня могут и специалисты, но так как их этой деятельности учили меньше, чем магистров, быть успешными в аспирантуре специалистам сложнее, особенно в условиях, когда требования к кандидатской степени ужесточаются.*

Составим примерную схему высшего образования в России:

Теперь рассмотрим европейские степени. В европейской системе образования согласно *Великой хартии вольности от 1985 г.* университет сам решает, чему и как учить своих студентов. Свою свободу университеты терять не хотят, и в Болонском соглашении вместо слова стандартизация используется более лояльное – гармонизация. Как следствие, такая свобода привела к тому, что взгляды на ступени высшего образования в различных университетах стали тоже различаться. Помимо понятий *baccalaureat* (бакалавр) и *master* (магистр), появились такие термины, как *integrated master* (интегрированный магистр, сразу учится шесть лет на магистра и не получает диплом бакалавра), *master of profession* (магистр по профессии, дообучается один год после бакалавриата без возможности поступления в докторантуру), *mastermaster of science* (магистр наук, обучается 2 года после бакалавриата и имеет право поступить в докторантуру). Болонская система описывает три последователь-

ные ступени высшего образования: *baccalaureat, master, doctor philosophy*. Одна из идей Болонского процесса – это постоянное образование человека на протяжении всей его жизни. Очевидно, что вышеупомянутое разделение магистров в этой системе невозможно в силу тупиковости *master of profession* с точки зрения дальнейшего обучения. Замысел этой системы таков: *baccalaurean* – основная цель, подготовка к дальнейшему обучению с возможностью сделать перерыв или немного изменить направление образования на смежный профиль; *master* – более высокий уровень образования, «открывающий все двери» для работы по специальности; *doctor philosophy (PhD)* – более углубленное изучение некоторой области знаний, на практике – часто продвинутый специалист в узком профиле.

В силу таких различий в идеологии интерпретации ступеней высшего образования (бакалавр, магистр – ступени высшего образования исследовательского направления; специалист – ступень высшего образования прикладного направления, ученые степени кандидата наук, доктора наук; *baccalaurean, master, doctor philosophy* – ступени высшего образования более прикладного направления) становится неочевидным, как выстроить наши ученые степени под болонский формат. Так, с точки зрения Европы, наш специалист (5 лет обучения) ближе к *master* (3+2 или 4+1 года обучения) по времени обучения и по практической ориентированности, но не равен магистру по причине его специфической подготовки к исследовательской деятельности. Также видно, что для приравнивания кандидата наук к PhD нужно добавлять в программу аспирантуры дополнительные курсы, которые вычитываются PhD за три года обучения. Остается также вопрос: что будет с нашими докторами наук? Пока ответить на этот вопрос можно так: наша ученая степень «доктор наук» ближе всего соответствует международной ученой степени Grand PhD (Гранд доктор философии). Таким образом, пока окончательно не определено соответствие российских степеней Болонской системе, при обсуждении данного вопроса нужно учитывать, что в нашей системе образования существует свой взгляд на бакалавра и магистра. А это требует решения проблемы их «узнаваемости» работодателями, особенно в случае миграции и эмиграции.

© Тропин А. В., 2007

Тумалевич Г. С.
Екатеринбург, Россия

**НЕКОТОРЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В ПРАВООТНОШЕНИЯХ
С ИНОСТРАНЦАМИ
ПРИ ПРЕБЫВАНИИ ИХ НА ТЕРРИТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Иностранцы, пересекающие границу Российской Федерации, одновременно вступают в огромное количество правоотношений, регулируемых российским законодательством. И необходимо признать, что в подавляющем большинстве случаев мы общаемся с ними на разных языках и не всегда в полной мере понимаем друг друга. Такое положение было бы допустимым при общении на бытовом уровне, однако закон и право требуют от сторон правоотношений точных формулировок и буквального понимания. До начала 90-х годов XX века какой-либо языковой проблемы с пребывающими в СССР иностранцами и жителями многонациональной страны, для которых русский язык не был родным, почти не возникало. Легально приезжавшим в страну лицам предоставлялись услуги переводчиков, гидов и сотрудников посольств и консульств, нелегально проникавшие через границу иностранные шпионы должны были знать русский язык, традиции и обстановку в стране досконально (Как исключение можно признать американского летчика-шпиона Френсиса Г. Пауэрса, но тот и не предполагал, что будет общаться с представителями органов государственной безопасности и судебной системы СССР). Для советских граждан, проживавших в единой многонациональной семье союзных республик, было предусмотрено обязательное среднее образование с преподаванием русского языка и предполагалось наряду с возможным знанием языка предков абсолютное знание русского языка как государственного.

После разделения СССР на пятнадцать суверенных государств оказалось, что в каждом из них существует свой государственный язык (К примеру, «...правовые основы функционирования узбекского языка как государственного на территории Республики Узбекистан определяются настоящим Законом и другими законодательными актами» (ст. 3 Закона Республики Узбекистан «О государственном языке» (в редакции от 21 декабря 1995 г)), а знание русского языка жителями этих стран не только не обязательно, но в некоторых случаях и не приветствуется со стороны властей. С момента получения республиками суверенитета прошло уже 16

лет, и сейчас дети тогда дошкольного возраста теперь уже взрослыми, двадцати-двадцатипятилетними людьми, не зная русского языка, в огромных количествах едут на территорию России. И необходимо признать, что число таких мигрантов увеличивается из года в год.

Цели у иностранцев, прибывающих в нашу страну, разные: кто-то едет по туристическим маршрутам, кто-то – на заработки, кто-то – с целями, находящимися в противоречии с российскими законами, и как правило с уголовным прошлым. Резкое увеличение количества иностранцев на территории России автоматически повлекло за собой увеличение правоотношений с их участием, в том числе в сферах, регулируемых таможенным, гражданским, административным и уголовным законодательствами (По данным МВД РФ в России количество преступлений, совершенных иностранцами и в отношении иностранцев с 2001 по 2006 г.г. возросло почти в полтора раза с 37,1 тыс. (граждан СНГ – 34,1 тыс.), в отношении иностранцев – 9,8 тыс. в 2001 году до 51,2 тыс. (граждан СНГ – 46,6 тыс.), в отношении иностранцев – 13,3 тыс. на начало 2006 года. Т.е. за пять лет возникло не менее 400 тыс. уголовно-правовых отношений с участием иностранцев – лиц, не владеющих или плохо владеющих русским языком и, в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ, нуждающихся в услугах переводчика), а процедура применения этих норм права осуществляется исключительно на русском языке.

Согласно Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 26 Конституции РФ) и федеральному законодательству (Федеральный закон от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», Закон РФ от 25 октября 1991 г. N 1807-1 «О языках народов Российской Федерации») русский язык как государственный подлежит обязательному использованию в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства, в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, делопроизводстве в федеральных судах, судопроизводстве и делопроизводстве у мировых су-

дей и в других судах субъектов Российской Федерации, а также во взаимоотношениях представителей Российского государства и граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, общественных объединений.

Это означает, что прибывший в нашу страну (как и в любую другую) иностранец должен осознавать, что общение с ним будет вестись на чужом для него языке, и только он сам сможет исправить положение либо выучив язык, либо найдя для себя переводчика.

Но в ряде случаев Российское государство бремя предоставления квалифицированного переводчика возлагает на свои плечи. «...Лицам, не владеющим государственным языком Российской Федерации, при реализации и защите их прав и законных интересов на территории Российской Федерации в случаях, предусмотренных федеральными законами, обеспечивается право на пользование услугами переводчиков...» (Ч.2 ст.5 Федерального закона от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»). В связи с этими положениями закона, а также во исполнение, например требований ст. 97 Налогового Кодекса РФ, ст. 373 Таможенного Кодекса РФ, ст.9 Гражданского процессуального Кодекса РФ, ст. 12 Арбитражного процессуального Кодекса РФ, представители суда и органов государственной власти обязаны за счет государства предоставить иностранцу высококвалифицированного профессионального переводчика. Аналогичные требования предусмотрены также Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральным законом «Об исполнительном производстве» и рядом других законов.

Так, в соответствии со ст. 18 Уголовно-процессуального Кодекса РФ, участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу (в данном случае русским), должно быть разъяснено и обеспечено право бесплатно пользоваться услугами переводчика. Непредставление подсудимому, не владеющему языком, на котором ведется судопроизводство, права пользоваться помощью переводчика Верховный Суд Российской Федерации отнес к числу существенных нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих обязательную отмену приговора (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. N 8 «О некото-

рых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»). Аналогичные процессуальные последствия наступают и в случаях нарушения права иных участников процесса на пользование их родным языком. В том же случае, когда процессуальные следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому или другим участникам уголовного судопроизводства, указанные документы должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет.

Никто из лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (дознатель, следователь, прокурор, а также судья и работники суда) не вправе исполнять обязанности переводчика, а переводчик – это не просто знаток языков, это полноправный участник процесса, т.е. незаинтересованное лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным Кодексом РФ, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода, свободно владеющее русским языком и, желательно, ориентирующееся в российском законодательстве. Обязанность поиска такого специалиста для предоставления бесплатных услуг законом возложено на представителей государственных и судебных органов Российской Федерации.

Необходимо признать, что уже сейчас возникла не только острая необходимость в специалистах переводчиках для осуществления процессуальных действий, но и просто в профессиональных переводчиках для работы в сфере культуры, бизнеса, туризма, либо в специалистах, владеющих языками бывших союзных республик. Нельзя также отрицать и такое предполагаемое развитие событий, при котором в ближайшее время компактно проживающие в России, в том числе и на территории Свердловской области, представители иностранных диаспор начнут создавать для своих детей национальные школы с преподаванием предметов как на родном языке, так и на русском. В данном случае также возникнет потребность в педагогах, владеющих несколькими языками.

Несмотря на сложившуюся и предполагаемую ситуацию, достаточных мер для подготовки таких специалистов на территории Уральского федерального округа не пред-

принимается. На настоящий момент нельзя назвать какое-либо высшее учебное заведение в Свердловской области, которое готовит дипломированных специалистов-переводчиков с национальных языков бывших союзных республик или даже просто учителей русского языка для преподавания в национальных школах.

© Тумалевич Г. С., 2007

Шульц Н. А.

Екатеринбург, Россия

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ В ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ

По оценкам экспертов ООН, XXI век – век масштабных международных миграций.

Под влиянием процессов глобализации международная миграция приобрела значимые масштабы и охватила все континенты планеты, все социальные группы общества. Этническая структура миграционных потоков весьма неоднородна.

Процессы трудовой миграции приобретают все большую значимость, потоки трудовых мигрантов увеличиваются с каждым годом, и задача их изучения становится все более актуальной. Для нас представляет интерес специфика социологического подхода.

Процесс трудовой миграции сопряжен с массой проблем. Нас интересуют проблемы, с которыми сталкиваются мигранты в новом для них социуме, как они решают эти проблемы и как приспосабливаются к новым условиям, какие механизмы (стратегии) адаптации при этом используют.

На новом месте жительства мигрант должен выдержать большую адаптивную нагрузку. Это связано со следующими моментами. Во-первых, необходимо установить множество новых связей. Во-вторых, выработать оценку новых процессов, явлений, объектов. В-третьих, установить благоприятные для жизни отношения с новыми людьми, выработать определенное отношение к ним, к особенностям новой жизни. Трудовая миграция конфликтогенна по своей природе в силу того, что большую роль в этом процессе играют факторы, разделяющие разные этнические группы. К таким факторам относятся: ценности, традиции, обычаи, национальный язык, общая историческая судьба.

Результаты прикладного исследования, проведенного в форме неформализованного интервью, на тему: «Адаптация трудящихся-

мигрантов в иноэтнической среде» позволили сделать ряд выводов:

Особенностью процессов адаптации трудящихся-мигрантов является доминирование прагматических мотивов. Подавляющее большинство мигрантов, прибывающих в страну, преследуют цели связанные исключительно с улучшением своего материального благополучия. Как следствие, они чаще всего не ориентированы на вживание в местное сообщество, т.к. достаточно успешно (с точки зрения своих критериев) реализуют свои цели.

Трудящиеся мигранты не пытаются адаптироваться в нашем обществе, так как у них нет такой потребности в связи с тем, что основная цель их приезда – экономическая (заработать деньги). В первую очередь процесс адаптации, его успешность связываются с легализацией положения мигрантов. Можно проследить прямую зависимость между правовым положением (легальное/нелегальное) и процессом адаптации.

Успешность адаптации связана с тем, насколько индивид включен в социальное взаимодействие в новых для него условиях. Адаптация трудящихся мигрантов имеет особенности, связанные с основной целью приезда трудящихся-мигрантов. Человек для достижения цели выбирает определенные средства, которые, как он считает, позволяют ему ее достичь. Поэтому адаптация трудящихся мигрантов ограничена экономической целью приезда.

Важным является момент, связанный с трудностями адаптации и проживания мигрантов в новых для них условиях. Условия жизни, в которые попадают мигранты, не воспринимаются ими как трудность. Как трудность их интерпретируем мы. Правильнее будет говорить о жизненной ситуации, в которой находятся мигранты, причем чаще всего осознанно. По их мнению, можно выделить одну главную трудность – проблемы с документами.

Одним из важных факторов, влияющих на успешность процесса адаптации, является наличие различных ресурсов: материальных, социальных, информационных. Под социальными ресурсами мы понимаем наличие социальных сетей (связей), которые можно использовать. В этом случае возможности мигрантов ограничены, хотя наиболее эффективным ресурсом является как раз наличие социальных связей, чаще всего – это родственные связи, к которым мигранты могут прибегать в случае необходимости.

Адаптация трудящихся-мигрантов в основном проходит на микроуровне. Это адаптация в той среде, где непосредственно осуществляется жизнедеятельность. Это может быть адаптация к профессии, трудовому коллективу.

Таким образом, по результатам нашего исследования можно выделить основные факторы, влияющие на процесс адаптации трудящихся-мигрантов: 1) легализация статуса; 2) информационные ресурсы; 3) социальные ресурсы (социальные сети, связи).

Масштабность миграционных процессов в современном обществе и значимость тех социальных перемен, которые ими привносятся в экономическую, политическую, социокультурную жизнь стран и народов, требуют дальнейшего усиления внимания к их всестороннему исследованию. Социология способна осуществить комплексный анализ миграции как сложного явления современной жизни.

© Шульц Н. А., 2007

Яковлев А. А.

Курган, Россия

К ПРОБЛЕМЕ СОВМЕСТИМОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ С КУЛЬТУРОЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В ПРОЦЕССЕ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ

Данные тезисы посвящены не столько исторической стороне освоения территории Сибири, сколько различным аспектам взаимодействия русской культуры и культуры коренных народов. Процессы такого характера всегда вызывают интерес, т.к. изучение межкультурных отношений различных обществ всегда помогают носителям определенной культуры переосмыслить и глубже понять важные ценностные основания своей культуры. Другими словами, через анализ процесса колонизации мы попытаемся коснуться некоторых аспектов сложного, неоднозначного взаимодействия между культурами на сибирском пространстве. Причем наиболее интересным аспектом для нас является проблема совместимости и несовместимости в ходе культурного взаимодействия.

Процесс изучения данной проблемы и особенно его результаты могут быть экстраполированы на более масштабные социокультурные процессы, происходящие в современном мире.

В конце XVI века к востоку от обширных русских территорий располагались необъятные просторы Сибири. Их населяли народы, стоявшие на разных ступенях социально-

экономического развития, основой хозяйствования которых по преимуществу являлось оленеводство, рыболовство, охота, земледелие же играло второстепенную роль. Колонизация Сибири происходила главным образом по линии расположения лесостепной зоны, потом на юг и дальше, на восточные районы к Тихому океану.

В процессе колонизации коренное население различным образом сопротивлялось и одновременно приспособлялось к новым для него социокультурным изменениям. Любая, в том числе и русская колонизация, всегда имеет противоречивый и неоднозначный характер, в ней замысловато сочетаются элементы военной и мирной колонизации. И соответственно аборигенное население, испытывая вторжение в свой мир со стороны русских переселенцев, пыталось оказывать культурное сопротивление, т.е. особую форму сопротивления, основанную на нежелании принудительно контактировать с другими культурами. Но после первых волн колонизации и резкой реакции на проникновение народов чужой культуры и русским переселенцам, и коренным жителям становится ясно, что историческая судьба у них одна, что необходимо приспособляться друг к другу и строить пусть внутренне противоречивое, но единое культурное пространство. Это отличительная характеристика именно российской колониальной культуры.

Говорить о культурной диффузии и новыми проблемами, связанными с ней, можно тогда, когда крестьяне-переселенцы, имевшие большой опыт ведения сельского хозяйства, начали строить поселения. И уже на этом этапе проблема совместимости приобрела важное значение.

На вопрос, почему не произошла ассимиляция коренного населения, можно ответить следующим образом. Одним из условий сложнейшего процесса ассимиляции является то, что традиции и обычаи начинают постепенно забываться или замещаться чужими. Если бы это случилось с коренным населением, то через короткое время оно перестало бы существовать. Но специфика русской культуры не допустила этого и позволила уже в теле своей культуры существовать и развиваться.

Русская культура, имеющая отдаленное родство с культурами тюркских и финно-угорских народов, в принципе могла достаточно безболезненно устанавливать диалог с культурами других народов. Ей не была изначально свойственна направленность на

тотальную русификацию культур коренного населения. Если официальная политика царских властей носила элементы русификации, то культура рядовых переселенцев в принципе была чрезвычайно толерантна в своей основе, и именно на этом уроне завязывался межкультурный диалог.

В ходе хаотичных, на первый взгляд, социокультурных процессов между культурами метрополии и коренного населения устанавливается равновесие, баланс, который и позволяет относительно мирно сосуществовать. С другой стороны, в ходе взаимодействия культуры определяли для себя те границы, своеобразные демаркационные линии, где начиналась их несовместимость и соответственно невозможность культурного диалога. Нежелание признавать такие границы были чреваты непониманием, враждебностью и в конце концов конфликтами между представителями конкретных культур.

Постепенно поле культурного взаимодействия расширялось и углублялось. Сам процесс этого взаимодействия осуществляется в значительной степени по той причине, что каждая из культур извлекает из другой культуры ряд возможностей, которые у нее отсутствуют. Культура России – это, по большому счету, мировоззренческая культура, которая в этом отношении ближе к культурам востока, но не тождественна им. Коренные народы пополняют свою культуру за счет русской, и мировоззренческий компонент играет немаловажную роль. Стоит отметить, что это всегда двусторонний процесс, и русская культура обогащается за счет контактов с колонизируемыми народами. Высокая степень пластичности и насыщенности российской культуры позволяет приспосабливаться, воспринимать многие чужие элементы без вреда для ядра своей культуры. Если только не происходит целенаправленная попытка проникнуть в ядро, в этом случае активизируются инверсивные механизмы.

Казалось бы, что проблема диалога русской культуры и культуры коренных народов Сибири осталась в истории, но в реальности, как показали 90-ые годы XX века и взрыв национального и культурного самосознания, проблемы межкультурного взаимодействия всегда будут в тех или иных формах проявлять себя на каждом новом этапе исторического процесса.

© Яковлев А. А., 2007

Психолого-педагогические проблемы изучения мигрантами русского языка и их приобщения к русской культуре

Евдокимова Л. С.

Екатеринбург, Россия

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРИОБЩЕНИЯ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ МИГРАНТОВ НА УРАЛЕ

Урал – многонациональный край, исторически оказавшийся местом компактного проживания тюркских народностей (татар, башкир), финно-угорских (коми, манси, марийцев, удмуртов, ханты), позже здесь поселились поляки, греки, немцы и др., поэтому на Урале накоплен достаточный опыт приобщения к русской культуре представителей разных национальностей. Актуальность данной проблемы в настоящее время очевидна: в связи с развитием рыночных отношений, миграции рабочей силы увеличился приток азербайджанцев, таджиков, узбеков, корейцев, китайцев и др. Тенденция эта, вероятно, будет возрастать, и для успешной социализации в обществе переселенцы и их дети должны овладеть государственным языком России и языком межнационального общения – русским.

Процесс усвоения детьми-мигрантами русского языка происходит в разных условиях, связанных с воспитанием в семье, с уровнем владения русским языком родителями, с охватом детей дошкольными учреждениями, с тем, насколько эффективно организована в них подготовка детей к школе по овладению русским языком, с наличием или отсутствием иноязычного окружения, культурно-речевой средой, воздействием средств массовой информации и др. Нередки случаи, когда в одном коллективе оказываются дети, получившие начальное речевое развитие на русском языке, и дети, не имеющие даже минимальных речевых умений. Успех обучения также зависит от многих факторов, в том числе от того, насколько рано начато обучение детей языку: известно, что в раннем детстве язык усваивается эффективнее, чем в школьном возрасте и позднее, что объясняется сенситивным периодом усвоения языка, ранним формированием языковой способности, подвижностью артикуляционного аппарата у детей. Несомненно, что в этом процессе особая роль отводится в дошкольных учреждениях воспитателю, в школьных – учителю русско-

го языка, эффект работы будет значительнее, если коррекцией русской речи занимается логопед.

Коррекционная работа в образовательных учреждениях осуществляется параллельно с освоением программного материала: в дошкольных – это развитие устной речи, подготовка к обучению грамоте, в школьных – изучение систематического курса русского языка и развитие речи.

Усвоение русской речи детьми-мигрантами связано с преодолением трудностей фонетического, лексического и грамматического характера, которые обусловлены различием языковых систем, поэтому особое значение в процессе обучения имеет сопоставительный анализ всех подсистем русского и родного для носителя языка. В процессе усвоения чужого языка происходит наложение, интерференция во всех направлениях системного характера. Особую сложность представляет овладение произношением, причем трудны для усвоения не отдельные звуки русского языка, а отношения рядов и категорий его фонологической системы, т.к. они обычно не совпадают с фонологическими системами родного языка. Несомненно, что между фонологиями родного и русского языков имеются схожести, однако эти схожести во многих случаях мнимые.

Так, трудность для усвоения согласных представляет противопоставление по твердости-мягкости: все согласные в русском языке произносятся или очень твердо, или очень мягко. В других языках отсутствует такое противопоставление, согласные могут быть и полумягкими. А в результате от замены согласных в речи детей, плохо усвоивших русское произношение, может меняться смысл слова: *был – бил, выл – вил, кон – конь, угол – уголь*. В родном языке также могут отсутствовать некоторые звуки русского языка, например губно-зубные *в, ф*, заднеязычный щелевой *х*, замена их другими ведет к произношению слова, лишь отдаленно напоминающее русское: *автобус – актабус, вечер – бечер, форточка – портошка, хорошо – корошо*. Сложность для овладения русской фонетикой представляют слова со стечением согласных, оно преодолевается вставкой гласного звука: *много – миного, скворец – сыкворец, школа – шикола*. При наличии нескольких ошибок слова могут лишиться всякого смысла. Смешение глухих и звонких, твердых и мягких согласных, таким образом, приводит к изменению значения слов и нарушению коммуникации.

Лексический и грамматический аспекты в обучении языку всегда являются ведущими, так как слово – основная единица языка – естественно становится одной из наиболее значимых единиц обучения. Словарный состав русского языка богат, он имеет широкие словообразовательные возможности, поэтому овладение лексической системой русского языка сопровождается развитием познавательных процессов детей – памяти, мышления.

Лексический запас русского языка детей-мигрантов, как правило, скуден, поэтому в их речи мы отмечаем процесс семантической интерференции, который может проявляться:

1) В несовпадении объема значений соответствующих слов. Например, за морфемой в агглютинирующих языках закрепляется одно значение: *сестренка, братишка – сестра, брат*, таким образом, теряется оттенок ласкательности.

2) В нарушении лексической сочетаемости. Например, в представлении некоторых народностей высокие неодушевленные предметы стоят, плоские – сидят, поэтому в русской речи детей из двуязычных семей нередко можно услышать: *стакан стоит, тарелка сидит*.

Процесс усвоения лексики будет более благоприятным и эффективным, если ее представлять не в виде нагромождения слов, а в виде упорядоченной системы: в виде тематических групп, родо-видовых, синонимических, антонимических отношений. Такие занятия должны быть организованы на материале словаря-минимума, лексика которого распределяется по этапам обучения. На начальном этапе обучения лексическая база ограничивается небольшим числом слов, необходимых для овладения звуками русского языка. Для успешной социализации детей из двуязычных семей также необходимо знакомить их с русскоязычной ценной лексикой – совокупностью слов, которые аккумулируют и преломляют в своей семантике своеобразие культурно-исторического опыта русского народа, его обычаев, традиций.

Результативность коррекции русской речи детей из двуязычных семей может улучшаться за счет включения в учебный процесс отдельных видов искусств (литературы, образцов декламации художественных произведений, музыки, живописи) и комплексном их использовании в учебно-воспитательном процессе. Арттерапия, иг-

ротерапия являются эффективными приемами обучения и воспитания, при коррекции русской речи иноязычных детей их значимость также возрастает.

В заключении отметим, что мы считаем необходимым разработать целенаправленную систему мер приобщения к русской культуре мигрантов. Меры эти должны быть нерезкими, уважительными по отношению к родной культуре. Назовем лишь некоторые, с нашей точки зрения, важные этапы этой работы: 1) создание смешанных детских садов с созданием специальных групп для детей мигрантов с одним родным языком; 2) включение в существующую систему предметных олимпиад типа «Юные интеллектуалы Урала» направления «Русский язык как иностранный»; 3) дифференцированная подготовка специалистов в вузах по обучению русскому языку тюркоязычных мигрантов и мигрантов из восточной Азии, так как типы языков и подготовка их носителей к изучению русского языка значительно отличаются.

© Евдокимова Л. С., 2007

Нестерова Ю. В.

Екатеринбург, Россия

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ КЛАССАХ

В связи с процессами, происходящими в нашей стране, отмечается большой приток мигрантов, прибывающих в столицу из национальных республик России, ближнего и дальнего зарубежья.

Став жителями России, многие из них испытывают серьезные затруднения в адаптации на новом месте жительства, что мешает им полноценно общаться, трудиться, жить. Они испытывают психологический дискомфорт, причиной которого является плохое владение навыками устной и письменной русской речи, а зачастую и полное их отсутствие. Особую сложность представляет этот факт в детской среде, в среде учащихся разных национальностей, значительно пополнивших контингент российских школ. Данные учащиеся, поступая в общеобразовательную российскую школу, оказываются в классах, где основная масса детей является носителями русского языка. Обучая детей таких многонациональных классов, педагог сталкивается с рядом трудностей.

Небольшое количество детей-мигрантов в русскоязычном классе ставит перед учителем задачу дифференциации подхода к обучению данных учащихся. Однако существ-

ующая методика обучения русскому языку не предполагает такой дифференциации в рамках общеобразовательной школы. Осложняет эту задачу и разный уровень владения языком детьми-мигрантами. Если одни дети в состоянии воспринимать русскую речь, полноценно пользоваться средствами массовой информации, строить связное высказывание в процессе коммуникации, при этом основная проблема для них – недостаточно высокая грамотность, заметный акцент, то другие практически не в состоянии ни понимать, ни продуцировать русскую речь, что ставит их в тяжелейшее положение в условиях однородной русской языковой среды. В случае если аудитория неоднородная (в одной группе учатся дети разные по уровню владения языком), появляется проблема, в основном касающаяся момента информативности, т.е. информация, данная на занятиях, должна быть понятна всем.

Все эти обстоятельства требуют от преподавателя большой творческой работы по выбору наиболее подходящих из существующих учебных средств и созданию дополнительных учебных материалов, в первую очередь упражнений, т.е. педагог вынужден найти новый методический подход к обучению русскому языку детей в многонациональном классе. При этом он должен учитывать следующие положения:

1. Процесс порождения связного высказывания на родном и русском языках имеет много общего, несмотря на то что усвоение родного и неродного языков идет разными путями. Родной язык усваивается “снизу вверх”, т.е. на основе элементарных знаний о языке усваиваются высшие уровни языка, что приводит к появлению произвольной речи. Иностранный язык усваивается “сверху вниз”, т.е. язык усваивается на основе сформированных сознательных умений, которые в дальнейшем автоматизируются.

2. Овладевая родным языком, ребенок усваивает и определенную систему анализа, обобщения явлений действительности, а также другие мыслительные операции, которые используются затем в процессе усвоения второго языка.

3. Параллелизм в усвоении системы связной родной и неродной речи обусловлен тем, что в начальный и средний периоды школьной жизни учащиеся на родном языке переходят к усвоению высших уровней языка, к произвольной речи, а на втором языке они как раз с этого и начинают освоение речевой системы. Таким образом, параллель-

ная работа по созданию связного высказывания на родном и русском языках должна способствовать повышению эффективности этой работы.

4. Процесс порождения связной речи на родном и русском языках включает этапы планирования высказывания, его реализации и сопоставления результата с планом (это соответствует в методике этапам подготовки и проведения творческой работы).

Для реализации обозначенных выше положений в классно-урочной системе обучения, необходимо, на наш взгляд, учителю освоить методику обучения детей в малокомплектных школах. Реализация данной методики позволяет организовать дифференцированный подход при работе с детьми владеющими русским языком или не владеющими таковым. Особенностью такого обучения является возможность учителя работать попеременно то с одной, то с другой группой учащихся (в то время когда другая группа работает самостоятельно). При организации такого обучения у учителя появляется возможность отрабатывать с детьми-мигрантами наиболее сложный для них материал.

© Нестерова Ю.В., 2007

Попов Л. Н.

Екатеринбург, Россия

РУССКАЯ ИНТОНАЦИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ СРЕДСТВО ВХОЖДЕНИЯ МИГРАНТОВ В РУССКУЮ ЯЗЫКОВУЮ И КУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ

Адаптация, интеграция, а затем саморазвитие, самореализация мигрантов в новой или относительно новой для них культуре, в частности русской, требует целенаправленной и содержательной теоретической и практической работы по вхождению в эту культуру и, в первую очередь, в речевую культуру как со стороны социума, принимающего мигрантов, так и со стороны самих мигрантов. Иными словами, мигрантам необходимо создавать условия для качественного обучения и воспитания, а им самим нужно всемерно постигать язык, культурные ценности, принципы, нормы и правила, ритуалы принимающего их народа, т.е. формировать и развивать собственное коммуникативное сознание и поведение.

Коммуникативное сознание – устойчивая совокупность мыслительных категорий, отражающих нормы, правила и традиции, обеспечивающие коммуникативное поведение нации, группы, личности – определяет коммуникативное поведение.

Речевое или коммуникативное поведение человека – это вербальное или сопровождающее его невербальное поведение личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума.

Коммуникативное сознание как механизм отражения социальной действительности функционирует посредством внутреннего, ментального целостного духовно-душевно-телесного напряжения человека – тона или интонации, которая проявляет себя прежде всего в речи, а также в жестах и мимике.

Термин «тон» происходит от греческого *tonos* – «напряжение, ударение».

Сущность термина «интонация» как явления культуры заключается именно в этом внутреннем «напряжении» человека (внутренняя форма). Основные черты этого целостного напряжения: смысловая наполненность; особая «энергетичность»; континуальность («протяженность», «соединенность») и одновременно дискретность («разделенность»); живая изменчивость; направленность на объекты и реализуемость.

Важнейшие античные категории гармонии, «софросины», *frugalitas*, т.е. тона, интонации в христианской культуре, в риторике и педагогике трансформируются в понятие «кротость», выражающее общий тон речевого высказывания – радостное спокойствие, а в православной русской культуре в понятия «кротость и смирение», «соборность».

Современная наука рассматривает интонацию как фундаментальное явление культуры.

Понятие «форма» в языке / речи трактуется также как внешняя, наблюдаемая, связанная со слуховым или зрительным восприятием языка / речи.

Правильный выбор фонетических, словообразовательных, лексических, морфологических и синтаксических средств языка, а также невербальных средств для конкретного высказывания зависит от интонирования данной речевой ситуации личностью.

На основании функций языка / речи личностное интонирование и ситуация общения определяют стиль высказывания, который затем воплощается во внешнюю, звуковую, форму.

Итак, подлинное вхождение мигрантов в русскую языковую и культурную среду обеспечивается целенаправленным формированием и развитием коммуникативного сознания и поведения, которые имеют своим внутренним основанием русскую речевую

интонацию – необходимое средство обучения русскому языку и воспитания русских культурных ценностей.

© Попов Л. Н., 2007

Попова Э. Ю.
Екатеринбург, Россия
**ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО
ЯЗЫКА ДЕТЯМ-МИГРАНТАМ В ШКОЛАХ
Г. ЕКАТЕРИНБУРГА**

Социально-экономические условия современного российского общества выдвинули ряд проблем в области межкультурной коммуникации. Расширились международные контакты, появилась практическая потребность в объяснении и интерпретации коммуникативных различий, выявляющихся в процессе межнационального общения. В частности, обозначилась проблема формирования толерантности во взаимодействии представителей различных национальных культур. Появилась необходимость адаптации мигрантов в русском лингвокультурном пространстве.

Одна из важнейших задач, стоящих перед преподавателями русского языка, – разработка системы дидактических приемов обучения русскому языку детей-мигрантов. Трудность преподавания русского языка детям-мигрантам связана с тем, что это носители разных языков, относящихся порой к разным языковым семьям. В процессе преподавания учитель сталкивается с тем, что несовпадения системы русского языка и языка, родного мигрантам, оказываются в каждом конкретном случае особыми.

Проблема билингвизма в России не является новой. Билингвизм – одна из важнейших проблем, он предполагает знание как родного, так и второго, русского, языка. Решение проблемы двуязычия предполагает использование различных подходов: лингвистического, социологического, психологического, педагогического. Однако существующие до сих пор программы преподавания русского языка в школе предназначены для детей, обучающихся в национальных школах на родном (нерусском) языке. Национальный состав этих учащихся практически однороден. Справедливости ради отметим, что есть ряд программ и учебных пособий, предназначенных для школ с многонациональным (полиэтническим) составом учащихся, например пособия Р. Б. Сабаткоева для 10-11 классов, С. Д. Ашуровой и Р. Б. Сабаткоева для 5-9 классов. Г. И. Банщиковой для начальных классов и некоторые

другие. Кроме того, некоторые школы создают собственные авторские программы факультативных курсов русского языка детей-мигрантов.

В свердловской области и в г. Екатеринбурге ряд школ работает по самостоятельно созданным программам по русскому языку для детей-мигрантов. На семинаре «Особенности обучения русскому языку детей-мигрантов», прошедшем в ИРРО Свердловской области, учителя различных школ представили свои программы, прошедшие апробацию в течение нескольких лет.

Работая по этим программам, учителя русского языка учитывают особенности родного языка учащегося по отношению к особенностям русской языковой системы для того, чтобы определить трудности обучения неродному (русскому) языку. Примечательно, что в начальной школе с учащимися занимаются логопеды, осуществляющие не только коррекцию произнесения русских звуков, но и обучение лексике и основам грамматики русского языка. Учителя-логопеды МОУ СОШ № 197 представили интересную методику обучения русскому языку детей-мигрантов в 1-4 классе.

Язык – важнейшее средство, способное помочь проникнуть в скрытую сферу ментальности, ибо он определяет способ отношения к миру в той или иной культуре. Обучение языку теперь связывается с обучением коммуникативному поведению личности, регулируемому нормами и традициями общения данного социума. Поэтому учитель должен давать учащемуся не только знания по языку, но и обучить ребенка-мигранта нормам поведения в русской лингвокультурной общности. Опыт такой работы показали преподаватели МОУ СОШ № 87 и № 108. В этих школах наряду с обучением русскому языку проводятся мероприятия, направленные на психологическую адаптацию мигрантов в русской среде. В МОУ СОШ г. Екатеринбурга разработан проект «Школа – центр развития поликультурного пространства». В рамках этого проекта с детьми-мигрантами работают не только учителя русского языка, но и педагоги-психологи, педагоги дополнительного образования. Главной целью проекта является воспитание толерантности в условиях общеобразовательного учреждения. В школе создан клуб национальных культур, проводится праздник «День национальной культуры», в котором наряду с русскими детьми активное участие принимают дети-мигранты. Такой проект способствует

не только адаптации мигрантов в русской среде, но и воспитывает толерантное отношение русских школьников к представителям других национальностей.

Вместе с тем на семинаре были выдвинуты проблемы, связанные с преподаванием русского языка детям-мигрантам. Прежде всего, это вопросы итоговой аттестацией мигрантов по русскому языку. Разный уровень владения русским языком, разновозрастный состав мигрантов, не владеющих русским языком, отсутствие специфических требований к этим учащимся – все эти проблемы еще требуют своего решения.

© Попова Э.Ю., 2007

Привалова С. Е.

Екатеринбург, Россия

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ УЧЕБНИКОВ И УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ДЕТЕЙ НОВЫХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

Широкие процессы, происходящие в сегодняшней России, привели к тому, что в одном классе любой школы (сельской или городской) с русским языком обучения могут оказаться дети разных национальностей. Такие классы приобретают статус классов с полиэтническим составом учащихся. Все это затрудняет работу учителя, поскольку специальных знаний об обучении в условиях полиэтнической среды, которая характеризуется разным уровнем сформированности билингвизма, учитель не имеет.

И в настоящее время в России появилась потребность в создании специальной системы и соответственно дополнительных учебных пособий для детей, которые плохо владеют или практически не владеют русским языком.

Особое место в системе общего образования в обучении детей-мигрантов занимает русский язык. Это определяется прежде всего той ролью, которую выполняет русский язык:

- является предметом изучения и обучения ему;
- является средством познания других наук.

Содержание специальных учебников и пособий для детей-мигрантов должно быть отобрано таким образом, чтобы дать учащимся возможность изучать русский язык и российскую культуру в системе диалога с родной культурой и мировой культурой.

Таким образом, основным принципом обучения детей в полиэтническом простран-

стве, который позволил бы избежать непонимания и конфронтации в классе, является принцип диалогичности.

Прочное и осознанное усвоение знаний о языке, о лексике, о морфологии, о синтаксисе, о фонетике и словообразовании является условием успешного овладения русской речью, формированием умений и навыков во всех видах учебной деятельности.

Следующий принцип, которому должна соответствовать структура построения таких пособий – принцип сознательности. В соответствии с ним языковой материал рассматривается как органическая и системно организованная часть учебного материала, на основе которой формируется речевая деятельность учащихся.

Содержание, связанное с языковым единицами (части речи, морфологические и синтаксические категории и т.п.), должно быть представлено поэтапно. Принцип введения – опережающее усвоение материала в коммуникативно-речевом аспекте. Осознанное усвоение языковых явлений, фактов, правил – обязательное условие достижения свободного владения русским языком. Так как учащиеся уже обладают определенным уровнем владения языком и опытом его усвоения, то большое внимание уделяется развитию познавательных способностей учащихся (расширение их кругозора и формирование умений учебной деятельности).

Система заданий в учебниках должна быть направлена на реализацию развивающего подхода, который формирует у учащихся навыки самооценки и самоанализа или способности к рефлексии. Учащиеся должны уметь осмысливать свою деятельность, ее результаты, значимость изучаемого материала.

Принцип диалогичности тесно связан с реализацией на практике оптимизационного подхода, который предполагает пошаговое введение материала в рамках урока, широкую дифференциацию упражнений и заданий.

В условиях обучения разноуровневой аудитории по степени владения русским языком в полиэтнических классах в учебных пособиях должен быть представлен вариативный и разноуровневый материал разной степени сложности.

В случае однородности состава класса материал повышенной трудности можно использовать для индивидуальной и самостоятельной работы детей. Следовательно, обучение мигрантов предполагает возможность

варьирования учебного материала в зависимости от уровня языковой и речевой подготовки учащихся.

Усваивая слова, мы прежде всего ориентируемся на память, поэтому в обучении лексике и грамматике должен учитываться такой психологический закон, как «закон края»: в текстах для иностранцев ключевые слова, мысли отражаются в названии текста, в начале и в конце текста. И система упражнений в учебниках должна быть направлена на развитие кратковременной памяти (запомнить какие-то слова, повторить за учителем), а этот механизм связан с долговременной памятью. Но не факт, что через несколько дней слова попадут в долговременную память. Следовательно, чтобы сформировать этот механизм, надо очень много читать, а поскольку чтение – это письменная форма речи, то и система упражнений направлена на то, чтобы что-то прочитать, записать. Также лексический и грамматический материал должен включаться в речевую деятельность преподавателя и детей. Если этого не происходит, то из кратковременной памяти, особенно у иностранцев, у которых еще нет ассоциации (а ассоциативная память тоже мощный элемент), слова будут исчезать.

Обучение русскому языку в классах, где учатся дети разных национальностей, требует решения поиска проблем как учебного-лингводидакта, так и практикующего учителя. Создание учебников и учебных пособий, призванных реализовывать на практике все условия успешного обучения – перспектива будущей работы.

© Привалова С. Е., 2007

Соколова А. А.
Екатеринбург, Россия
**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УЧЕБНОГО
ДИАЛОГА ПРИ ИЗУЧЕНИИ
ДЕТЬМИ-МИГРАНТАМИ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

В настоящее время в общеобразовательных школах стало все больше иноязычных детей. При этом первоочередной задачей для системы образования становится интеграция детей-мигрантов в российскую культуру, в общество. Решая поставленную задачу, учитель сталкивается с тем, что дети-мигранты, как правило, плохо знают язык, на котором им предстоит учиться и общаться много лет. Они не все понимают, не всегда могут высказать свою мысль. Кроме того, низкий уровень навыков общения почти у

всех младших школьников (и иноязычных, и русскоговорящих) мешает наладить полноценную школьную жизнь. Часто в школу приходят дети, не посещавшие дошкольного учреждения, имеющие очень небольшой опыт взаимодействия со сверстниками. Таким образом, перед учителем возникает две проблемы: во-первых, дети-мигранты не владеют или плохо владеют языком и, во-вторых, ограниченный опыт общения не позволяет иноязычному ребенку быть успешным в школе и в обществе.

На наш взгляд, эти проблемы можно решать через включение детей-мигрантов в учебный диалог, сущность которого заключается в том, что это *речевое взаимодействие субъектов процесса обучения, основанное на осознанном использовании средств языка с целью решения учебной задачи. При этом учебный диалог отличается учетом реакций адресата и адресанта, соотношением смысловых позиций участников диалога, выражением собственной точки зрения, собственного понимания учебной задачи.* Учебный диалог является особым типом текста, принадлежащим не одному субъекту; ведущая роль в создании учебного диалога как процесса порождения текста принадлежит педагогу. Для полной социализации личности растущему человеку необходимо уметь общаться, обладать элементарными навыками диалогического взаимодействия. Низкий уровень сформированности диалогических умений у детей не позволяет в достаточной степени реализовать данную потребность.

Создавая учебный диалог, ребенок-мигрант должен иметь хорошую лексическую базу, поэтому в качестве одного из аспектов обучения созданию учебного диалога выделяется словарная работа. Отличительной особенностью нашей методики является то, что работа со словом проводится в тесной связи с анализом диалогической речи и предполагает: 1) выделение языковых средств из предложенного диалога; 2) словарную работу с выделенными словами; 3) включение выделенных языковых средств в новый диалог.

В методике развития речи достаточно полно описаны методы и приемы словарной работы. Мы обратимся только к тем приемам, которые позволяют детям шести-семи лет эффективно использовать диалогическую речь в ситуации обучения, а также оценивать и корректировать свои высказывания.

Обогащение словаря ребенка новыми словами, объяснение их значения, сопоставление слова с другими словами (например, на занятиях по развитию речи или на уроке обучения грамоте учитель предлагает прослушать диалог между мартышкой и удавом и определить, значение какого слова не знала мартышка, почему, далее происходит фонетический анализ слов *хвостливая – хвастливая*.)

Объяснение этимологии слова. Детям предлагается рассмотреть иллюстрацию с изображением птиц и объяснить своему товарищу, почему так называются эти птицы: *синица, щегол, перепел*. Послушайте, как ребята объясняли значение этих слов и определите, полностью ли они выполнили задание. Какие слова помогли объяснить ребятам, почему синицу так назвали? Кто из участников был доказательнее? Какие слова и выражения он использовал? Как начался и чем завершился диалог? Обсудите с товарищем названия других птиц.

Обогащение словаря осуществляется в разных видах деятельности. Например, детям предлагается составить рассказ по картинке. На подготовительном этапе используется упражнение диалогического характера: *«Один ребенок задает вопрос по картинке. Другой отвечает на него»*. При выполнении данного упражнения педагог обращает внимание детей на то, что об одном и том же можно спросить по-разному, на один вопрос можно ответить разными словами. *«Кто изображен на рисунке? Кто нарисован на иллюстрации? Что делают дети (ребята, малыши)? Как ты думаешь (считаешь), где бы могла произойти эта история?»*

Наблюдение над использованием в диалогической речи многозначных слов с прямым и переносным значением в контексте.

Включение в диалогическую речь объясняемых слов; это задание сопровождает все словарные упражнения (Обсуди с товарищем, подумайте вместе, выполняйте задание в паре, постройте такой же диалог, какой получился у ребят).

Исправление ошибок, неточностей словоупотребления в устной речи, например, при работе над выразительностью речи.

Представленные методы и приемы словарной работы позволяют педагогу создать языковую базу для обучения детей учебному диалогу. При этом происходит обогащение словаря словами и словосочетаниями со значением мыслительной деятельности (*думать, рассуждать, наблюдать, сравни-*

вать), активизировать их употребление при составлении старшими дошкольниками и младшими школьниками учебных диалогов (по образцу или самостоятельно).

© Соколова А. А., 2007

Тиллоева С. М.

Екатеринбург, Россия

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

Социальные процессы, происходящие во всем мире и связанные, в первую очередь, с дроблением политической карты мира, характерным для последнего десятилетия, и появлением большого числа независимых государств, языки которых получают статус государственных и целенаправленно развиваются как самостоятельные системы, вызвали к жизни новые взгляды на природу русского языка и методику его преподавания во многих среднеазиатских странах, в том числе и в Таджикистане.

К сожалению, следует заметить, что русский язык, записанный в Конституции Республики Таджикистан, как язык межнационального общения, (официально он признан вторым государственным языком) в настоящее время «приобрел» статус иностранного языка, наряду с английским, немецким и другими языками.

Одним из главных факторов, способствовавших негативному отношению к обучению русскому языку, является период социальной нестабильности (1993 – 2000 г.).

Как известно, этнос / нация является живой самоорганизующейся системой, развивающейся по законам живых открытых систем. Любая такая система стремится к самосохранению с одной стороны, и к развитию – с другой.

Именно стремление к самосохранению и страх потери привычной ориентации провоцирует этнические конфликты (гражданская война 1993 г. в Таджикистане).

Действительно, для массового сознания в любую эпоху характерны два набора познавательных средств, которые можно условно определить, вслед за К. Г. Юнгом, как рациональное и иррациональное мышление. Но если в периоды социальной стабильности (период СССР) рациональные компоненты сознания вытесняли традиционные мифологемы на обочину восприятия и осмысления действительности, в ситуации кризиса (1993 – 1997 г.) – психологической неустойчивости – те же самые мифологемы, выпол-

няя защитную функцию, становятся главными опорами, противодействующими социопатии и деградации личности. При этом мифологизированное ядро сознания не осознается таковым и выступает в качестве непреложной истины, не подвергающейся сомнению большинством членов сообщества. Это «болезненное состояние», пронизывая всю систему общества, не может не отразиться на процессе обучения тому или иному языку. В силу подобных обстоятельств русский язык в Таджикистане игнорировался практически на протяжении десяти лет.

Однако за последние годы резко возросли требования к уровню владения русским языком в связи с перестройкой систем внешнеэкономических, политических и культурных связей; внедрением новых форм сотрудничества; прямыми связями предприятий с российскими фирмами; проведением проектно-конструкторских и экспериментальных работ.

Совершенствование навыков владения русским языком таджикскими специалистами, на наш взгляд, следует рассматривать ныне как важный резерв ускорения социально-экономического развития общества.

© Тиллоева С. М., 2007

Токтосунов А. А.

Ош, Киргизия

РАЗВИТИЕ ИНТЕРЕСА ДЕВОЧЕК К ТЕХНИЧЕСКИМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В нашей стране низкая занятость женщин в общественном производстве. Они работают, в основном, в рыночной торговле, сельском хозяйстве, в сфере науки и культуры и др. Политические и экономические факторы, которые способствуют увеличению доли женщин, занятых в народном хозяйстве:

1) утвердившаяся рыночная система народного хозяйства и ее планомерное развитие;

2) техническая реконструкция и механизация тяжелых и трудоемких работ, осуществляемая на базе современной техники;

3) осуществление ряда социальных мероприятий, направленных на создание благоприятные условия для роста культурно-технического уровня женщин;

4) коренное улучшение санитарно-гигиенических условий и медицинского обслуживания на промышленных предприятиях, стройках, транспорте и т.д.

Научно-технический прогресс, появление новых видов производства ведут к перераспределению женского труда между отраслями промышленности и видами деятельности в сторону повышения удельного веса женщин в высоко механизированных и автоматизированных отраслях производства. Если раньше женский труд, в основном, применялся в текстильной и швейной промышленности, то в настоящее время женщины вытесняют мужчин там, где для овладения мастерством и повышения производительности труда имеет значение быстрота и ловкость пальцев, аккуратность и четкость в работе, повышенное внимание, тщательность работы (в точном приборостроении, в радиоэлектронике, электроэнергетике и др.).

Комплексная механизация и автоматизация производства, развитие новых отраслей промышленности (радиоэлектроника, электроэнергетика, кибернетика и др.) раскрывают широкие перспективы для применения труда женщин и в «классических» сферах (швейная, часовая промышленность) и в совершенно новых отраслях производства. При этом увеличивается доля женщин, занятых в этих отраслях. Многие электрорадиотехнические специальности, например, намотчицы, обмотчицы электрических машин, радио монтажницы и т.д. становятся сейчас чисто женскими.

С другой стороны, есть все основания считать, что подобный труд соответствует также физиологическим и психологическим особенностям женщин.

Технический прогресс не только расширяет границы применения женского труда, но и предъявляет новые требования к техническим знаниям и уровню квалификации женщин на производстве.

Однако недостаточно внимание уделяется вопросам ориентации девушек на технические профессии. Чтобы выяснить, какова роль общеобразовательной школы в решении проблемы подготовки женских кадров по электрорадиотехническим специальностям, мы провели специальное исследование в ряде профессионально-технических училищ и на предприятиях с электрорадиотехническим уклоном, где работает много женщин, а также изучили развитие интересов к технике у школьниц и ориентацию их на технические профессии в общеобразовательных школах.

Подготовка девушек по электрорадиотехническим специальностям изучалась в ряде ПТУ города Ош, Джалалабат, Бишкек и Баткенской области. В беседах с педагога-

ми, воспитателями, а также с ученицами и выпускницами профтехучилищ мы старались определить, какое влияние оказывает на выбор учебного заведения интерес девушек к технике и как этот интерес в дальнейшем развивается в процессе учебы в ПТУ. С этой же целью мы знакомились с организацией внеклассной творческой технической самодеятельности будущих работниц в профессионально-технических училищах.

Выяснилось, что в ПТУ, готовящих женские кадры по электрорадиотехническим специальностям, чаще всего поступают девушки, не проявившие ранее интереса к технике. Выбор учебного заведения, как правило, случаен. «Не поступила в ВУЗ», «Знакомые посоветовали сюда поступить», «Прочла объявление о приеме в газете», – таковы типичные ответы девушек о причине поступления в данное училище.

По свидетельству руководителей училищ и педагогов, теоретическая подготовка девушек по профилирующим предметам при поступлении в училище обычно весьма слаба, а практические умения и навыки недостаточны, обучение приходится начинать с «азов». Разумеется, есть случаи поступления на электрорадиотехнические специальности в ПТУ и хорошо подготовленных девушек, увлекавшихся электрорадиотехникой в школе. Эти девушки хорошо учатся, быстро усваивают необходимые практические умения и навыки, а по окончании училища получают хорошие работы. Однако таких девушек в училище поступают единицы.

Развитию интереса девушек к технике и, в особенности, к своей будущей специальности в ПТУ уделяется большое внимание. При этом важное место в развитии такого интереса занимает внеклассная работа в технических кружках: девушки изготавливают наглядные пособия для кабинетов физики, электротехники. Интерес к технике, привитый будущим работницам в профессионально-технических лицеях, в дальнейшем, сохраняется. Многие продолжают учебу на заочном отделении в ВУЗах, специально технических учебных заведениях.

По свидетельству педагогических работников ПТУ обстоятельство, что сюда приходят учиться, в основном, девушки не приобретенные ранее к технике и техническим специальностям, значительно усложняет основную задачу этих учебных заведений – профессиональную подготовку работниц: ведь развитие интереса к технике и профессиональную ориентацию здесь приходится осу-

ществлять одновременно с решением основной задачи. Педагоги и воспитатели отмечают, что подготовка работниц в ПТУ стала бы, значительно эффективнее, если интерес к технике пробуждался и развивался у будущих работниц ранее, в школьные годы.

Заметим теперь, что, по имеющимся данным, в ПТУ ведется подготовка лишь сравнительно небольшой части квалифицированных работниц. Более 85% женщин получают специальность непосредственно на промышленных предприятиях, через систему заводских курсов, индивидуального и бригадного (группового) ученичества. В отличие от профессионально-технических училищ, где продолжительность обучения составляет 1-1,5 года, на предприятиях срок подготовки невелик – от трех до шести месяцев. Основное внимание при обучении здесь уделяется практическим вопросам, на теоретическую подготовку отводится немного времени.

Подготовку работниц по электрорадиотехническим специальностям в производственных условиях мы изучали на ряде предприятий городов нашей республики.

Конкретной целью исследования было определение влияния знаний, умений и навыков, полученных девушками в школе, на выбор ими специальности. Исследование проводилось путем ознакомления с учебными программами курсов при подготовке работниц, бесед с преподавателями и руководителями этих курсов, а также методом анкетирования. Анкетированием было охвачено около 300 работниц.

В анкетах работницы указывали возраст, образование, специальность, мотив, обусловивший выбор этой специальности, стаж работы по выбранной профессии, время, потребовавшееся для повышения квалификационного разряда на единицу (например, с первого разряда на второй или со второго разряда на третий) и некоторые другие сведения.

Анализ ответов на вопросы анкеты показал следующие основные мотивы выбора работницами той или иной специальности при поступлении на работу:

- а) направление, выданное школой – 3 ответа (1,0 %);
- б) советы родителей, знакомых – 42 ответа (14 %);
- в) интерес к данной специальности – 12 ответов (4,1%);

г) материальные стимулы (работа по этой специальности хорошо оплачивается) – 158 ответов (52,6 %);

д) стечение обстоятельств, исключавших другие возможности – 42 ответа (14 %);

е) прочее – 43 ответа (14,3 %).

Результаты анкетирования свидетельствуют о малом влиянии школы на выбор работницами электрорадиотехнических специальностей: среди опрошенных всего один процент составляют работницы, пришедшие на предприятие по направлению школы (это выпускницы школ с производственным уклоном). Немногие работницы (около 10%) объясняют свой выбор специальности интересом к ней – в основном, это выпускницы профессионально-технических училищ; по-видимому, на возникновение у них интереса к электрорадиотехнике оказало влияние учебы в ПТУ. Чаще же всего девушки выбирают электрорадиотехнические специальности случайно.

Анализ данных анкетирования позволил ответить и на вопрос о том, что какой из факторов – возраст последних или уровень их образования – оказывает существенное влияние на стремление повысить квалификацию.

Таким образом, изучение подготовки женщин по электрорадиотехническим специальностям в профессионально-технических училищах и на предприятиях показывает, что в целом учеба в школе мало влияет на выбор будущими работницами технических специальностей. Когда приходит время девушкам-школьницам задуматься над выбором профессии, интереса к технике, техническим специальностям у большинства из них обычно нет. Вместе с тем, уровень общего образования, полученного женщинами работницами в школьные годы, является важным фактором роста их квалификации в процессе освоения специальности и при дальнейшей работе по этой специальности. © Токтосунов А. А., 2007

Чеканова А. Э.

Екатеринбург, Россия

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕТОДОВ ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Межкультурная коммуникация (или общение) – это всегда диалог культур, а точнее, диалог представителей разных культур. Эффективность общения зависит от того, насколько диалог конструктивен. Конструктивным диалог можно назвать тогда, когда

результатом его становится созидание, а не разрушение. Необходимым условием конструктивного диалога является толерантность его участников.

В бытовой сфере слова толерантность и терпимость носителями русского языка воспринимаются как однозначные существительные. Однако прямого перевода на русский язык термин «толерантность» не имеет. В наш язык слово пришло из английского языка, где оно означает готовность благосклонно признавать, принимать поведение, убеждения и взгляды других людей, которые отличаются от собственных. При этом даже в том случае, когда эти убеждения и взгляды коммуникантами не разделяются и не одобряются.

Толерантность в значительной степени отличается от терпимости, именно поэтому в русском языке оба слова нашли свое место.

Слово «терпимость» в русском языке образовано от глагола «терпеть», который означает «безропотно и стойко переносить что-либо (страдание, неудобство, боль), мириться с наличием чего-кого-либо, поневоле допускать что-либо, испытывать что-нибудь (неприятное, тяжелое)». Два ключевых слова в определении дают возможность понять, чем же отличается терпимость от толерантности. Это слова «неприятность» и «поневоле». То есть, человек готов мириться с неблагоприятным фактором воздействия в силу невозможности изменить ситуацию. Такая терпимость является, по сути своей, подавленной раздражительностью и агрессией. Это скрытая форма нетерпимости, отсроченная агрессия, сундук, где до поры до времени заперты различные формы насилия и манипулирования человеком, ведущие в итоге к утрате психологической адаптации.

В широком смысле слова определение толерантности было дано ЮНЕСКО в 1995 году.

В основе толерантности лежит принятие человеком окружающих и самого себя, взаимодействие с внешним и внутренним миром в принимающей, диалогической манере. В методическом плане такое принятие обычно выражено в отсутствии противопоставления оценок «свой – хороший, чужой – плохой». Язык дает нам возможность заменить данную конструкцию другой логической цепочкой «свой – не свой – не такой как я – иной».

В узком смысле слова толерантность – это отсутствие или ослабление реагирования на неблагоприятный фактор в результа-

те снижения чувствительности к его воздействию, способность человека противостоять разного рода жизненным трудностям без утраты психологической адаптации.

Снижение чувствительности к неблагоприятному фактору формируется путем многократного воздействия этого неблагоприятного фактора на человека. Таким способом происходит формирование и укрепление толерантности в естественной среде. При условии, когда воздействие неблагоприятного фактора возрастает постепенно, реакция на него ослабляется также постепенно, и способность человека к психологической адаптации сохраняется в пределах нормы. Если воздействие неблагоприятного фактора слишком сильно, это может привести к психологическому шоку, который, в свою очередь, ведет к поведенческому срыву.

Следующий вопрос, который необходимо решить, заключается в том, что является неблагоприятным фактором в межкультурном общении.

Фактором принято считать причину, движущую силу какого-либо изменения. Общение есть взаимодействие двух или более людей, состоящее в обмене между ними познавательной или эмоциональной информацией, опытом, знаниями, умениями и навыками. Следовательно, фактором в общении можно считать действие одного из коммуникантов, физическое или речевое, направленное на другого коммуниканта с целью вызвать в нем определенные изменения. В самой обобщенной форме неблагоприятным фактором можно считать тот фактор, который приводит к разрушению общения.

Общение можно рассматривать как цель и как средство достижения цели. В первом случае цель находится в рамках общения и заключается в изменении самих коммуникантов. Во втором случае цель лежит за рамками общения и заключается в изменении окружающей действительности. Если цель лежит за рамками общения, она может быть общей для всех коммуникантов, а может быть частной для каждого коммуниканта.

Рассмотрим неблагоприятные факторы общения для всех трех случаев.

Если допустить, что общение есть деятельность, а деятельность всегда имеет определенную цель, то можно заключить, что общение при видимом отсутствии общей или частных целей есть такой род деятельности, где цели участниками процесса не осозна-

ются. Это психологическое общение, уходящее своими корнями в бессознательное.

Разрушение психологического общения происходит тогда, когда этот процесс становится неприятным для одного или всех коммуникантов, когда коммуниканты испытывают тот предел дискомфорта в общении, который ставит их перед выбором: либо продолжать общение, либо прекратить его. Отсутствии цели, лежащей за рамками общения, побуждает одного или всех коммуникантов прекратить общение, не приносящее удовлетворения.

При наличии цели, лежащей за рамками общения и разделяемой всеми коммуникантами, общение становится одним из средств достижения цели деятельности коммуникантов. Такое общение можно назвать предметно-деятельностным. Собственно, цель и становится тем общим, что составляет фундамент общения. В этом случае порог толерантности возрастает естественным образом только за счет иерархии целей и подчинения частных целей и требований общим. Неблагоприятным фактором в такой ситуации можно считать тот, который препятствует достижению общей цели.

При доминировании частных целей коммуникантов над общими частные цели становятся препятствием для достижения общей цели. Возникает так называемый тупик в деятельности, который прекрасно описан в басне П.И. Крылова «Лебедь, рак и щука». Коммуниканты, стремясь реализовать собственные цели, вынуждены либо манипулировать партнерами, скрывая истинные цели и манифестируя цели ложные, либо подавлять партнеров, если цели скрыть невозможно. Такое общение разрушается при осознании коммуникантами ложности манифестируемых целей или нежелании коммуникантов поддаваться давлению.

Рассматривая толерантность в парадигме педагогики, необходимо ответить на два вопроса: чему учить? и как учить? Из вышеизложенного можно сделать вывод, что для развития толерантности оптимальными являются условия предметно-деятельностной формы общения, основной задачей воспитания будет формирование и развитие коммуникативных навыков, необходимых для общения в условиях взаимодействия с представителями разных культур в рамках предметно-деятельностной сферы. При этом наиболее эффективным следует считать тот метод, который позволит повысить порог толерантности, не нарушая при этом способ-

ности личности к психологической адаптации.

Всем перечисленным условиям воспитания толерантности, на наш взгляд, отвечает метод проекта, в котором принимают участие представители различных культур. Такая проектная деятельность должна быть нацелена на создания продукта материальной или духовной сферы, имеющего равную значимость для всех участников проекта.

© Чеканова А. Э., 2007

Чудинова И. С.

Екатеринбург, Россия

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ ИЗ МИГРАНТСКИХ СЕМЕЙ

В школах Свердловской области в настоящее время обучаются десятки тысяч детей, родители которых перебрались на Урал из стран Шанхайской организации сотрудничества. Многие из этих детей испытывают значительные трудности в обучении по причине того, что недостаточно знают русский язык. У этих детей возникают многочисленные проблемы в общении со сверстниками из-за того, что они мало знакомы с российскими традициями и правилами русского этикета.

С другой стороны, администрация школ и учителя все чаще сталкиваются с жалобами граждан России, дети которых обучаются в многонациональных классах вместе с учениками, которые почти не владеют русским языком.

Проблема обучения детей мигрантов существует не только в России: это общая проблема всех высоко развитых стран. Кроме того, в советскую эпоху был накоплен значительный опыт обучения в союзных республиках, которые сейчас стали самостоятельными государствами. Необходимо в полной мере использовать этот опыт.

Для решения рассматриваемых проблем необходимы совместные усилия государства и педагогов, общественности и ученых. Судя по всему, уже в ближайшем времени придется организовать в Уральском государственном педагогическом университете подготовку учителей, способных работать в многонациональных классах, а также в классах для детей, плохо владеющих русским языком.

В последние годы все чаще приходится слышать термин «мигрантская педагогика». Возможно, этот термин не вполне удачен, во всяком случае пока он «режет слух». Однако дело не в термине, а в том, что необходимы

научно обоснованные разработки проблем обучения в школах России детей мигрантов. В советские годы Академии педагогических наук существовал специальный «Институт преподавания русского языка в национальной школе», который возглавлял блестящий ученый академик Н. М. Шанский. К сожалению, это Институт был ликвидирован. Очевидно, что уже в ближайшее время придется в той или иной форме возобновлять его деятельность

Наша конференция едва ли решит все проблемы обучения детей мигрантов, но она поможет привлечь внимание органов власти и общественности к ситуации в названной сфере. Эта серьезная проблема, которая требует политического решения государственной власти и значительных финансовых вложений.

© Чудинова И. С., 2007

Юнова Н. С.

Екатеринбург, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К КУЛЬТУРЕ НАРОДА В ПРОЦЕССЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Актуальность ориентации личности в мире ценностей обусловлена социальной ситуацией развития современного общества, кардинальными изменениями в социально-экономической и общественной жизни страны. Переоценка ценностей, изменение их иерархической системы, утверждение приоритета общечеловеческих ценностей в общественном сознании вызвали к жизни новое педагогическое мышление и потребовали такого конструирования учебно-воспитательного процесса школы, которое отвечало бы запросам общества и самореализации личности. В этом социальном контексте особо значимыми являются проблемы ориентации школьника в окружающем его мире объективных ценностей, в своих возможностях, ориентация в событиях прошлого и настоящего, в построении образа будущего и своей жизненной перспективы.

Познавательный и эмоциональный компоненты, характеризующие национальное самосознание, требуют не только изучения, но и организации специального воспитательного воздействия.

Осуществить это воздействие можно через приобщение детей к национальной культуре. Существует множество путей достижения этой цели. Одним из них может быть, на наш взгляд, знакомство с происхождением своего имени, фамилии, происхождением

названия своего города, своей страны, что обеспечивает приобщение ребенка к истории своей семьи, своего рода и сохранение семейных традиций.

Выявление национальных особенностей характера, знание их, размышление над историческими обстоятельствами, способствовавшие их созданию, помогают понять нам другие народы.

В настоящей социально-политической обстановке в мире и в нашей многонациональной стране принятие своей и чужой культуры становится практически первоочередной задачей в воспитании нового поколения.

Антропонимы и топонимы – богатый, интересный материал – хорошо усваивается младшими школьниками. Знакомство со значением и происхождением имен и фамилий, а также происхождением названий городов и других географических объектов способствует развитию интереса у младших школьников к языку, к человеку, к истории своей Родины. Кроме этого, помогает овладению навыками самостоятельной работы с книгами. Знакомство со значением своего имени, фамилии, названия своего города и своей страны помогает принять и полюбить себя, свою семью, свой род.

Если ребенок не введен вовремя в мир главных человеческих ценностей, если процесс их постижения оказался стихийным, не стоит удивляться, что появляются люди, для которых нет ничего святого, для которых культура, духовная жизнь, Родина – пустой звук. Ввести ребенка в мир общечеловеческих ценностей – не значит начинать с объективных закономерностей. Мир для ребенка открывается прежде всего как «Мир для меня», то есть через индивидуальное восприятие. Важно, чтобы сначала ребенок освоил мир людей. И начинать надо с того, что всего ближе ему – с собственной семьи. Приобщенность к семье, к ее традициям свидетельствует, что ты в кругу друзей, что вместе со своим народом, со своей страной. За этим стоит общность человечества.

Через семью ребенок непосредственно вводится в род, в народ, в человечество как истинный член общества, ему предоставляется возможность почувствовать себя частью общества. Самое важное – почувствовать на бесконечной оси поколений, которая в данный момент проходит через тебя, как когда-то через твоих предков, как пойдет через твоих еще не родившихся детей.

Для решения поставленной задачи мы разработали программу этимологического кружка. При этом мы исходили из того, что кружковая форма работы, ориентированная на добровольное включение детей, поможет активизировать интерес, а предложенный для работы с кружком материал может быть включен и в содержание уроков.

Программа кружка составлена для учащихся начальных классов, интересующихся ономастикой и увлекающихся этимологией собственных имен, а также географических названий. К работе в кружке дети могут быть привлечены с первого класса.

Изучение этимологии слов-топонимов и антропонимов позволяет развивать у учащихся интерес к дальнейшему изучению слов данной категории, а также способствует формированию интереса к урокам русского языка.

Работа этимологического кружка важна при обучении русскому языку как неродному, т.к. способствует повышению познавательной активности учащихся, повышению общей культуры, в том числе и культуры общения. Работа в кружке направлена на формирование и совершенствование общеучебных умений: члены кружка сами учатся получать сведения об этимологии своих имен и интересующих их географических названий.

© Юнова Н. С., 2007

Будаев Э. В.

Нижний Тагил, Россия

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ИММИГРАЦИИ В СМИ:**

анализ зарубежных исследований

Специальные исследования показывают, что в странах Европы и США «иммиграция» входит в число пяти ведущих тем, изучаемых специалистами по метафоре [Будаев, Чудинов 2006]. В России проблемы иммиграции стоят не менее остро, чем в других странах, однако российские исследования по метафорическому моделированию иммиграции единичны, да и в существующих публикациях «иммиграция» является сопутствующей темой исследования. Если учесть, что в центре метафорической экспансии обычно оказываются феномены, которые привлекают наибольшее внимание соответствующего социума, то приходится констатировать, что в России проблемам иммиграции уделяется слишком мало внимания.

Указанные обстоятельства и правила научной работы требуют рассмотрения опыта, накопленного зарубежными специалистами в этом направлении. Среди европейских изысканий в этой области выделяется публикация Е. Эль Рефайе [El Refaie 2001], посвященная изучению метафорического представления курдов-иммигрантов, ищущих убежища в Европе. Исследуя осмысление иммиграции в австрийских газетах 1998 г. (в этот период иммиграция значительно усилилась), Е. Эль Рефайе показывает, что доминантные метафоры изображают курдов как нахлынувшую *водную стихию*, как *преступников*, как *армию вторжения*. Регулярная апелляция к этим образам во всех исследованных газетах представляется показателем того, что «метафоры, которыми мы дискриминируем» [El Refaie 2001: 352], стали восприниматься как естественный способ описания ситуации.

В статье И. ван дер Валка [Valk 2001], посвященной сопоставлению речевых стратегий в франко-голландском расистском дискурсе, выявлены ведущие метафоры в идиолекте А. Ле Пена. Для негативной репрезентации иммигрантов лидер «Народного фронта» использует метафоры водного потока и войны. Соответственно Франция выступает в роли жертвы, которую освободитель А. Ле Пен (сравнивающий себя с Ж.

Д'Арк и У. Черчиллем, а деятельность своей партии с антифашистской борьбой) должен спасти. Для положительной самопрезентации А. Ле Пен активно эксплуатирует мелиоративные смыслы метафоры родства.

Схожие результаты получают исследователи из США, где традиционно остро стоит проблема иммиграции из Латинской Америки. Например, в монографии О. Санта Аны [Santa Ana 2002] рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки по материалам калифорнийской газеты «The Los Angeles Times». Как показывает автор, все выявленные метафорические образы приносят в осмысление «чужаков» негативные смыслы: пожар, наводнение, военное вторжение, болезнь, животные и др. Подобное мировидение и связанные с ним оценочные инференции регулярно воспроизводятся не только в американских СМИ, но и в законодательных актах США, регулирующих образование на испанском и английском языке, трудоустройство и другие аспекты жизни латиноамериканских иммигрантов [Johnson 2005, Hardy 2003].

Отто Санта Ана подразделяет выявленные метафорические модели (исследователь называет их метафорическими системами – *metaphoric systems*) на три группы: *окаzionaliальные (загрязнение среды, огонь)*, *вторичные (вторжение, болезнь, бремя)* и *доминантные (опасные водные потоки, животные)*.

На фоне публикаций по метафорическому представлению современной иммиграции в США выделяется статья Дж. О'Брайена [O'Brien 2003]. Исследователь проанализировал метафоры в дебатах начала XX в., посвященных вопросу об ограничении иммиграции в США. Как оказалось, еще в начале XX века для концептуализации иммиграции использовались образы природных стихий, войны, животных, трудноперевариваемой пищи – образы, которые фиксируют современные американские исследователи той же сферы-мишени в современной политической коммуникации [Hardy 2003; El Refaie 2001; Santa Ana 2002; Valk 2001].

Отдельный интерес вызывает проблема сохранения или трансформации метафорической картины мира в сознании иммигрантов под воздействием новых культурных условий. Среди подобных работ можно выделить исследование Б. Кэндела [Candel 2005], показавшего, что часть метафор британских и шведских мусульман-иммигрантов претер-

певае изменения, а часть сохраняет элементы традиционной картины мира.

Малочисленность подобных исследований в России дает отечественным исследователям только одно преимущество: у исследователей есть возможность сравнить результаты своих и зарубежных изысканий и перейти на новый уровень обобщения в рассматриваемой области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.

Çaglar A.S. Constraining metaphors and the transnationalisation of spaces in Berlin // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2001. Vol. 27. № 4.

Candel B. Political Islam and Translation Metaphors and Frames in Media Reporting and Islamist Rhetoric: MA Dissertation. Guildford, 2005.

El Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // *Journal of Sociolinguistics*. 2001. Vol. 5. № 3.

Hardy V. Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics: A Thesis for the degree of Master of Arts. Washington, 2003.

Johnson E. Proposition 203: A Critical Metaphor Analysis // *Bilingual Research Journal*. 2005. Vol. 29. № 1.

O'Brien G.V. Indigestible Food, Conquering Hordes, and Waste Materials: Metaphors of Immigrants and the Early Immigration Restriction Debate in the United States // *Metaphor and Symbol*. 2003. Vol. 18. № 1.

Santa Ana O. 'Like an animal I was treated': anti-immigrant metaphor in US public discourse // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10. № 2.

Valk I., van der. Political Discourse on Ethnic Issues, a Comparison of the Right and the Extreme-Right in the Netherlands and France (1990-1997) // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/grenoble/ws14/valk.pdf> – 2001.

© Будаев Э. В., 2007

Бушев А. Б.

Тверь, Россия

СРЕДА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ИНТЕРНЕТ

Рассмотрим роль интернетизации для развития навыков межкультурной коммуникации. Для сегодняшнего дня характерно накопление критической массы работ в области теории и практики перевода, коммуникативистики, культурной антропологии, этнологии, дидактики преподавания иностранных языков, лингвокультурологии и социологии, кросс-культурных исследований, появление практической необходимости находить корни

проблем, возникающих во время общения представителей различных культур, институализация дисциплины «межкультурная коммуникация» в вузах.

В широком философском плане межкультурные контакты представляются одним из наиболее важных следствий безграничных экономических, политических и коммуникативных сетей, охвативших сегодня весь земной шар. Немаловажно, что сегодня явственны культурные корни многих современных конфликтов, что также способствует рефлексии над тем, что есть культура, диалог культур, мультикультурализм.

Межкультурная коммуникация привлекает все большее количество исследователей. Работы обсуждают важность кросс-культурного подхода в исследованиях, в дидактике, в социальной работе, в менеджменте. Интерес к данной проблематике вызвал и появление принципиально новых учебных пособий, обобщающих тот путь кросс-культурных исследований, какой они проделали на Западе. Выросшая из наблюдений лингвистов, этнопсихологов, историков, теория межкультурной коммуникации поднялась до осознания своей цельности и своей объяснительной и прикладной роли. В ее истоках – философские теории национального духа, исследование национально-специфической картины мира, теории Гердера, Гумбольдта, Потебни, Сепира и Уорфа, Мид, Малиновского.

Первоначально интерес к межкультурной коммуникации возникает именно в связи с ее субстратом – сопоставительным изучением языков – в дидактике преподавания языков, в прагматике, в функциональном подходе в языковедении и к изучению языков, декларации коммуникативности как цели обучения языку (скажем, изучения и межкультурного сравнения вербальных форм угрозы, отрицания, утешения и т.д., коммуникативных стратегий и тактик манипуляции, этноспецифичных пословиц, фразеологии и т.д.)

С лингвострановедением связано изучение так называемых реалий, создание лингвострановедческих словарей, изучение лингвокультуры в целом и становления кредо интеркультурных исследований. Потребности реальной практики общения поначалу в международном, а затем и в мультикультурном контексте способствуют дальнейшему развитию теории межкультурной коммуникации. Создается представление о компонентах культуры, несущих национально-специфическую окраску. Этому способству-

ют и достижения социолингвистики, создание теории лингвострановедения, изучение страноведения и мира изучаемого языка.

Развитию исследований проблем языка межкультурной коммуникации способствовали изучение этнонимов, ксенонимов, концептов художественной публицистики и художественной литературы, успехи сопоставительного изучения языков, создание переводоведческих теорий, опирающихся на понимание подлинника, успехи этнолингвистики и этнопсихолингвистики. Также понимание того, что язык влияет на человека и человек и общество отражаются в языке, развитие социоконструктивистских и социоконструкционистских подходов. Культурная картина мира, языковая картина мир воплощаются в языке.

Отметим и практическую необходимость формирования картины мира, создаваемой неродным языком, пристальный ее анализ с лингвокогнитивных позиций при работе по созданию вторичной языковой личности. Речь идет об изучении языковой эквивалентности слов, понятий, реалий, изучении собирательных образов, концептов, коллокациях, клише, идиомах и других единицах менталитета. Речь ведется и об изучении фоновых знаний, т.е. знания реалий культуры, которыми взаимно обладают говорящий и слушающий – например, развитие концепции индивидуального лексикона.

От изучения прецедентности на лексическом уровне мы поднимаемся к осмыслению ассоциатов, черт национального характера, прецедентных именах как позывных той или иной культуры. Источниками, подтверждающими существование национального характера, С. Г. Тер-Минасовой видятся международные анекдоты, национальные классические литературы, фольклор и собственно сам язык, концепты – смыслы (уровня Родина-мать, Душа, Воля, Мир, Соборность, Privacy, Keer smiling, Feel rich), отражающие черты национального характера, ценности (взаимопомощь, индивидуализм, прагматизм и отражение их в лингвокультуре, прежде всего в паремическом фонде). Исследованиям подвергаются и устоявшиеся формы информативно-регуляторной лексики (объявления, реклама). Они тоже могут проявить специфику цивилизации.

Предмет межкультурной коммуникации представляется как коммуникация между индивидуумами из разных культур либо как коммуникативные процессы, происходящие в культурно-вариативном окружении. При

этом межкультурная коммуникация – частный случай межличностной коммуникации. Исследованию в этой связи подвергаются собственные система кодировки, нормы, установки формы поведения, принятые в родной и чужой культуре, субъективно-эмоциональные ощущения чужеродности ценностей.

В философском плане приходит осознание того, что современные культуры представляют собой динамичные открытые системы. Межкультурное взаимодействие рассматривается сегодня не только как взаимодействие между представителями разных государств, но и этнических группировок, профессий или фирм. Межкультурное обучение направлено на воспитание межкультурной компетентности. Под этим понимается комплекс социальных навыков и способностей, при помощи которых индивидуум успешно осуществляет общение с партнерами из других культур как в бытовом, так и в профессиональном контексте.

Феномен глобальной сети способствует осознанию и преодолению коммуникативных барьеров. Например, в сегментах сети, выстроенных в рамках евроцентризма, обсуждаются проблемы этнической и национальной идентичности, проблемы культурной идентичности и культурных оснований конфликтов. Поисковая работа в сети, представление научных исследований значимо способствуют межкультурному диалогу. Широко обсуждается фактор влияния Интернет на дидактику образования, на состояние материальной базы вузов, преодоление изоляции вузов и стране.

Эффекты Интернет на межкультурную компетенцию анализируются нами с момента появления Интернет в практике работы вуза со второй половины 90-х годов. Интернет-коммуникация справедливо воспринимается как фактор глобализации информационного пространства. Чрезвычайно показателен феномен экспоненциального роста представления знаний разнообразных культурных сообществ в Интернет.

Феномен виртуального общения (онлайн-новое, в конференциях, в дистанционном обучении, рефлексия над лингвокультурами и т.д.), увеличение контактов в международном и межкультурном контексте, тенденция к представлению максимального числа курсов в Интернет (в том числе и весьма маргинальных), расширение интернациональных проектов и создание единых стандартов ЕС, изобилие материалов по дидак-

тике языка, учитывающей именно реальный контекст международного общения, наличие дистанционного обучения, наряду с некоторыми социальными факторами (рост миграции, рост мобильности и виртуальных контактов) находят отражение в размышлениях о влиянии интернетизации на межкультурную коммуникацию и межкультурной коммуникации на интернетизацию. Появляются и работы по социологии межкультурной коммуникации, осуществляемой посредством НИТ: например, о специфике контактов по электронной почте между европейцами и китайцами, специфике организации сайтов.

© Бушев А. Б., 2007

Васильев А. Д.

Красноярск, Россия

СЛОВА – СИМВОЛЫ КАК ИНДИКАТОРЫ И СТИМУЛЯТОРЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Сосуществующие в симбиозе политическая риторика и тиражирующие её средства массовой коммуникации (особенно телевидение) конструируют тот облик социальной действительности, который, вероятно, наиболее полно отвечает запросам владельцев-распорядителей информационных потоков. Решению этой главной задачи подчинено в совокупности содержание всех телепередач (некоторая вариативность представления событий в них возможна лишь как следствие приоритетных интересов собственников тех или иных телеканалов) – от выпусков новостей и аналитических обзоров до развлекательных программ и рекламы включительно.

При этом для информационно-психологической обработки аудитории в нужном направлении активно используется широкий диапазон методов и приёмов; особую роль играют умолчания (того, о чём не говорят речедейатели СМИ, как будто не существует в реальности) и подмена понятий. Последняя отчетливо заметна на примерах регулируемой частотности слов-символов, традиционно наиболее важных для этносоциума, либо их полного удаления из дискурса, иногда с заполнением образующейся лакуны вербальными символами, адекватными вновь вводимой политико-идеологической парадигме.

Так, этноним *русские* всё чаще откровенно исключается из публичной коммуникации; ему придаются негативные коннотации за счёт внедрения в общественное сознание компрометирующих ярлыков-стереотипов вроде *русская мафия*, *русский фашизм* и др

мифогенов. Любопытно, что сегодня в СМИ русскими именуют, кажется, представителей любых национальностей, проживающих на территории РФ, кроме собственно русских, – а их, в то же время, предпочитают называть россиянами (т.е. не по этническому, но по этатическому признаку). Впрочем, и отношение к самой России в текстах российских СМИ, сложившееся в перестроечно-реформаторский период, трудно считать уважительным: об этом свидетельствует скрытое, но константное противопоставление, выражающееся в назойливых упоминаниях *цивилизованных государств* (своего рода плеоназм), в число которых РФ почему-то не включают. Ср. также малоубедительные ссылки-зачины, традиционно предваряющие очередные экспериментальные новации: «во *всём* мире принято...», «во *всех* странах существует...» и проч.

Хотя на смену одному из ключевых мифогенов исторически недавнего прошлого *советский народ* пытаются ввести столь же фантастический *российский народ*, само слово *народ*, бывшее, как и его производные, весьма значимым элементом не только советского идеологического инструментария (ср. более ранние *православие*, *самодержавие* и *народность*), всё реже встречается в публичных речевых актах; его последовательно заменяют словом *население*, вовсе не абсолютно синонимичным первому. А фактическая элиминация слова *народ* в совокупности с инспирированной семантической диффузностью этнонима *русский* имеет очень серьёзные последствия. Если, например, словосочетание *русский народ*, когда-то терминологически устойчивое, теперь исключено даже из текста закона «О государственном языке Российской Федерации», то перспективы этого народа трудно оценивать оптимистически.

Таким образом, слова-символы выступают одновременно и как индикаторы, и как стимуляторы этнополитики, довольно четко обозначая её векторы и ориентиры.

© Васильев А. Д., 2007

Волкова Т. А.

Орск, Россия

РОЛЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ИМИДЖА РОССИИ

Образ государства, создаваемый различными способами и с использованием различных средств, в современных условиях глобализации приобретает для любой стра-

ны особое значение. В данном случае целесообразно говорить о двух направлениях в создании образа: формирование государственного имиджа страны, воспринимаемого ее населением и создаваемого для населения, и формирование международного имиджа страны, позиционирующего то или иное государство на международной арене. С точки зрения современной лингвистики с одинаковым успехом возможно проведения исследований в любом из этих направлений: в аспекте социолингвистики, когнитивной лингвистики, анализа дискурса и т.д. В настоящей работе мы остановимся более подробно на создании международного имиджа страны средствами институционального дискурса, в частности, на роли дипломатического дискурса в формировании международного образа России.

Международные соглашения и односторонние юридические акты, тексты официальных выступлений дипломатов, особенности дипломатии государства во многом определяют образ страны глазами мирового сообщества. Отметим, что в данном вопросе не всегда можно четко разделить функции политического и дипломатического дискурсов, хотя эти виды дискурса справедливо разграничиваются исследователями [Карасик 2000]. Дипломатический дискурс во многом можно рассматривать как внешнеполитический дискурс, в процессе создания международного имиджа России комбинирующий различные виды институционального дискурса, методы имиджологии и теории коммуникации, использующий для продвижения образа государства в сознание мирового сообщества инструментарий коммуникационного пространства.

В коммуникационном пространстве формирования международного имиджа России особая роль отводится коммуникаторам – лицам, комментирующим, обсуждающим, представляющим и отстаивающим различные новости, идеи, факты, связанные с интересами России, и влияющим на восприятие имиджа России мировым сообществом. Методами рассматриваемого коммуникационного пространства являются позиционирование, убеждение, психологическое заражение, внушение. Средства указанного коммуникационного пространства включают: СМИ (в т.ч. Интернет); литературу и искусство; систему образования, воспитания, морально-психологического сопровождения; общение представителей государственной власти с общественностью (включая интер-

вью, заявления, обращения); дипломатическую деятельность государства (включая деятельность специальных посланников, представителей и специалистов, работающих по контракту за рубежом) [Галумов 2003: 384].

Именно дипломатическую деятельность государства и общение представителей государственной власти с мировой общественностью (международные конвенции, резолюции, договоры, выступления министра иностранных дел, официальные заявления МИД России и т.п.) мы рассмотрим в дискурсивном аспекте с позиций методов коммуникационного пространства. Материалом для анализа являются стенограмма выступления и ответов Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы СМИ на пресс-конференции для российских и зарубежных журналистов по итогам деятельности российской дипломатии в 2006 году (Москва, 20 декабря 2006 г.) и перевод стенограммы на английский язык (Для всего мира имидж России, выраженный в дипломатических документах, выступлениях официальных лиц и т.п., «написан» по-английски, учитывая роль английского языка как международного. Поэтому при анализе роли дипломатического дискурса в формировании имиджа страны мы рассматриваем именно англоязычные версии документов либо переводы составленных по-русски дипломатических документов на английский язык.); англоязычная версия размещенных на официальном сайте МИД РФ итогов внешнеполитической деятельности в 2006 году; документы международных организаций, дипломатические документы РФ и их переводы на английский язык, собранные автором во время стажировки в МИД РФ.

В рамках дискурса стратегию формирования международного имиджа России целесообразно рассматривать на двух уровнях: текстуальном (прямое указание в том или ином документе на образ России, его характеристика) и контекстуальном (использование определенных языковых средств, направленных на создание позитивного образа страны). Тот факт, что во многих рассматриваемых документах есть прямые указания на элементы имиджа России позволяет нам, с одной стороны, выбрать верное направление анализа с учетом концепции внешней политики России, с другой стороны – выявить возможные дополнительные лингвистические средства формирования международного образа нашего государства.

Проанализировав многообразие вышеперечисленных дипломатических документов, на текстуальном уровне, мы можем выявить ряд позиций, на которых основан современный международный имидж России. В целом, эти позиции можно свести к следующим семантическим полям с учетом частоты употребления лексико-семантических единиц с тем или иным значением (арифметический подсчет, результаты представлены в процентах):

1. «Сотрудничество»: укрепление сети партнерских отношений России; Россия открыта для международного сотрудничества и заинтересована в более эффективном развитии партнерства (35, 8%); об этом свидетельствуют следующие примеры: *the verified balance of interests...of vital interests to all nations; the network of Russia's partner relations in bilateral and multilateral formats strengthened; we are open for cooperation with everyone, as each country is ready for that* и т.п.;

2. «Великая держава»: вопросы, которые приходится решать России, вполне соразмерны ее возможностям; Россия постепенно приближается к тому, чтобы вновь начать подниматься на уровень великой державы; возрастающая роль России в мировой политике; в отдельных сферах Россия видит себя на одном из ведущих мест в глобальном партнерстве (20,1%): *Russia has been assuming ever greater responsibility in international affairs, in proportion to its potential and real possibilities; has not shirked suggesting leadership, including intellectual leadership; Russia chaired G8, the Committee of Ministers of the European Council, the Black Sea Economic Cooperation Organization and the Arctic Council* и т.п.;

3. «Продолжение начатого»: важность дальнейшего сотрудничества по принятым направлениям внешней политики; Россия и далее планирует принимать активное участие в международных делах (12,6%): *we confirmed our long-standing proposal to NATO to establish interaction; Russia will continue to make its contribution towards achieving a new, more secure and democratic world order* и т.п.;

4. «Прогресс российской дипломатии»: успехи России на руководящих постах всемирных организаций; прогресс российской дипломатии практически по всем затрагиваемым во всемирных организациях вопросам (11,3%), например: *...the further modernization of the toolkit of Russian diplomacy; we are building our foreign policy openly, on the*

basis of facts, in the spirit of pragmatism; our work...is reaching a qualitatively new level и т.п.;

5. «Соперники и конкуренты»: мировое сообщество не всегда «отвечает взаимностью» России; «извечные» тенденции конкурентной борьбы; нынешнее восстановление имиджа России – этой полный сюрприз для зарубежных стран (6,3%), например: *there is always the desire of rivals...there is rivalry and it will always exist, unending rivalry trends; I cannot judge as to what [Russia's] image is like with the broad public...certainly...seen attempts to paint it in black* и т.п.;

6. «Общий успех»: удаchi внешней политики России, достигнутые благодаря личным усилиям Президента РФ; привлечение к международной работе многочисленных общественных, неправительственных организаций, СМИ, политологического сообщества, академической науки и корпоративного сектора (5,0%), например: *we closely interacted with our colleagues from other agencies, concerned committees of the chambers of the Federal Assembly, non-governmental organizations; on President Vladimir Putin's instruction, the Foreign Ministry has accomplished a Survey of the country's foreign policy, for the first time ever; the initiative put forward by President Putin* и т.п.;

а) «Дружественная держава»: основная задача отечественной дипломатии, никого не считая соперником и основываясь на равноправии членства в различных организациях, закреплять за собой статус дружественной державы (4,4 %): *Russia's relations with... moving to a qualitatively new level; in the globalizing world, Russia has nothing to divide with other countries...but we are together responsible for our common future* и т.п.; б) «Страна-посредник»: формирование межцивилизационного диалога как одно из направлений будущей внешнеполитической работы; поиск путей к восстановлению согласия между странами (4, 4%): *as a member of the Quartet of international intermediaries we help find solutions; we should learn this lesson and do everything possible to help them [countries] come to terms now* и т.п.

Рассмотрим, какие лингвистические средства на контекстуальном уровне используются в выявленных семантических полях для реализации установленных позиций методами коммуникационного пространства дипломатического дискурса.

Позиционирование означает интерпретацию целей и назначения объекта с учетом

интересов потребителя. При формировании международного имиджа России должны учитываться ожидания мировой общественности, при этом существенной целью позиционирования в формировании международного имиджа становится приближение к положительным ожиданиям мирового сообщества и дистанцирование от отрицательных ожиданий.

Как следует из характера выявленных нами семантических полей, в дипломатическом дискурсе позиционирование выступает одним из основных методов формирования международного образа страны. Положительными ожиданиями владеют союзники и партнеры. Первые настроены на развивающийся, долговременный характер отношений, и Россия со своей стороны усиливает и развивает устойчивость и незыблемость таких отношений, поддерживает (с учетом своих собственных интересов) ожидания партнеров. Соперниками и конкурентами овладевают в целом негативные ожидания, в своих устремлениях они во многом ориентируются на отсталость (деградированность) российской рыночной, технологической, научно-технической инфраструктуры, ссылаются на несоблюдение Россией принципов демократического общества. Для России здесь главное – внедрить в сознание общественности соперника образ сильного государства, добиться понимания исторической бесперспективности противостояния с Россией.

С помощью позиционирования можно представить общественности то или иное событие, выдвигая на первый план либо положительный, либо отрицательный аспект. В выявленных выше семантических полях можно выделить следующие способы позиционирования при формировании международного имиджа России:

- продолжение положительной линии из прошлого: этот способ представлен семантическим полем «Великая держава» (быстрое восстановление России, восстановление ее прежней дееспособности как одного из ведущих государств), семантическим полем «Продолжение начатого» (Россия уже сделала определенные шаги в решении ключевых международных проблем, ее позиция по многим вопросам готова, предложенные Россией ранее инициативы теперь находят поддержку мирового сообщества);

- растянута отрицательная линия во времени: *about 15 years have passed since the end of the Cold War...time has come to de-*

cide as to where the international community should move on. В данном случае ответственность с России как преемницы СССР частично снимается за счет того, что, во-первых, прошло достаточно много времени, во-вторых, в настоящее время Россия готова сотрудничать с мировым сообществом и принимает в международной политике активное участие, в-третьих, сейчас Россия не представляет угрозы для мира, как во времена «холодной войны»: *We would like our partners to see strong Russia that has regained confidence not as a challenge, but as a chance to develop large-scale and mutually beneficial international cooperation.* Данный способ позиционирования реализуется в семантических полях «Сотрудничество», «Великая держава», «Дружественная держава»;

- действие от противного: существующее положение дел в той или иной области внешней или внутренней политики, экономики и т.п. признается неблагоприятным, но оно оправдывается реформами соответствующих отраслей, действиями в рамках рекомендаций международных институтов. При этом Россия оставляет за собой право игнорировать отдельные критические замечания: *...Russia tends to integrate into global politics, yet it ignores [critical] calls.* Again, if a concrete set of issues in connection with which the West has concerns is offered to us, we will provide concrete answers. *But in general terms, [there is] nothing to add* (семантические поля «Соперники и конкуренты», «Сотрудничество», «Великая держава»).

Убеждение является методом психологического воздействия на общественное сознание и характеризуется открытостью объявленной цели, аргументации и доказательств, логической обоснованностью. Аналогичный вышеприведенному анализ элементов дипломатического дискурса и выявленных семантических полей позволяет выделить следующие факторы, которые влияют на эффективность убеждения в международном контексте:

- полнота учета имеющихся у мирового сообщества настроений, симпатий и антипатий, тревог и ожиданий (будущее государств, пути развития государств и обществ и т.п.); именно этот фактор составляет основу семантического поля «Сотрудничество», «Продолжение начатого»;

- заинтересованность мирового сообщества в получении соответствующей информации, потребность в осмыслении волнующей мировой проблемы (кризисные и

катастрофические явления, проблемы борьбы с терроризмом и т.п.); в рамках дипломатического дискурса этот фактор связан практически со всеми выявленными семантическими полями. Именно заинтересованностью в получении правдивой и полной информации соперники РФ на мировой арене часто объясняют свои критические замечания в адрес «недемократической» России; Россия, в свою очередь, подчеркивает открытость и готовность к сотрудничеству: *objectivity should be the main criterion...we are open to the mass media.* [Russian] President sets the example to everyone in this respect. *The Russian leadership in general has never tried to avoid contacts with the press. One can get answers to any questions...*

– выраженность логического мышления, системность изложения и аргументации государственных коммуникаторов (законченные синтаксические конструкции, четко выражающие ту или иную мысль), открытость для дискуссии; кроме того, в рассматриваемых нами дипломатических документах даже при выражении недовольства тем или иным фактом коммуникатор (например, Министр иностранных дел) стремится к положительному итогу. Тем самым создается впечатление возможности России профессионально и мирно разрешить самые сложные международные проблемы, располагая всеми необходимыми для этого средствами;

– единство профессионального (дипломатического) языка, информационный и языковой запас, умение привлечь внимание, применение специальных приемов убеждения. Последние в дипломатическом тексте могут быть представлены, например, метафорами: *...and we [Russia] are ready to take part in this collective leadership, this concert of the leading nations.*

Психологическое заражение осуществляется через передачу психического настроения, обладающего большим эмоциональным зарядом, через «накал чувств и страстей». Основой заражения может стать умело преподносимый эмоционально окрашенный образ ситуации, умело отмеченный положительный шаг, достижение, успех, наказанное социально значимое злоупотребление или преступление. В формировании международного имиджа страны психологическое заражение основано на изучении опасений и надежд международной общественности; этим задачам в формировании имиджа России средствами дипломатического дискурса отвечают, например, семантические поля

«Великая держава», «Дружественная держава», «Сотрудничество», «Странопосредник». Для каждого из этих семантических полей характерна определенная доля эмоциональности для достижения должного психологического эффекта, например: *in our view, the European Union should work more vigorously to make sure that its territory...should have no room for such a shameful phenomenon as the presence of people whose identity documents say «alien» in the column «nationality».*

Внушение по общему признанию является одним из самых действенных методов психологического воздействия. На основе проведенного анализа дипломатического дискурса мы можем классифицировать эти методы и свести к следующим основным группам:

– внушение через мотивационную сферу мирового сообщества: в этом случае с помощью внушения активизируются потребности и желания мирового сообщества, совпадающие с государственными интересами отдельно взятой страны: *...we have an interest in a stronger European Union, in a European Union speaking in one voice on questions of trade, the economy, foreign policy and security. This meets our interests...*; отметим при этом, что для поддержания имиджа независимого государства Россия подчеркивает, что заинтересована в решении проблем ровно настолько, насколько это отвечает ее интересам и разумным интересам международного сообщества, акцентируя свою роль в современных международных отношениях: *it is very unlikely that certain problems can wait, which exist in the world and which cannot be resolved without active participation of all influential countries, including the Russian Federation. We have never stepped aside from international affairs nor are we going to, but one should not get the impression that we are interested in cooperation more than our partners;*

– внушение через идентификацию: с его помощью каждый член мирового сообщества начинает причислять себя к определенной группе, идентифицируя себя с другими; из приведенного выше примера видно, что на международной арене Россия ассоциирует себя с влиятельными, сильными государствами (*all influential countries, including the Russian Federation*);

– внушение при помощи ссылки на авторитет (например, международные организации, объединения), на высказывания лидеров мнения: *...the peacemakers have many*

times voiced the need to correct that [situation]. This position was *supported by the UN Security Council* in its resolution... В данном случае внушающий эффект основан на осознании превосходства лидеров мирового сообщества, на доверии к их мнению.

Отметим, что вышеперечисленные методы коммуникационного пространства в дипломатическом дискурсе во многом определяются характером текста, коммуникативной ситуацией, качеством перевода исходного текста и рядом других факторов, влияющих на процесс формирования международного имиджа России. Подводя итог данному исследованию, отметим, что в настоящее время для России наиболее значимым является ее образ как государства, привносящего во все более глобализирующийся, а потому поляризующийся мир посредническую идею справедливого мироустройства. При этом Россия стремится оставаться государством авторитетным и уважаемым среди всех участников международных отношений и учитывать свои собственные интересы в решении внешнеполитических вопросов, что предполагает, прежде всего, рост конкурентоспособности самой России. Определенную роль в этом призвана сыграть международная имиджевая политика страны, реализуемая на различных уровнях, в том числе на лингвистическом.

Изучение роли дипломатического дискурса в формировании образа нашей страны представляется нам первым шагом на пути к более детальному исследованию; чем лучше будут изучены основные дискурсивные стратегии формирования международного имиджа государства, особенности коммуникационного пространства дипломатического дискурса и, возможно, других вовлеченных в процесс формирования имиджа страны видов институционального дискурса, тем более эффективной станет работа специалистов, формирующих образ России, тем более успешной будет российская внешняя политика, тем устойчивее будет позиция нашей страны на международной арене. Имидж страны, безусловно, формируется не только за счет внешнеполитической работы и усилий дипломатических ведомств; в процесс вовлекаются вопросы культурного обмена, литературы, искусства, особое значение приобретают экономические факторы, политическая обстановка внутри страны и т.п. Лингвистические средства формирования имиджа России с учетом данных аспектов представляются нам весьма перспектив-

ной областью для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования. – М.: Известия, 2003.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20 // <http://www.vspu.ru/~axiology/vikar.htm>
www.mid.ru – официальный сайт МИД РФ
www.nato.int – официальный сайт НАТО
www.osce.org – официальный сайт ОБСЕ
www.un.org – официальный сайт ООН

© Волкова Т. А., 2007

Ворожцова О. А.

Нижний Тагил, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ДИСКУРСЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Политический дискурс периода избирательных кампаний, в особенности президентских, традиционно отмечен высоким вниманием прессы, политологов, а также электората к политическим событиям, происходящим в стране. Повышенное внимание общественности заставляет кандидатов эффективно использовать все возможности оказания манипулятивного воздействия, заложенные в этой форме институционального общения. Одним из языковых средств, используемых с целью побудить избирателя к принятию определённого выборного решения, является апелляция к прецедентным феноменам, которые, с одной стороны, выражают ценности данного национально-лингвокультурного сообщества, а, с другой стороны, задают поощряемые и осуждаемые образцы поведения.

Таким образом, исследование прецедентных феноменов, используемых в предвыборном дискурсе России и Америки, позволяет определить, какие ценности являются преобладающими в двух национальных сообществах.

Анализ 2108 прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года, с точки зрения принадлежности к сферам-источникам культурного знания, национальных основ происхождения, трансформации, маркирования и аспекта функционирования принёс следующие результаты.

В дискурсе обеих стран обнаружены обращения к сферам "Политика", "Развлечение" и "Религия". Актуализация прецедентных феноменов, восходящих к разным сферам-

источникам культурного знания обусловлена, с одной стороны традицией (литературоцентричность российской нации и низкий уровень культуры чтения американской нации), а с другой стороны, текущим положением дел в каждой из стран (экономический кризис и важная реформа образования в США и экономическая стабильность в России).

Для дискурса российских и американских президентских выборов 2004 года характерны одинаковые маркеры и способы трансформации прецедентных феноменов, с меньшей вариативностью последних в американском дискурсе. В дискурсе российских президентских выборов прецедентные феномены используются в основном коннотативно, в дискурсе американских президентских выборов – денотативно, что связано с доминирующими стратегиями оказания манипулятивного воздействия, характерными для каждой из стран.

Среди перспектив нашего исследования – изучение прецедентных феноменов в дискурсе президентских выборов, которые проводятся в других странах, в том числе в странах Центральной Азии.

© Ворожцова О. А., 2007

Ворошилова М. Б., Чемагина А. В.
Екатеринбург, Россия
**ЭТНОНИМ КАК АГОНАЛЬНЫЙ ЗНАК
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Сущность современного общественно-политического дискурса составляет агональность, иными словами борьба за власть неких конфликтующих сил и интересов, «своих» и «чужих».

Оппозиция «свои – чужие» – являющаяся не только культурной константой, но и одним из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве любого общества, сохраняющая свое значение на протяжении веков [Степанов 1997] – несомненно определяет специфику и современного общественно-политического дискурса.

Е. И. Шейгал в своем монографическом исследовании «Семиотика политического дискурса» (Москва: Гнозис – 2004) справедливо отмечает: «В политическом дискурсе оппозиция «свои – чужие» реализуется как эксплицитно, при помощи специальных маркеров, так и имплицитно – в виде идеологической коннотации политических терминов, через тональность дискурса, его подчеркнутую этикетность или антиэтикетность, а также через целенаправленный подбор поло-

жительной или отрицательной оценочной лексики» [Шейгал 2004: 113].

К специализированным агональным знакам (в иной терминологии – знакам агрессии) общественно-политического дискурса современные исследователи, в частности Е. И. Шейгал (2004), относят прежде всего маркеры «чуждости»:

Как наиболее популярные в современном общественно-политическом дискурсе можно отметить следующие маркеры «чуждости»:

- дейктические и полнзначные знаки, содержащие компонент дистанцирования: *эти, они, заморские, забугорные* и т.д.;

- показатели умаления значимости: *всякие, разные, какой-нибудь там* и т.д.;

- показатели недоверия к оппоненту, сомнения в достоверности его слов: *якобы, так называемый, пресловутый* и т.д.;

Особое место в списке выше перечисленных «маркеров чуждости» занимает этноним. В рамках настоящего исследования мы принимаем следующее определение этнонима: название наций, народов, народностей, племен, племенных союзов, родов и других этнических общностей (этносов). Актуальность этнонима как агонального знака, как маркера «чуждости», обусловлена тем, что для современного общественно-политического дискурса, по мнению целого ряда исследователей (В. А. Маслова, Е. И. Шейгал и др.), свойственна так называемая «политизация этничности». Под термином «политизация этничности» исследователи понимают процесс замещения политической оппозиции этнической: МЫ (русские, славяне) ↔ ОНИ (враги, нерусские, не славяне).

Итак, одним из наиболее распространенных и актуальных средств выражения агональности, противоборства, используемых в современном общественно-политическом дискурсе, несомненно является этноним. Необходимо отметить, что в рамках современного общественно-политического дискурса при использовании этнонима как агонального знака признак этничности отчасти стирается, нивелируется, подавляется при знаком чуждости. Как отмечает Е.И. Шейгал: «Вследствие этого этнонимы – названия национальных меньшинств – становятся идеологемами, приобретая идеологическую коннотацию «чужой, не наш → враг» [Шейгал 2004: 125].

Настоящее наблюдение объясняет глубину семантического наполнения ядра концепта «ОНИ» в националистическом дискурсе. В ходе исследования современного

общественно-политического дискурса нами было отмечено, что в текстах реализуются все возможные разновидности этнической неприязни:

- этнофобия (собственно этнонимы – названий наций: *грузин, армянин, чечен* и др.);
- региональный негативизм (*азиаты, кавказцы* и др.);
- конфессиональный негативизм (*иноверцы, иудеи, сионисты, мусульмане* и др.);
- ксенофобия (*инородцы, нацмены* и др.).

Также бесспорно принимается заключение о том, что ассоциативное ядро этнонимов в общественно-политическом дискурсе составляют эмоции враждебности (недоверие, подозрительность, страх, ненависть и т.п.), лежащие в основе ментальных стереотипов. Так, по наблюдению В. А. Масловой, «этнический стереотип политического дискурса носит архетипный характер, поскольку и в народных представлениях о чужих, зафиксированных в фольклоре и фразеологии, «преобладают искаженные образы, сформировавшиеся на основе предубеждений» [Маслова 1997: 171]. Таким образом, Е.И. Шейгал делает вывод: «Благодаря стереотипам неполноценность «чужого» и исходящая от него угроза становятся настолько очевидным, что не нуждаются в доказательствах» [Шейгал 2004: 125].

Особую роль в процессе порождения и языкового закрепления этнических стереотипов играют средства массовой информации, которые регулярно, последовательно представляют нам представителей определенных наций (чеченец, грузин, абхаз, кавказец, китаец и др.) как некий фактор потенциальной опасности: они покушаются на нашу территорию, они занимают наши рабочие места, они убивают наркотиками нашу молодежь и так далее.

Приведем наиболее частотные высказывания, встречающиеся в электронных российских средствах массовой информации: *скупчили (оккупировали) все рынки; не работают, только торгуют; вся преступность от них; развращают нашу молодежь; готовы продаваться за гроши, и нам зарплату сбивают; заняли все свободное пространство; плодятся, ничего им не мешает.* Типовой, повторяющийся характер высказываний в средствах массовой информации об этнической предубежденности приводит к несомненному образованию ментальных стереотипов этноса, которые формируют коннотацию враждебности в семантике этнонима, что и позволяет ему функционировать как

ключевому агональному знаку в современном общественно-политическом дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М: Наследие, 1997.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004

© Ворошилова М. Б., Чемагина А. В., 2007

Гаврилова М. В.

Санкт-Петербург, Россия

НОМИНАЦИЯ ВЫСШЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА РОССИИ КАК ЯЗЫКОВОЙ МЕХАНИЗМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Политическая коммуникация характеризуется постоянной борьбой за номинацию, т.е. за групповые политические ценности. Обозначение органов законодательной власти является наглядной иллюстрацией этого процесса. Ср.: Государственная дума и Государственный совет Российской империи (1905-1917 г.) – Советы депутатов (1918-1936 г.) – Верховный совет СССР (Совет Союза и Совет национальностей) (с 1936 г.) – Федеральное собрание (Государственная дума и Совет федераций) (с 1993 г.).

Рассмотрим представленные политические наименования подробнее. *Дума* – яркое емкое славянское слово: это и мысль, и мечта, и забота. *Думать* значит обсуждать дело, заботиться. В начале XX века слова *дума* и *дело* были взаимосвязаны, поскольку *думать* означало ‘совместно обсуждать, как наилучшим образом организовать какое-либо конкретное дело’. Вот почему в дореволюционный период *дума* – это в том числе и собрание чинов для каких-либо дел.

Отметим, что *дума* отражает соборность, присущую русскому сознанию. Процесс обдумывания предполагает коллективное действие: мыслит человек один, а думать можно совместно с другими. Поскольку мысль одного человека может быть ошибочна, то, принимая важные государственные решения, важно подумать, т.е. услышать различные мнения и совместно прийти к правильному заключению, как организовать дело.

Смена политической власти в 1917 г. приводит к изменению названия государственного собрания – *совет* вытесняет *думу*. Причина ясна: новый строй – новые органы власти – новые обозначения. С одной стороны, *совет* и *дума* близки по значению: со-

вет – это совместное обсуждение, совещание, мнение, как поступить. С другой стороны, семантическое отличие между словами приводит к различным результатам в политической деятельности. *Думать* – это размышлять, полагать, считать. *Советовать* – рекомендовать, советоваться, совещаться. В значении глагола *советовать* актуализируется поведенческий аспект: советовать, как поступить другому лицу в конкретной ситуации. Номинация *совет* привела к ослаблению активной и ответственной позиции участников политического процесса, поскольку *советовать / ся* означает иметь право заявлять свое суждение о деле, но не решать его. Однако право говорить должно быть подкреплено правом решать. Таким образом, номинация органов власти *совета* внедряет и укрепляет совещательную функцию собрания.

Совет – это ключевое слово советского политического языка. Совет как форма политической организации советского государства – это органы власти всех уровней: *сельский, городской, районный, краевой, республиканский, высший совет*. Совет как совещательный или распорядительный организуется в различных учреждениях: *совет трудового коллектива, художественный совет, совет пионерской дружины, родительский совет* и др. Кроме того, важным положением марксистско-ленинской идеологии был тезис о классовом характере общества. Поэтому наименование должно подчеркнуть, чьи политические интересы представляют новые органы власти: *совет крестьянских депутатов, совет рабочих и солдатских депутатов* (февральская революция 1917) – *совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов* (1918-1936) – *совет депутатов трудящихся* (1936-1977) – *совет народных депутатов* (1977-1989-1993 гг.).

Примечательно, что в толковании слова *совет* в значении 'высший орган власти' не было указания на сферу властных полномочий, т.е. на то, какую власть (законодательную, исполнительную, судебную) осуществляет собрание. Ср.: «Верховный совет СССР – высший орган государственной власти СССР, правомочный решать все вопросы, отнесенные Конституцией СССР к ведению Союза СССР» (СЭС 1979:213). В начале XXI века политической задачей является актуализация и закрепление в общественном сознании следующих признаков высшего органа власти: законодательное представительное

выборное собрание. Ср.: *Государственная дума* – высшее государственное законодательное представительное собрание, построенное на выборных началах (СТСРЯ 2004:178).

В советский период *государственная дума* уходит на периферию лексического состава языка. В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова словосочетание сопровождается стилистической пометой *дореволюционное* и трактуется как явление, характерное для царской России. В словаре под редакцией С.И. Ожегова *дума* в неосновном значении толкуется как 'название некоторых государственных учреждений (в старой России); *Государственная дума* (выборное представительное учреждение в царской России, которому формально принадлежали законодательные функции)'. В толковых словарях русского языка, вышедших в 80-е годы XX века, выражение *государственная дума* не упоминается. Однако политические преобразования начала 90-х годов способствовали возвращению в активный состав лексической системы таких слов, как *Дума, Государственная дума, думский, думец*.

Вероятно, под влиянием западной политической мысли в Конституции 1993 г. впервые в истории России использовалось понятие «парламент» для обозначения представительного и законодательного органа государства (статья 94). Известно, что слово *парламент* впервые появляется в русском языке в «Правде воли монаршей» в 1722 году через польский язык от итальянского *parlamento* – обсуждение, переговоры, собрание (ЭСРЯ Т.3. 1987:208). Происхождение слова указывает на риторическую традицию древнего Рима, где было развито совещательное и судебное красноречие. Отметим, что до конца XX века «парламент» воспринимался как иноземное политическое явление, характерное либо для конституционных государств (дореволюционный период), либо для буржуазных государств (советский период). Хотя *Верховный совет СССР* использовался наряду с *парламентом*, слово преимущественно употреблялось с определениями *социалистический, народный парламент* в противовес *буржуазному парламенту капиталистических стран*. В начале XXI века *парламент* и *Федеральное собрание* являются абсолютными синонимами.

Идеологические изменения прослеживаются также в наименовании членов высшего законодательного органа власти. В дореволюционной России выборного представите-

ля называли при помощи русских слов *член Государственной думы, думский деятель, думец*. Примечательно, что до 1905 года, т.е. первого созыва Думы, слово *депутат* означало 'выборный, поверенный от правительства или от общества, для наблюдения за ходом дела, или для принесения просьбы, поздравления, благодарности'. С 1905 года слово *депутат* обретает смысловые наращения и начинает использоваться наряду с частотным выражением *член Государственной думы*. Язык революционной эпохи, заимствовавший лексику Французской революции, утвердил в общественном сознании обозначение *депутат* для выборного представителя в органы советской власти. Обращает на себя внимание изменение эмоциональной оценки русских названий. Если в начале XX века *думец* означало 'умный человек, советник, соучастник, единомышленник, член городской думы' и содержало одобрительную коннотацию, то в новейшем политическом дискурсе наименования *народный избранник и думец* нередко используются в ироническом или неодобрительном контексте.

Таким образом, номинация является языковым механизмом идеологической борьбы политических сил за внедрение в общественное сознание групповых ценностей и их представление в качестве общепринятых понятий.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2004.

СЭС – Советский энциклопедический словарь. М., 1979.

ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1987.

© Гаврилова М. В., 2007

Каслова А. А., Шебалов Р. Ю.

Екатеринбург, Россия

ИМЕНА РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ

КАК ТЕКСТ: к проблеме

считываемости лингвокультурных значений иностранцами

Язык политического дискурса является одной из сфер реализации этнокультурной специфики жизни любого современного общества. Носители языка, находясь внутри определенного лингвокультурного пространства, неосознанно принимают тот языковой код, который используется в данных социально-исторических условиях для обозначения реалий политической жизни общества. Однако в случае кросс-культурного взаимо-

действия представителей различных народов нередки случаи «взаимного недоразумения» (В. фон Гумбольдт), когда те или иные нюансы политической обстановки в стране остаются вне зоны доступного восприятия носителя иной социокультурной ментальности.

Данная проблема особенно обостряется в тех случаях, когда жизненные условия заставляют человека сменить место постоянного проживания. Именно тогда возникает необходимость как можно быстрее усвоить существующую лингвистическую практику, понять основные параметры коммуникативного и прагматического взаимодействия в новой стране и таким образом адаптироваться к зачастую совершенно иной лингвокультурной обстановке.

Важную роль в восприятии и усвоении политического дискурса играет правильное понимание семантики собственных имен политиков. Собственные имена в таком случае становятся чем-то вроде ориентиров, способствующих идентификации того или иного политического движения или партии (Ср.: *План Единой России – план Путина*).

Выполняя функции бренда, имена политиков зачастую подвергаются трансформации по законам того языка, на котором говорят жители государства. Так, широко известно в современной России прозвище одного из лидеров политического истеблишмента – мэра Москвы Юрия Михайловича Лужкова: «...Отринем образ хитрого **Юрия Московского**, который, зная ревнивый нрав президента, понимает...» [Московский комсомолец]; «...О том, почему именно Альбион был выбран местом для обнародования до-селе тайных замыслов **Юрия Московского**, были разные суждения...» [Московский комсомолец]. В данных контекстах наблюдается явление ассоциативного отождествления персоналий современного политика и исторического деятеля времен Московской Руси – Юрия Долгорукого (ум.1157г.), деятельность которого традиционно оценивается как стремление объединить русские удельные княжества, усилить государственность державы. Без учета такого культурно-исторического контекста основание для именования Юрия Лужкова Юрием Московским оказывается неясным и не может быть «считано», вследствие чего утратится иронический подтекст, имплицитно присутствующий в заметке.

Сходный прием ассоциативного отождествления используется в современной рос-

сийской прессе достаточно широко. Ср.: **Винни-Пух, Хрюша** – Егор Гайдар [Аргументы и Факты]; **Лысый Чебурашка** – Геннадий Зюганов [Московский комсомолец]; **Сусанин, Данко** – Владимир Путин (*Но может, и вправду, на этот раз нам повезет, и Путин окажется на Сусаниным, ведущим в непроходимую чащу, а Данко, светом своего сердца освещающим дорогу из лесных сумерек*) [Московская правда]. Прецедентные смыслы, эксплуатируемые в случаях подобного типа, требуют достаточно широких фоновых знаний из области русской культуры и истории. Более сложными случаями оказываются те, когда для полного понимания современных политических смыслов, вкладываемых автором в текст, необходимо проводить исторические параллели, сопоставлять события прошлого и настоящего. Ср.: *Хороший добрый царь Николай Второй подписал свое отречение и – вольно или нет – вверх страну в хаос и революцию. Царь Борис Второй был противоречив, то неожиданно крут, то обидно, по нездоровью, видимо, безволен, но вовремя собирался и держал скипетр до последнего. Пока не уверился, что преемник его не Керенский, а фракция большевиков в Думе задвинута во второй ряд. Только тогда правитель Руси мог позволить себе слова, от которых у десять лет костерившего его на все лады населения на глазах в Новогоднюю ночь стояли слезы* [Комсомольская правда]. В данном случае наблюдается сопоставление трех хронологических пластов отечественной истории: времени правления Бориса Годунова (1552-1605гг.), периода российского межреволюционного парламентаризма (1905-1917гг.) и этапа новейшей истории, когда страной руководил первый президент России Б.Н.Ельцин (1991-1999 гг.). Знание основных особенностей этих национально-исторических моментов оказывается здесь когнитивной базой адекватной интерпретации семантики имени **Царь Борис**, в которой заложена информация о значимости и трагичности фигуры Б.Н.Ельцина.

Восприятие и интерпретация лингвокультурной семантики собственных имен политиков в российском публицистическом дискурсе требует учета не только конкретно-языковых или прагматических смыслов, но и обращения к концептуальным представлениям русских о своей стране, собственной национальной идентичности и национальном характере.

© Каслова А. А., Шебалов Р. Ю., 2007

Керимов Р. Д.
Кемерово, Россия

МАНИПУЛЯЦИИ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Политический дискурс (политдискурс) отражает сложные социально-политические явления и процессы, протекающие в обществе, и пронизывает все сферы жизнедеятельности человека в современном мире. Как разновидность институционального дискурса (в терминологии В.И. Карасика) политдискурс является статусно-ориентированным, т.е. каждый отдельный носитель политического языка (собственно, политик) представляет не себя лично, а определенную структуру власти, конкретный «институт» (правительство, оппозицию, партию, фракцию или социальную группу). Поэтому политическая речь как продукт языкового творчества политика рассматривается через призму и как продукт деятельности той организации, в которой данный политик состоит и на благо которой он трудится.

Данная важная особенность политдискурса выражается в том, что политический деятель в своей языковой практике всегда должен учитывать интересы своей партии и в выборе языковых средств ориентируется на достижение определенной цели, с тем чтобы его риторика приносила максимальную выгоду своей партии и способствовала достижению поставленных задач. В этом смысле статусно-ориентированный политдискурс противопоставляется (в терминологии В.И. Карасика) личностно-ориентированным дискурсам.

Одним из способов достижения желаемого успеха и средством навязывания гражданам своей страны (и других стран) идей, выгодных политической элите, является построение в политической речи целостной метафорической системы, которая способна не только «завоевать» умы и сердца сограждан, но и оправдать свои действия в их глазах и подтолкнуть их к принятию нужного решения. В современной политлингвистике к метафоре проявляется устойчивый интерес, связанный с «переосмыслением самого понятия метафоры, новым пониманием её роли в организации ментальных процессов и языковой картины социальных отношений» [Будаев, Чудинов 2007: 23], что вылилось в возникновении новой дисциплины – политической метафорологии, появившейся на стыке политлингвистики и метафорологии.

В немецком политическом дискурсе метафора выполняет различные функции [см.: Керимов 2005], среди которых важное место отводится в том числе и манипулятивной. Эта функция метафоры реализуется в создании некоего представления о действительности, которое нужно политику-оратору и которое, чаще всего, кардинально отличается от реального положения вещей в мире. Таким образом, оратор «манипулирует» представлениями реципиента, как бы «переконцептуализируя» политическую реальность. Метафора в данном случае позволяет выделить какой-то аспект проблемы, сделать его более значимым, либо, наоборот, отвлечь от него внимание общества, показать какой-то вариант развития событий и пр.

Так, например, в 1998 г. немецкие депутаты и министры федерального правительства во время дебатов в бундестаге по вопросу о вмешательстве бундесвера в этнический кризис в Югославии активно использовали криминальную метафору, деля участников конфликта на «злодеев» и «жертв». Представители немецкого правительства и оппозиции называли албанское население Косово «жертвой», страдающей от «злодея» Милошевича и югославской армии, а ФРГ и бундесвер немецкие политики видели в роли «спасителя» угнетённых. И в итоге бундестаг принял решение о военном вмешательстве в конфликт в СРЮ, а армия ФРГ впервые после окончания второй мировой войны приняла участие в боевой операции.

Метафора может переконцептуализировать не только современную социальную реальность, но и исказить исторические факты, чтобы представить некоторые исторические события или процессы XX в., как, например, противостояние Запада со странами соцлагеря, в выгодном для себя свете. Так, при принятии в ЕС новых членов из числа стран Восточной Европы, которые ранее состояли в соцлагере и Варшавском договоре, немецкие политики постоянно говорили о «героическом» сопротивлении народов этих стран своим коммунистическим режимам и СССР. В качестве такой «героической» борьбы представлялись даже антиправительственные выступления рабочих и беспорядки в ПНР в начале 80-х гг. XX века.

Это делалось для того, чтобы, во-первых, ублажить самолюбие своих новых восточно-европейских партнёров из бывших соцстран (Польши, Чехии, Румынии и пр.), политикам которых приятно было бы услышать от За-

пада, что новые члены ЕС во времена холодной войны не жили «в тени» СССР, а «мужественно» «рвали» железный занавес и «боролись» против красных режимов, тем самым приблизив конец соцлагеря. Во-вторых, посредством этой своей «героической борьбы» эти страны «заслужили» членство в Европейском Союзе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что метафора не только концептуализирует социальную реальность, но и сама создаёт её в политической картине мира и навязывает гражданам нужное политической элите видение положения вещей в мире. То есть посредством метафор, помимо всего прочего, политики манипулируют сознанием тех, чьи интересы они должны представлять, и навязывают им выгодные для себя и своей партии идеи. В подобной интерпретации метафора предстаёт не только средством познания социальной реальности и её упорядочивания, но и сильным социальным оружием навязывания идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2007. – Вып. 21. – С. 22-32.

Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.

Керимов Р.Д. Функции концептуальной метафоры в немецком политическом дискурсе // Грамматика. Семантика. Концептология / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2005. – С. 144-151. – (Серия «Филологический сборник»; Вып. 7).

© Керимов Р. Д., 2007

Никонов В. М.

Липецк, Россия

КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

В докладе актуализируется коннотативный аспект политической коммуникации в параметрах дискурс – текст – картина мира. Априори выдвигается гипотеза, состоящая из двух составляющих: 1) текст и дискурс при их взаимосвязанности, ипостасности обладают потенциально и функционально разными возможностями коннотативного отражения картины мира; 2) политическая коммуникация, как никакой другой ее вид, в силу разных условий обладает большими возможностями коннотирования денотатов (реальных и виртуальных), отражать мимикрию взглядов, мнений, образа жизни создателя

дискурса, его языка / речи. Первый параметр на примере художественного текста – дискурса в сравнении с критериями Н. А. Купиной, З. Д. Поповой и И. А. Стернина отражен нами в статье [Никонов 2007: 95-100].

Как показывают исследования В. Н. Базылева (1997, 2005), Ю. А. Сорокина (1997), А. П. Чудинова (2006), Н. Б. Руженцевой (2004), А. Д. Васильева (2003), Л. И. Гришавой (2006) и др. ученых, коннотативный макрокомпонент значения оказывается весьма существенным, требующим более глубокого и всестороннего рассмотрения. Вот как определяется его место В. Н. Базылевым: «Политический дискурс во многом может рассматриваться как вариант фатической речи (ее жанровая разновидность) в том плане, что частные цели политического дискурса помимо собственно информационного содержания подчинены начальному контактному импульсу; информативная задача высказывания во многом становится вторичной; **коннотативный план коммуникативно-стилистического характера способен выступать как абсолютная ценность**» [Базылев 1997: 10] (Выделено нами – В.Н.).

К сказанному добавим, что коннотативный аспект, включающий экспрессивность, образность (эмотивность, оценочность), редуцированно отмечен Д.Б. Ольховиковым как важнейшая тенденция в области «лингвистических и, более широко, филологических исследований XX века» [Ольховиков 1999: 338].

Говоря о различии между дискурсом и текстом и выявляя потенциальные коннотативные возможности того и другого, мы разделяем точку зрения А.П. Чудинова, согласно которой дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний» [Чудинов 2006: 40-41].

Исследование политического дискурса, намеченное А.П. Чудиновым в указанной выше работе, предполагает обращение к политическим концептам, в структуре которых справедливо названы микрокомпоненты коннотации – образный, ценностный (ср. оценочность – В.Н.), эмоциональный.

Концептный, концептологический и в итоге концептуальный подход к дискурсу эксплицирует более широкие возможности для выявления и такого важнейшего микрокомпонента коннотативного макрокомпонента значения, как экспрессивность.

Актуализует экспрессивность в новой своей работе и Бранко Тошович, очерчивая соотносительный с другими микрокомпонентами коннотации круг экспрессивности и так определяя полифункциональность, междисциплинарность этой категории:

«1. Экспрессивность является категорией стилистики, лингвистики, литературоведения, искусствоведения, эстетики, логики, психологии, генетики, (1) охватывающей формальные, семантические, функциональные и категориальные единицы в их гомогенных и гетерогенных связях, (2)...» [Тошович 2006: 315]. Именно экспрессивности в данной работе отводится функция воздействия (4). Поэтому когда мы говорим об эмоциональной составляющей в дискурсе, то имплицитно подразумеваем и экспрессивность. «Из всех категорий в соотносительном круге экспрессивности самой близкой является эмоциональность...»

Разрешение поставленной в докладе проблемы требует попутного уточнения ряда положений, касающихся соотношения традиционного семантического анализа и концептуального анализа. Применительно к выше рассмотренному материалу о концептах, концептуальном подходе к дискурсу и тексту мы выявили коннотативные возможности концептов. Однако, как отмечает Ю.Е. Прохоров «Существует мнение, что следует говорить как о точках соприкосновения данных методов анализа, так и их нетождественности...» [Кубрякова 1991: 51-62; подр. см.: Прохоров 2006: 480]. По нашему глубокому убеждению, оба указанных вида анализа соприкасаются в выходе на коннотации при разных и различных способах репрезентаций знаний о мире.

Есть существенная демаркационная линия, разделяющая и в денотативно-коннотативной сфере текст и дискурс. Исходя из хаосокосмологии коммуникации и экстраполируя эту теорию на дискурс и текст, можно взять за основу (с некоторыми уточнениями) следующее положение: «В отличие от хаоса, космос внутренне организован, упорядочен, уравновешен и статичен. Хаос безмерен, в космосе царит мера и пропорция. Хаос непрерывен, космос дискретен. Он обладает целостной формой...» И далее – общее дифференцирующее и онтологически, и структурно, и лингво-стилистически текст и дискурс, особенно политический: «Обилие сфер порядка и беспорядка оборачивается обилием их форм, а обилие форм – избытком соответствующих им слов, при-

чем лексическое пространство оккупировано преимущественно словами беспорядка, отмечающими разные виды отклонений от норм, специфических для каждой сфер» [Арутюнова 2003: 3,7; цит. по: Прохоров 2006: 483].

Отклонения от норм (**языковых / речевых, этических, эстетических и других**) как средство воздействия в политическом дискурсе в большом массиве интереснейшего материала отражены в исследованиях Н. Б. Руженцовой (2004), А. П. Чудинова (2006), в серии фундаментальных сборников «Политическая лингвистика» (последний – (2)22 2007), продуманная концепция которых находит и научное, и прикладное применение в нашей работе в вузе.

© Никонов В. М., 2007

Ольховикова Ю. А.

Нижний Тагил, Россия

МЕТАФОРЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию [Bailey 1985: 104]. Эффективность тех или иных словоупотреблений зависит от того, насколько образы, создаваемые ими находят отклик и понимание в сознании адресата. По данным исследований отечественных и зарубежных лингвистов (Чудакова Н.М., Чудинов А.П.) сфера-источник «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» не относится к числу преобладающих областей для политических метафор, однако такие метафоры играют немаловажную роль в системе образов и представлений о мире определённого народа. В настоящем исследовании мы проанализировали 930 текстов политической направленности в современных центральных печатных СМИ Германии («Berliner Morgenpost», «Berliner Zeitung», «Deutsches Allgemeines Sonntagsblatt», «Frankfurter Allgemeine», «die Welt», «die Zeit»). На основе проведённого анализа представилось возможным выделить следующие концептуальные области, составляющие общую группу метафор со сферой-источником «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА»:

ЗЕМЛЯ (недра земли, ландшафт, природные ресурсы);

ВОДА (водные ресурсы Земли: реки, озёра, моря, океаны);

ВОЗДУХ (климат, атмосфера);

ОГОНЬ (пожар, пламя, разводить костёр (огонь));

ВСЕЛЕННАЯ (небесные тела, галактики, расположение звёзд, мировое пространство);

ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ (погода, смена сезонов, стихийные бедствия).

Каждая из перечисленных областей была представлена соответствующими метафорическими словоупотреблениями. В процентном соотношении они составляют: **ЗЕМЛЯ** – 18%, **ВОДА** – 22%, **ОГОНЬ** – 9%, **ВСЕЛЕННАЯ** – 15%, **ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ** – 36 %. Общее число устойчивых выражений в проанализированных текстах – 168.

Довольно часто тексты содержали целые «созвездия» метафор, в результате чего значительно возрастала яркость создаваемых образов.

*Cp.: Joschka Fischer, der das politische Geschäft oft mit montanen Metaphern erklärt, ahnt, dass er **den Gipfel erreicht hat**. Am Vorabend zu seinem einjährigen Amtsjubiläum als Außenminister ist er **der Star des rot-grünen Kabinetts**, der beliebteste Politiker Deutschlands. **In einsamen Hühern spürt er nun, dass ihm ein eisiger Wind um die Nase weht** (J. Buchsteiner, „Die Zeit“, 14.10.99).*

*Die Regierung **rudert**, die Opposition hängt die Segel **in den Wind**. Keine neue **Konstellation**, vor einem oder zwei Jahren sah es just genauso aus (R.Jung, DAS, 03.09.99).*

Данные анализа свидетельствуют о том, что метафорические словоупотребления из сферы-источника «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» достаточно широко представлены в современных газетных публикациях ФРГ. Наибольший процент от общего количества составляют метафоры погоды, а стихийные бедствия в основном представлены наводнениями, которые граждане Германии переживают с досадной регулярностью. Географическое положение страны, определённые климатические и погодные условия – всё это становится эффективным орудием в руках опытного автора, ведь речь политика (за некоторыми исключениями) оперирует символами [Rathmayr 1995: 211], а ее успех предопределяется тем, насколько эти символы созвучны массовому сознанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. – М., 2002. – С.32-43.

Bayley P. 1985 – Live oratory in the television age: The language of formal speeches // G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller eds. Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984. – Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77-174.

Rathmayr R. 1995 – Neue Elemente im russischen politischen Diskurs seit Gorbatschow // R. Wodak, F.P. Kirsch eds. Totalitare Sprache – langue de bois – language of dictatorship. – Wien: Passagen, 1995. S. 195-214.

© Ольховикова Ю. А., 2007

Попова В. Б.

Челябинск, Россия

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Активное взаимодействие славянских культур неизбежно приводит к взаимопроникновению, взаимовлиянию языков, которое прослеживается на разных его уровнях и может проявляться с разной степенью активности в разные исторические периоды. Язык в большей степени, чем какое-либо другое явление, обслуживающее общество на пути тенденции культурного единения народов, заслуживает название общественно-го явления.

Лингвистическая наука на каждом этапе своего развития дает все более приближенное представление о реальной языковой системе. Известно, что любая система сначала должна исследоваться во взаимоотношении с внешней средой, а уже затем внутри своей структуры. Этот принцип – последовательного продвижения по этапам системы – должен соблюдаться и при изучении наречий времени.

Многоаспектность анализа наречий времени в чешском и русском языках определяет использование сопоставительного метода, а также полевого метода системного описания и тематической группировки лексики, а также метод компонентного анализа, что позволяет выявить лексико-семантические группы, выделенные на основе совокупности интегральных и дифференциальных семантических признаков. Определение дифференцирующих сем позволяет уточнить синонимические ряды наречий времени.

Наша цель – выяснение обусловленности выбора переводчиком того или иного функционально-семантического эквивалента. Сравнение переводов позволяет сопоставлять и раскрывать сложные и неоднозначные отношения между смысловой и формальной сторонами языками. Перевод же по своей сущности является сопоставлением систем двух языков, так как в процессе перевода лексический материал одного языка заменяется материалом другого, причём переводчик стремится выбрать лучший вариант из богатого запаса слов родного языка.

На примере наречий времени убедительно и наглядно подтверждается та мысль, что лексические единицы следует изучать не изолированно, а в системе, в состав которой они включаются, в процессе их функционирования и развития. В этом отношении прав Ф.П.Филин, который считает, что исследователь должен знать причины сложения каждого слова, изменение значений и оттенков значений, их связи со значениями других слов [Филин 1982: 272]. Но саму природу лексического значения можно выявить прежде всего через предметное содержание слова, его соотносительности с объективно существующим миром вещей, процессов и явлений. Являясь отражением в нашем сознании предмета или явления действительности, лексическое значение слова неизбежно включает в себе понятие об этом предмете или явлении, находящимся в определенной связи с другими понятиями [Шмелев 1977: 73]. Предметно-понятийное содержание является важнейшим компонентом семантики слова, без которого невозможно его функционирование как средства языковой коммуникации [Алимпиева 1986: 4]. Исследователи конкретного лексического материала, изучающие судьбу отдельных слов или различных групп, всегда так или иначе приходили к выводу о существовании в лексике определенных видов взаимодействия, притяжения и отталкивания между составляющими и ее единицами [Новиков 1982: 97]. Отсюда следует, что наречия времени должны рассматриваться как результат их взаимодействия с видо-временными формами глаголов, то есть «семантическая значимость должна указывать на место этой единицы в системе, в сети отношений «сходство / различие», устанавливаемых на основе противопоставлений единиц, сходных в каком-то отношении» [Шмелев 1977: 184].

Такие системные отношения наречий времени с видо-временными формами глагола позволяют выявить наиболее существенные индивидуальные свойства наречий времени, а одновременно выявить ядерные семы и периферийные. В статье используются принятые в современной семантике понятия «семантическое ядро» и «семантическая периферия» и через них определяются семы, имеющие различный статус в семантической структуре одного и того же слова. Ядерная сема – семантический компонент (в совокупности с другими компонентами), ядро значения данного слова. Ядерная сема в принципе довольно легко выделяется на уровне интуиции: говорящие, как правило, осознают ее главность, существенность в смысловом содержании слова и подчеркивают каким-либо образом. Периферийная сема – не основная, неярко проявляющаяся по сравнению с ядерной. Она не столь явно осознается носителями языка. В качестве постоянных обычно выступают ядерные семы, в качестве переменных – периферийные.

В чешском и русском языках распространено совпадение лексем, обусловленных их общим происхождением. Однако при сопоставлении структурно-семантических и функциональных характеристик наречий времени выявляются не только черты их сходства, но и различия: случаи полного семантического соответствия лексических единиц относительно редки. Сопоставление функционирования наречий времени в сравниваемых языках позволило выделить несколько типов отношений: а) полное совпадение семантики сопоставляемых лексем двух языков: наречия *vsera*, *вчера*; *zitra*, *завтра*; б) частичное совпадение семантики: *ted'*, *теперь*.

Исследования такого типа позволяют сопоставить системные и функциональные свойства наречий времени в русском и чешском языках.

© Попова В. Б., 2007

Русова И. А.

Сургут, Россия

ДИСКУРСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

Постоянно увеличивающийся интерес к когнитивному исследованию функционирования политической метафоры в различных видах дискурса заставил нас обратиться к рассмотрению данного вида метафоры и в дискурсе *поэтическом*, где материалом ис-

следования выступают «Сонеты» В. Шекспира и их переводы на русский язык. Подобное исследование, с учётом лингвокультурного характера метафоры, даёт возможность проследить, как в ней отразилась политическая жизнь средневековой Англии, и к каким приёмам прибегают переводчики, чтобы сделать каждую отдельную метафору понятной носителю русской культуры.

Стремление поэтов эпохи Возрождения включать в свои произведения образы, почерпнутые из различных областей жизни (в том числе политики) и ориентация на культуру античности объясняют появление в «Сонетах» В. Шекспира метафоры ЛЮБОВЬ (сфера цели) – это СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (сфера источника). Главным образом, политическая метафора служит для представления любовного чувства как отношений повелителя и подданного. Для подробного рассмотрения метафоры необходимо заметить, что В. Шекспир регулярно прибегает к использованию в сонетах социально-политических терминов: *slave* (*раб*), *vassal* (*вассал*, *зависимый*), *servant* (*слуга*), *serving* (*прислуживающий*), *homage* (*почитание*, *почтение*), *sovereign* (*монарх*, *повелитель*), *lord* (*господин*), *owner* (*хозяин*), *reign* (*господство*, *верховная власть*), *crowned* (*коронованный*, *увенчанный короной*), *majesty* (*величество*), *excellence* (*превосходительство*), *embassage* (*посольство*), *kingdom* (*государство*, *царство*), *politic* (*политический*). Перечисленные концепты позволяют выявить более узкую политическую метафору ЛЮБОВЬ – ЭТО РАБСТВО, где влюблённый уподобляется рабу, призванному служить своему господину, сносить от него унижения и обиды, но, при этом, заметна его покорность, преданность и восхищение объектом поклонения. Именно специальная лексика, характеризующая отношения между влюблённым и объектом любви, придаёт шекспировской образности социально-политический оттенок.

Помимо метафоры ЛЮБОВЬ – ЭТО РАБСТВО в рамках социально-политической метафоры можно также выделить метафору ЛЮБОВЬ – это ВОЙНА (влюблённые предстают либо, как участники противоборствующих лагерей, где лирический герой, испытывающий более сильные чувства, «терпит поражение», «попадая в плен» красоте возлюбленной, либо проявляется тип взаимоотношений генерал (возлюбленная) – рядовой (влюблённый)).

В ходе проведения детального исследования вышеупомянутых концептуальных метафорах мы установили, что базовый концепт может быть представлен в виде следующих метафорических моделей:

1) влюблённый – это раб /слуга /вассал; возлюбленная (возлюбленный) – это господин / владыка / суверен / монарх;

2) влюблённый испытывает благоговейные чувства по отношению к возлюбленной, в то время, как она предстаёт как тиран или враг;

3) лирический герой, не имея личной свободы, призван исполнять указания любимой, прислуживать, удовлетворять прихоти; при этом сама возлюбленная склонна раздавать указания, приказы и командовать.

Таким образом, очевидно, что дама сердца, в рамках рассматриваемых метафор ЛЮБОВЬ – это ВОЙНА и ЛЮБОВЬ – это РАБСТВО, выступает в качестве военачальника или госпожи, а лирический герой предстаёт в позиции подчинённого: рядового или слуги.

Анализ русскоязычных переводов «Сонетов» показал, что переводчики, используя разнообразную лексику (владычица – госпожа – король – царь – сюзерен; вассал – данник – слуга – раб – невольник; преданный – покорный – верный), стараются не отклоняться от заявленной В. Шекспиром социально-политической темы. Несмотря на то, что рассмотренные русские переводы были сделаны в конце XIX – начале XXI веков, переводчики стараются сохранить своеобразие лексического материала конкретной исторической эпохи, отражённой в сонетах В. Шекспира.

Интересно отметить, что в современном языке прочно закрепились переносные значения слов «рабство», «раб», «слуга». Поэтому читатель зачастую уже не воспринимает их как входящие исключительно в состав социально-политической лексики. Кроме того, межкультурный концепт присущий метафорам ЛЮБОВЬ – это ВОЙНА и ЛЮБОВЬ – это РАБСТВО делает их понятными для представителей как английской, так и русской культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991.

Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ. / Под ред. и с пре-

дисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Шекспир У. Сонеты: Антология современных переводов / Пер. с англ. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 384 с.

Шекспир У. Сонеты / Пер. с англ. С.Я. Маршак. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 432 с.

© Русова И. А., 2007

Суспицына И. Н.

Екатеринбург, Россия

ТОЛЕРАНТНОСТЬ

«В ВЕРХАХ» И «В НИЗАХ»

Толерантность – одно из ключевых и популярных слов в обществе и современном лингвистическом пространстве. Генеральная конференция ЮНЕСКО в 1995 г. Составляет Декларацию принципов толерантности (*толерантность – это гармония в многообразии*) [Резолюция 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО. 19 ноября 1995 г.], разработанная Федеральная целевая Программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в Российском обществе», с 2003 г. в нашей стране в целях продвижения «основных ценностей гражданского общества, установления взаимопонимания и дружественных отношений между людьми посредством межкультурного диалога» действует Институт толерантности, существует сетевой проект «Интернет и толерантность», проводятся научные конференции, в названиях которых фигурирует слово толерантность («Толерантность как культурная универсалия», Харьков 1996; «Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России», Екатеринбург 2007).

По данным сайта Википедии – свободной энциклопедии, лексема **толерантность** толкуется различными словарями в 156 статьях (Большой энциклопедический словарь, Толковый словарь иноязычных слов и др.) Все словари XX века однозначно указывают прямое толкование / перевод: толерантность – терпимость (от лат. *tolerantia* – терпение). Однако в современном языке термин «толерантность» применяется самостоятельно и специалисты утверждают, что прямого перевода этот термин не имеет. В отличие от «терпимости» толерантность (в современный язык слово пришло из англ. *tolerance*) –

готовность благосклонно признавать, принимать поведение, убеждения и взгляды других людей, которые отличаются от собственных [http://ru.wikipedia.org/wiki].

Политики и политологи, историки и философы, лингвисты и культурологи, юристы и журналисты говорят и пишут о *(философских) границах толерантности* (зд. и далее курсивом – примеры словоупотреблений в СМИ), *вопросе толерантности, диапазоне толерантности, зоне толерантности, идее толерантности, конфликтности и толерантности в общении, оплоте толерантности, опыте толерантности, признаках толерантности, примере толерантности, проблеме толерантности, пространстве толерантности, режиме толерантности, социальных образцах толерантности, языковой толерантности, толерантности как выражении сущности демократической ментальности, толерантности в идеологической сфере, толерантности в структуре межрелигиозных отношений, толерантности как типе индивидуального и общественного отношения к социальным и культурным различиям*. Ср.: *Нужно платить налог на толерантность; Цивилизация в поисках толерантности; Библиотека – территория толерантности; День толерантности или шоу уродов*.

В поисковой системе Yandex слово толерантность функционирует на 3516 сайтах. Им пользуются спортивные комментаторы (*Толерантность по отношению к нашим арбитрам равна толерантности по отношению к гомосексуалистам*), рекламщики спортивной одежды (...и даже агрессию *Racer Tank* (название модели футболки), *смягченную трехцветными полосками в стиле ретро и хлопчатобумажным материалом, намекающими на толерантность этой модели*) [www.sport-tovari.ru]. Оно вошло в название стихотворения (*Ирина Цветаева. Толерантность мимо нас*). Толерантность проникла в фольклор, о ней написана сказка! [http://www.outzone.ru]. Толерантность – терпимость к другим людям (в том числе и к другим музыкальным направлениям) – обсуждают на рок-сайте (*Толерантность – это что-то такое, что на рок-сайте звучит забавно*) [www.rock.ru]. Нельзя не согласиться с мнением польского лингвиста И. Коженевска-Берчинской, утверждающей, что толерантность – это «одно из самых модных понятий в современном

гуманитарном дискурсе» [Коженевска-Берчинска 2006].

Все вышеприведенные факты демонстрируют функционирование слова толерантность в «верхах», в речи избранных. А как же обстоит дело в «низах», как это слово употребляется в речи народа? В качестве vox populi были выбраны студенты педагогического университета г. Екатеринбурга. Среди них был проведен анкетный опрос с целью выяснить, как «в низах» понимают значение слова **толерантность** и как употребляют его в речи. В опросе принимали участие 35 человек – студентов дневного отделения 1 курса исторического факультета (восемнадцатилетние юноши и девушки) и 46 человек – студентов 1 курса заочного отделения Института физической культуры и спорта (в среднем тридцатилетние мужчины и женщины).

Опрос показал, что слово **толерантность** в разной степени освоено молодыми и более взрослыми студентами гуманитарного и негуманитарного профиля. Студенты-историки ответили, что, по их мнению, **толерантность** – это терпимое отношение к кому-либо или чему-либо (половина ответов); это уважение чужого мнения, позиции, точки зрения, восприятие ее как самооценности (так написала примерно треть студентов); это снисхождение к каким-либо вещам, участие, вежливость, воспитанность, коммуникабельность, уравновешенность, спокойность, непридирчивость (единичные ответы).

Толерантность воспринимается будущими историками в основном на «бытовом» уровне: *толерантность к маленьким детям* (зд. и далее курсивом – высказывания студентов); *он толерантен по отношению к своей младшей сестре; толерантность к животным; толерантность по отношению к учащимся; толерантность к выходкам; толерантность к соседям, к самому себе, к пенсионерам, к инвалидам; толерантный к родителям, к старшим*. Контекстные употребления определяемого понятия в «общественно-политическом» звучании в анкетах единичны: *толерантность к религии, чужому народу, инакомыслию; толерантное правительство*. Ср.: *В отношении религии других народов он был толерантен; Толерантность – терпимость и уважение чужого-либо мнения, лояльное отношение к чему- или кому-либо; Я старообрядец, но толерантно отношусь к другим религиям и не веду борьбу с другими вероисповеданиями; Быть толерантным – значит быть миро-*

любимым, уметь выслушать чужое мнение, даже если оно противоречит твоему; Толерантность можно заменить словом участие, т.е. толерантный человек – это участливый человек; Проявлять толерантность, занимаясь нелюбимым делом.

Ни в одной анкете не прозвучало, что опрашиваемый не знает слово **толерантность**. Но фразы, которые приводят студенты в качестве примеров функционирования в речи заданной лексемы, наводят на определенные размышления. Ср.: *Толерантной можно назвать собаку, которой сказали ждать, и она будет сидеть и ждать, преодолевая скуку; Толерантное поведение подразумевает незамечание ошибок других людей. В ресторане мужчина толерантно промолчит, если женщина будет есть не тем прибором или не обратит внимания на ее аляповатый, несвойственный месту вид.*

Анкеты студентов-заочников продемонстрировали более скупое и жесткое отношение к слову **толерантность**. Во-первых, почти четверть из них (9 человек) ответили, что им это слово незнакомо (ср.: *Иностранное слово. Не знаю такого. Зачем оно?*). Те же, кто дал определение, написали, что толерантность – это идеологическая и религиозная терпимость (6 ответов); устойчивость организма (5 ответов); общительность (6 человек); черта характера (6 анкет); а также человеколюбие; умение идти на компромисс; умение сопереживать, сочувствовать, относиться к чужой боли как к своей; практически то же самое, что терпение, только это слово новое, чужое; современный взгляд на отношение людей друг к другу; уравновешенность характера (единичные фиксации). Ср.: *Толерантность – это глобальное понятие в общем о терпении и терпеливости.*

Анализ функционирования слова **толерантность** в речи верхов и низов наводит на определенные выводы не только лингвистического, но и общеполитического характера. Общественный дискурс оперирует понятиями типа толерантности, истинность которых полагается очевидной (а ведь подобные случаи не единичны!). Когда же эти понятия конкретизируются в бытовом дискурсе, возникают сомнения: об одном и том же говорит народ и его элита? Представляется, что прежде чем проводить Дни, Марши, Митинги **толерантности** и говорить об этом, до масс нужно донести, о чем им говорят и чем его хотят облагодетельствовать. И тогда наше общество станет более **ТОЛЕРАНТНЫМ!**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Резолюция 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО. 19 ноября 1995 г.
<http://ru.wikipedia.org/wiki>
www.sport-tovari.ru
<http://www.outzone.ru>
www.rock.ru
Коженевска-Берчинска И. Мосты культуры: Диалог поляков и русских. – Мн.: Экопресс, 2006. © Суспицына И. Н., 2007

Чудинов А. П.

Екатеринбург, Россия

МИГРАНТЫ НА УРАЛЕ: ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Урал с давних пор был регионом, в котором проживали люди самых разных национальностей, однако в последние годы в Уральском федеральном округе складывается совершенно новая этническая ситуация. Появились такие сферы трудовой деятельности, где заняты преимущественно мигранты. Появились микрорайоны, в которых компактно проживают мигранты из стран Шанхайской организации сотрудничества.

Мигранты в России (в том числе и на Урале) уже давно стали повседневной реальностью крупных городов, что соответствует общемировым тенденциям социального развития государств Европы и Северной Америки. Это явление нередко раздражает местное население, в результате чего растет количество конфликтов с участием мигрантов.

Вместе с тем наши соотечественники все отчетливее осознают значительную роль мигрантов в развитии национальной экономики. Строительство, торговля, транспорт и некоторые другие сферы деятельности все больше зависят от зарубежной рабочей силы. Необходимо отчетливо понимать, что отсутствие российского гражданства еще не означает лишения всех гражданских прав и свобод.

Вместе с тем и мигранты должны с уважением относиться к культуре и традициям России, стремиться к изучению русского языка.

До последнего времени уделом мигрантов был преимущественно низкооплачиваемый неквалифицированный труд. Но со временем положение начнет изменяться, и мигранты будут вступать в конкуренцию за право работать и в других сферах.

Сейчас дети мигрантов составляют значительную часть учащихся в общеобразова-

тельной школе. Но в ближайшие годы следует ожидать повышения доли мигрантов и среди учащихся учреждений среднего, а затем и высшего профессионального образования.

Межкультурная коммуникация с участием граждан России и мигрантов – это важная и все более обостряющаяся проблема, к решению которой должны быть привлечены специалисты по социолингвистике, межкультурной коммуникации и культуре русской речи. Нужно воспитывать культуру межнационального общения как у граждан России, так и у «гастарбайтеров». В ином случае нашу страну ждут события, по сравнению с которыми столкновения в Кондопоге покажутся мелкой и почти милой размолвкой.

С одной стороны, необходимо, чтобы мигранты изучали русский язык, уважали нашу культуру и наши традиции. Многие гости нашей страны не понимают, что культурные и этические нормы, которые они восприняли на родине, не в полной мере подходят для российских условий.

С другой стороны, наши соотечественники должны учиться национальной и конфессиональной толерантности. Нам всем придется учиться политической корректности и бесконфликтному общению.

Проблема мигрантов и миграции существует не только в России: это общая проблема всех высоко развитых стран. Мы развиваемся по общим законам, а поэтому нам уже пора присматриваться к западноевропейскому и североамериканскому опыту существования коренного населения и мигрантов.

Для решения рассматриваемых проблем необходимы совместные усилия государства и общественности, ученых и практиков, представителей бизнеса и политических активистов, юристов и социологов, филологов и экономистов, мигрантов и коренных жителей России.

Планируемая международная конференция по проблемам миграции и мигрантов поможет привлечь внимание органов власти и общественности к ситуации в названной сфере, а также будет способствовать обмену опытом между представителями различных научных школ. Все это и позволит выработать научно обоснованную программу действий по предотвращению проявлений межнациональной и межконфессиональной розни, по созданию атмосферы взаимопонимания и толерантности.

© Чудинов А. П., 2007

***Русский язык как язык
межнационального общения
и системы образования
в современной России***

Базылев В. Н.
Москва, Россия

**СОЦИОЛИНГВОРЕЛЬЕФ
«СМЕШАННОЙ РЕЧИ»**

Доклад представляет собой предварительные итоги (прежде всего теоретического плана) работы над проектом «Речевые контакты и конфликты в диаспорных школах», который был начат в Институте языкознания РАН и в настоящее время продолжается в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина.

Стремительный рост национального самосознания выдвинул сегодня на первый

план очень важную проблему – полноценного и равноправного развития всех языков. Языки всех народов России, вне зависимости от их численности, являются уникальным и бесценным достоянием как нашей страны, так и всего человеческого сообщества. Охрана и поддержание полноценной жизни всех языков стала не только нравственной, но и политической проблемой. Не случайно еще в октябре 1991 года впервые в законодательной практике России был принят закон «О языках народов РСФСР». Данный закон был призван способствовать максимальному раскрытию национально-культурного потенциала всех народов, населяющих Россию. Практически положения этого закона, ставшего первоосновой всех последующих законодательных актов РФ в этой сфере, нашли свое воплощение в возрождении сети диаспорных школ, в первую очередь в столице – Москве. По инициативе и при активной поддержке Московского комитета образования в городе были открыты диаспорные школы – обеспечивающие образование для наиболее крупных (в количественном отношении) диаспор – армянской, татарской, грузинской, азербайджанской и пр. Однако, создание таких школ повлекло, естественно, необходимость осмысления и практического решения ряда проблем, с которыми ранее система отечественного образования не сталкивалась, в силу объективных и субъективных причин, в том числе этнических конфликтов на уровне системы образования. Ведь язык – зеркало каждого народа, каждой отдельно взятой личности, язык представляет собой ту неотчуждаемую принадлежность любого народа, то культурное наследие, в котором находит свое выражение его (народа) самосознание.

Актуальность сформулированной выше темы определяется как теоретической неразработанностью проблемы, так и практической значимостью ее решения на современном этапе развития – культурных и национально-языковых взаимоотношений.

Исследовательский проект посвящён описанию и анализу феномена этнокультурной специфики речевой деятельности. Он выполняется в рамках антропологической парадигмы науки о языке, делающую акцент на соотношении языка и говорящего на нём субъекта, т.е. на языковой личности, взятой в её этнокультурном и национальном контексте. Исходя из феноменологии Э. Гуссерля, предлагается концептуально опираться при описании на оппозицию: логическое речевое

конструирование этничности – эйдетическое речевое конструирование этничности – софийное речевое конструирование этничности. Язык рассматривается при этом как универсальное средство этнического самовыражения и форма этнической культуры; отдельное внимание уделяется литературному языку и его структурному статусу, а также национальному образу речи.

Феномены описания: когнитивные компоненты этнической идентичности; речевые контакты и конфликты; границы межкультурного понимания (в парадигме семиосферы Ю.М. Лотмана); адаптивность; семиотический аспект (в части формирования индивидуального и надиндивидуального стиля саморегуляции); разноязычие («смешанная речь») как особый тип гетерогенной (разносистемной) речедеятельности индивидов.

При этом дифференцирующим признаком гетерогенной речевой деятельности (и разноязычия в частности) признаётся то, что она потенциально может быть воспринята её субъектами именно как гетерогенная, вмещающая в себе элементы двух разных с точки зрения индивида языковых систем, что отличает гетерогенную речевую деятельность от речедеятельности на основе использования заимствований и на основе использования «смешанного языка».

Объекты анализа: учебные материалы по русскому языку, литературе и истории для диаспорных школ; учебные материалы по языкам народов СНГ и Балтии для диаспорных школ; методика преподавания русского языка, литературы и истории в диаспорных школах; методика преподавания родного языка в диаспорных школах.

Экспериментальные площадки: школа № 184 с грузинским этнокультурным компонентом образования; школа № 1680 с грузинским этнокультурным компонентом образования; школа № 959 с татарским этнокультурным компонентом образования; школа № 1167 с татарским этнокультурным компонентом образования; школа № 157 с азербайджанским этнокультурным компонентом образования; школа № 163 с азербайджанским этнокультурным компонентом образования; школа № 1110 с армянским этнокультурным компонентом образования; школа № 1247 с литовским этнокультурным компонентом образования.

Феномен «смешанной речи» привлекает внимание своей неординарностью в ряду других речевых феноменов. На сегодняшний день в отношении этого феномена, правда,

нет ни одного бесспорного положения, кроме, пожалуй, единственного – самой потенциальной возможности разноязыковой оформленности речевого образования. Самым сложным вопросом по-прежнему остается проблема истоков межъязыкового смешения речи – ее неразгаданное «почему?».

«Смешанная речь» представляет собой особый тип гетерогенной речевой деятельности индивидов. Наряду с билингвизмом, гетерогенную речевую деятельность образуют попеременное использование языков и переключение кодов. Дифференцирующим признаком «смешанной речи» является то, что она потенциально и актуально воспринимается ее субъектами именно как гетерогенная, совмещающая в себе элементы двух разных с точки зрения индивидов языковых систем. Это принципиально отличает «смешанную речь» от билингвизма или креолизованного языка: в последних случаях процесс речевой деятельности представляет собой нейтрализацию восприятия субъектами своей речевой деятельности как гетерогенной, результатом чего становятся однородные в восприятии субъектов речевые образования. Процесс же «смешения языков» – это процесс активизации восприятия субъектами своей речевой деятельности именно как гетерогенной. Таким образом, «смешанная речь» – это такой тип гетерогенной речевой деятельности индивидов, при которой они, потенциально воспринимая свою речевую деятельность как разносистемную, становятся либо субъектами альтернативного речевого производства грамматически или семантически целостных высказываний на основе эксплицитного использования элементов двух языковых систем, либо субъектами безальтернативного речевого восприятия таких высказываний.

Все это оказывается непосредственно связанным с проблемами этнического самосознания. В настоящее время интерес к этой стороне человеческого существования также обострился. Современные достижения этнологии позволяют определить этническое самосознание как неотъемлемую часть этнической жизни на коллективном и индивидуальном уровнях. Функционирование этнического самосознания обеспечивается целостностью когнитивных активностей, наиболее важной из которых признается этническая самоидентификация личности, осуществляемая на базе какого-либо языка.

Обратимся к реалиям российского национального пространства. В наших истори-

чески сложившихся условиях, обусловивших во многом общность образа жизни всех проживающих на территории России национальностей, активизация национального самосознания и самоосознания как оппозиции «мы – они» с неизбежностью выдвигает на первый план идею национального своеобразия через идею ценности родного языка. И в то же время те же исторические условия предопределили то, что родной язык для многих фактически стал функционально вторым языком. Все это приводит к внутриличностному конфликту между активизацией национальной самоидентификации главным образом через родной язык и реальной степенью владения этим языком. И для многих «смешанная речь» становится удобным способом его разрешения. Таким образом, можно сказать, что данный тип играет в жизни билингвального этнического сообщества значительную консолидирующую роль, поскольку дает возможность любому носителю языков чувствовать себя равноправным членом этносоциума при низком уровне владения родным языком.

Социолингворельеф «смешанной речи» в социуме как непосредственно данная наблюдению систематизированная в социодемографическом и лингвистическом планах практика гетерогенной речевой деятельности формируется как речевое явление под влиянием трех факторов. Активизирующий, регламентирующий и систематизирующий факторы «смешанной речи» – это билингвальный социум как конкретная общественно-историческая и социолингвистическая величина, которая способствует интенсификации «смешанной речи», определяет коммуникативные условия ее функционирования, обуславливает характер распределения членов социума по типам носителей языка, конкретизирует социодемографические параметры, характеризующие тот или иной тип носителей языков в рамках данного сообщества. Поскольку разные типы носителей языков по-разному используют «смешанную речь», то билингвальный социум оказывается в конечном итоге тем звеном, которое опосредованно детерминирует не только интенсивность «смешанной речи» и преобладающее использование того или иного его типа, но и общую ведущую линию межъязыкового структурирования речевых цепей. Пусковые факторы «смешанной речи» отражают то, что субъект «смешанной речи» – это всегда живая конкретная человеческая личность, которая имеет свое социальное и

этническое измерение и стремится к их экспликации, имеет тенденцию к проявлению своей индивидуальности, строит свою речь в соответствии с общими законами спонтанного речепорождения. Пусковые факторы «смешанной речи» обуславливают ее дифференциацию по типам. Лингвомодифицирующий фактор «смешанной речи» определяет то, какими конкретными лингвистическими параметрами будет характеризоваться «смешанная речь» при использовании двух конкретных языковых систем. Преобладающие способы межъязыкового структурирования речевых цепей определяются типами контактирующих в данном социуме языков, т.к. именно под их воздействием стихийно вырабатывается наиболее оптимальный вариант совмещения и обобщения элементов разных языковых систем без нарушения спонтанности их генерации.

Сущностная характеристика «смешанной речи» заключается в самом принципе внутрисубъектной организации носителя языка – в межъязыковой интегративности его субстратной базы и внутрисубъектного пространства. Гетерогенная речевая деятельность является закономерным речевым отражением интегративности внутрисубъектной организации носителя языков. «Смешанная речь» – это не следствие одномоментного речевого межъязыкового взаимодействия, а результат речевой реализации сформированных и уже имеющихся внутрисубъектных межъязыковых взаимосвязей.

© Базылев В. Н., 2007

Дмитриева Т. Н.

Екатеринбург, Россия

ТИПЫ ОШИБОК В ДОКУМЕНТАХ МИГРАНТОВ, ОФОРМЛЯЮЩИХ РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСТВО

Реалии современной жизни на территории постсоветского пространства привели к значительной активизации миграционных процессов. Все мы хорошо знаем, что город Екатеринбург и Свердловская область не являются исключением в этом отношении. По воле обстоятельств жители бывших республик СССР переезжают в Россию, и перед ними встает необходимость оформления российского гражданства.

Оказавшись в учреждении миграционной службы, люди вдруг обнаруживают то, на что, может быть, никогда не обращали внимания, о чем даже не подозревали: в документах, которые они сдают для оформления гражданства, их имя или фамилия, или отче-

ство, а также имена, фамилии или отчества их родственников оказываются написанными по-разному. Работники Управления Внутренних Дел, по-видимому, не считающие себя компетентными решать вопросы идентификации подобных записей, стали направлять таких граждан в Уральский университет за справкой, «что это одно и то же». И вот уже два года я занимаюсь составлением справок, объясняющих правильность написания имен, отчеств и фамилий мигрантов. За это время было составлено более 70 справок.

Работа с документами – а это свидетельства о рождении, паспорта, свидетельства о заключении брака и т.д. – показала, что встречающиеся в них ошибки отражают не только невнимательность или недостаточную квалификацию работника, оформлявшего документ (ср.: **Джульета** (*ошиб.*) и **Джульетта**; **Некалай** (*ошиб.*) и **Николай**; **Абдихалим** (*ошиб.*) и **Абдухалим**;; **Тусунбоевич** (*ошиб.*) и **Турсунбоевич**), но также обусловлены языковыми причинами. Лингвистическая классификация ошибок представляет интерес в плане выявления их типологии.

В частности, в документах (чаще всего это свидетельства о рождении) встречаются уменьшительные или разговорные формы имени и отчества – **Надя**, **Рая**, **Рита**, **Рима**, **Сереза**, **Раиза**, **Кузминишна**, вместо которых впоследствии, при оформлении новых документов, пишутся традиционные **Надежда**, **Раиса**, **Маргарита**, **Римма**, **Сергей**, **Раиса**, **Кузьминична**.

Встретилась замена устаревшего и малоупотребительного имени **Неонила** на сходное по звучанию и широко известное имя **Нина**, хотя оно и не является вариантом или производным от **Неонила**. Поскольку от **Неонила** есть производный вариант **Нила**, то его (тоже устаревшее и малоупотребительное имя) изменили на **Нина**.

Устаревший вариант имени **Генадий** заменен на традиционное **Геннадий**.

В нескольких случаях в документах были записаны варианты имени **Наталия** и **Наталья** (при том, что форма **Наталия** является официальной и церковнославянской, в настоящее время более употребителен ранее считавшийся разговорным вариант **Наталья**).

Выявлено употребление фонетических вариантов одного имени в разных языках – молдавск. **Ион** и русск. **Иван**; отчество **Ми-**

каелович и Михайлович – от армянск. **Микаел (Микаэл)** и русск. **Михаил**.

Обнаружены варианты, оформленные по-разному в соответствии с нормами русского и другого языка (фамилия азербайджанцев: отца – **Махмудов**, матери – **Махмудова**, ребенка – **Махмудзаде**; фамилия армянки – **Мнацаканова** и **Мнацаканян**).

Некоторые варианты объясняются возможностью существования разных форм имени в родном языке – узбекское женское имя **Мамурахон** и **Мамура** – с показателем женского имени **-хон** и без него; таджикское (азербайджанского происхождения) мужское имя **Фуркатжон** и **Фуркат** – с добавленным к имени **Фуркат** компонентом **жон** или **джон**, традиционным для передачи ласкательности или уважительности в языках народов Средней Азии, и без этого компонента.

Особенно много случаев различного написания таджикских антропонимов (они могут иметь также тюркское, арабское, персидское происхождение). Ср.: **Зафарджон** и **Зафаржон**, **Илхомджон** и **Илхомжон**, **Наимджон**, **Наимжон** и **Наимчон**, **Камолджонов** и **Камолчонов**, **Мухторджонович** и **Мухторчонович**, **Ходжаев** и **Хочаев**. В этих и подобных примерах по-разному передается специфический таджикский согласный – аффриката [дж']. В документах, составленных на таджикском языке, она передается с помощью буквы **ч** с диакритическим значком внизу, в русских документах – через **дж**, **ж** или **ч**.

Варианты типа **Зафарджон** и **Зафарджан**, **Дододжонович** и **Дододжанович**, **Курбанович** и **Курбонович** связаны с особенностью передачи таджикского гласного [о] через русские **о** и **а**. Это влияет и на передачу гласного **а** в таджикских фамилиях: так фамилия **Алибаев**, записанная в свидетельстве о рождении, при выдаче паспорта фиксируется в варианте **Алибоев**, что надо квалифицировать как ошибку.

© Дмитриева Т. Н., 2007

Игошев Б. М.

Екатеринбург, Россия

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

КАК ПУТЬ К АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

В соответствии с Указом Президента В.В.Путина 2007 год объявлен годом русского языка – государственного языка России (Указ от 27.12.2006).

Поддержка русского языка – это важная часть работы по совершенствованию имиджа России.

В соответствии с общим планом мероприятий в Уральском государственном педагогическом университете при поддержке Министерства образования и науки РФ и Российского гуманитарного научного фонда 12 ноября 2007 года в 10.00 открывается международная научная конференция «Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России».

В последние годы все чаще обнаруживается, что русский язык остается языком межнационального общения народов. В советскую эпоху названная функция русского языка проявлялась преимущественно на территории национальных республик, но в последнее десятилетие интенсифицировалось межнациональное общение во многих исконно российских регионах. Проблемы межнационального общения обостряются в связи с массовой миграцией в Россию граждан из Центральной и Восточной Азии (Китай, Корея, Вьетнам, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан и др.) и других регионов.

Миграция стала существенным социальным явлением в нашем обществе, миграционные процессы активно проявляются и в Свердловской области. Только с начала 2007 года на миграционный учет в Свердловской области поставлены около ста тысяч иностранцев. Больше всего их пребывает из государств Средней Азии – бывших советских республик. В некоторых микрорайонах Екатеринбурга мигранты уже составляют значительную часть населения.

Миграция создает проблемы столкновения культур. Как гражданам России, так и мигрантам часто не хватает навыков межкультурной коммуникации, сознательной толерантности. Проблема негативного отношения местных жителей к «чужакам» существует во всем мире. В нашей стране на это долго закрывали глаза. Надеялись на врожденное терпение русского народа и на традиции интернационального воспитания.

Проблема усугубляется тем, что трудовые мигранты часто плохо знают русский язык и еще хуже знакомы с русской культурой и российскими традициями. Все это нередко приводит к межнациональной агрессивности, которая может выступать не только в вербальной форме. Вся Россия должна помнить об уроках межнациональных столкновений, которые произошли в карельском

городе Кондопога. Если этой проблемой не заниматься, то придется ожидать новых конфликтов.

Урал с давних пор был регионом, в котором проживали люди самых разных национальностей, однако в последние годы в Уральском федеральном округе складывается совершенно новая этническая ситуация, новые социальные условия межнационального взаимодействия. Наши земляки все отчетливее понимают, что мигранты нужны уральской экономике. Но нам нужны не любые мигранты, а люди, которые знают русский язык, уважают российскую культуру и в полной мере выполняют наши законы. Это означает, что мигранты нуждаются в специальном обучении.

Все острее встает проблема обучения детей из семей мигрантов. Мировой опыт знает два решения этой проблемы. Первое – это совместное обучение всех детей. Таких дети из семей мигрантов быстрее осваивают язык и культуру метрополии. Но это усиливает межнациональную напряженность: многие родители недовольны.

Второе решение – это создание особых школ для мигрантов. Но ученики этих школ медленнее осваивают русский язык, им сложнее воспринимать русскую культуру.

При любом подходе к решению образования мигрантов встает вопрос о подготовке учителей, которые смогут работать с мигрантами. Уральский государственный педагогический университет уже начал подготовку своих студентов к работе с детьми из семей мигрантов. Но это только начало большого и сложного пути.

Проведение крупной научной конференции по проблемам создания атмосферы межнациональной и межконфессиональной терпимости, развития навыков межнациональной коммуникации, решению проблем образования мигрантов будет способствовать обмену опытом между представителями науки, бизнеса, органов государственной власти. Мы должны стремиться к созданию отношений партнерства и предотвращать межнациональные столкновения.

Сейчас много и справедливо говорят об ошибках советской власти. Но мы помним, что в те годы, по существу, не было межнациональных столкновений. Надо признать, что в советские годы существовали эффективные программы интернационального воспитания. Нужно в полной мере учитывать опыт прошлого и вместе с тем учиться жить в новом обществе. Нужно учиться нацио-

нальной, конфессиональной и социальной толерантности.

© Игошев Б. М., 2007

Кошкарлова Н. Н.
Челябинск, Россия

РЕЧЕВЫЕ КОНФЛИКТЫ С УЧАСТИЕМ МИГРАНТОВ

Конфликты, как и любые социальные противоречия, являются формой реальных общественных связей, которые выражают взаимоотношения личностей, отношения социальных групп и общностей при несовпадении, несовместимости их потребностей, мотивов и ролей. Таким образом, можно утверждать, что конфликтные ситуации возникают во всех сферах общественной жизни. Особенно актуальным вопрос о рассмотрении конфликтных форм поведения, в частности, форм речевого поведения, становится при анализе процесса адаптации мигрантов в иноязычной среде.

Термин *речевой конфликт* трактуется нами как непонимание или дискомфорт в общении, спровоцированные природой языкового знака, вербальными или прагматическими причинами. При обосновании связи речевого конфликта и социальной парадигмы мы исходим из положения о том, что деструктивные формы общения имеют как языковые, так и экстралингвистические показатели. Другими словами, существуют собственно языковые условия порождения коммуникативного конфликта. Одновременно с этим специфика общения в рамках той или иной лингвокультуры накладывает отпечаток на возникновение конфликта в языке и речи и на существование форм толерантного коммуникативного поведения. При рассмотрении причин речевого конфликта необходимо учитывать социальные факторы, а вернее, социокультурные обстоятельства, определяющие поведение того или иного индивида в обществе. В этом случае, как отмечает Е.В. Харченко (2004), межличностный конфликт выводится на уровень столкновения двух разных культур, двух разных мировосприятий, а следовательно, и систем норм и ценностей. Д. Гудков (2003), говоря о коммуникативных неудачах при общении представителей разных культур, в числе прочих выделяет дискурсивные ошибки, которые вызваны не незнанием системы языка, а неверным использованием этой системы. Это обусловливается неведением того, что автор называет «инофоном» системы культурных норм и ценностей того общества,

на языке которого ведется общение. Е.В. Харченко (2004) такие причины возникновения проблем и конфликтов при межкультурной коммуникации называет несовпадением языковых сознаний коммуникантов.

З.И. Гурьева (2003) придерживается сходной позиции по вопросу выделения причин возникновения конфликтов во время общения представителей разных культур. Эти трудности автор объясняет следующим образом. Контактируя с чужой культурой, реципиент воспринимает ее через призму своей локальной культуры, чем в основном и предопределяется непонимание специфических феноменов незнакомой культуры. В рамках собственной культуры создается прочная иллюзия своего видения мира, образа жизни, менталитета и т.п. как единственно возможного и, главное, единственно приемлемого. Но только выйдя за рамки своей культуры, т.е. столкнувшись с иным мировоззрением, мироощущением, человек может понять специфику своего собственного сознания, увидеть различия или конфликт культур. Именно специфичность этих особенностей чужой культуры, по утверждению З.И. Гурьевой (2003), может стать причиной либо их неадекватной интерпретации реципиентом, либо их непонимания, либо полного игнорирования. З.И. Гурьева (2003) отмечает, что столкновение с чужой культурой носит двойственный характер. С одной стороны, она вызывает у реципиента ощущение странного, непривычного, малопонятного, поэтому естественно чувство недоверия, некоторой настороженности по отношению к ней. С другой стороны, она вызывает чувство удивления и интереса (и может быть, симпатии).

Таким образом, речевой конфликт является неотъемлемой частью процесса общения мигрантов к другой культуре. Не вызывает сомнения тот факт, что общение в целом, его конфликтный вид в частности, будет определяться личностной, социальной и национально-культурной парадигмой. Педагоги, психологи, лингвисты в ходе адаптации представителей иной нации в непривычной для них среде должны ответить на вопросы: в чем лежат причины речевого конфликта? Как исправить положение дел или, по крайней мере, взять под контроль это деструктивное явление?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гурьева З.И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: к созданию интегративной теории (на материале текстов на русском и английском язы-

ках). – Дис. ... доктора. филол. наук. – Краснодар, 2003. – 446 с.

Гудков Д. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003.

Харченко Е.В. Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных стратах. – Дис. ... доктора филол. наук. – Москва, 2004. – 470 с.

© Кошкарова Н. Н., 2007

Кусова М. Л.

Екатеринбург, Россия

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В современной российской школе изучение русского языка традиционно занимает особое место, что обусловлено функциями языка, его ролью в процессе учебной деятельности. В связи с миграционными процессами эта роль еще более актуализируется, т.к. существенно дополняется перечень компетенций, формируемых на уроках русского языка: учащиеся овладевают русским языком как языком межкультурной коммуникации, становятся особенно значимыми культуроведческая и лингвокультурологическая компетенции. Появление новых задач в содержании языкового образования обостряет множество методических проблем, важнейшими из которых являются следующие: отсутствие языка-посредника при обучении русскому языку детей мигрантов, отсутствие методического обеспечения данного обучения.

Остановимся подробнее на характеристике каждой из обозначенных проблем. Сегодня в методике определены принципы обучения русскому языку детей мигрантов в полиэтническом пространстве: личностно-ориентированный подход, коммуникативная направленность обучения, взаимосвязанное обучение всем уровням языковой системы, личностно-ориентированное обучение. Специалистами разработано содержание обучения русскому языку как иностранному, имеется методика обучению русскому языку в национальных школах. Однако существующие методики обычно ориентированы на то, что ребенок изучает другой язык с опорой на родной язык, который выступает в данном процессе в качестве посредника, а обучение русскому языку ведется в классах, где обучаются дети – представители определенного этноса.

При обучении русскому языку детей мигрантов в российской школе использование языка-посредника практически невозможно,

а в рамках школьного урока исключено. Содержание школьных учебников по русскому языку ориентировано прежде всего на тех учащихся, для которых русский язык является родным. Это содержание в силу объективных причин выстроено без учета особенностей обучения в полиэтническом классе, в том числе без учета специфики обучения русскоязычного ребенка в полиэтническом пространстве.

Сказанное позволяет утверждать, что проблему обучения русскому языку детей мигрантов нужно решать, опираясь на различные виды деятельности и используя различные формы обучения. Необходимы дополнительные курсы, обеспечивающие адаптацию детей мигрантов в русскоязычной речевой среде. В отличие от школьного курса русского языка на дополнительных занятиях по русскому языку должны доминировать практические задачи: обогащение лексикона детей лексическими единицами русского языка, овладение грамматикой. Обогащение лексикона учащихся разных возрастных групп ведется с учетом постепенного расширения тезауруса: от лексики бытовой, обозначающей предметы и явления в ближайшем окружении, учащиеся идут к овладению лексикой, связанной с более отдаленными предметами и явлениями, от лексики конкретной – к лексике обобщенной и т.д. Обеспечивая уровень первоначального говорения, педагоги обращаются к материалу русских народных сказок, тексты которых позволяют реализовать такой дидактический принцип, как многократное повторение. Известно, что для усвоения единицы языка необходимо ее воспроизведение пять-девять раз (семь плюс-минус два). В русских народных сказках заложено такое повторение и лексических единиц, и грамматических конструкций. Грамматическая конструкция всякий раз воспроизводится с новым лексическим наполнением, а лексическая единица оказывается в новом контексте.

Высоко оценивая потенциал русских народных сказок в процессе обучения русскому языку в полиэтническом пространстве, мы понимаем, что возможности их использования ограничены. Неограниченными возможностями в плане обучения русскому языку в полиэтническом пространстве обладают компьютерные технологии. Именно компьютерные технологии последовательно обеспечивают реализацию дифференцированного подхода, что даст возможность в содержании обучающих программ ориентировать-

ся на ученика, носителя русского языка, и на ученика, для которого русский язык является неродным. При этом учитывается разная степень владения русским языком. Компьютерные технологии позволяют также обеспечить следующие принципы, значимые для обучения русскому языку в полиэтнической среде: адекватность в отборе материала, вариативность, привлекательность, многократную воспроизводимость, возможность постоянного мониторинга.

Мы полагаем, что внедрение новых технологий обучения повысит интерес к русскому языку не только детей мигрантов, но и учащихся, носителей русского языка, обеспечит условия для функционирования русского языка как языка межкультурной коммуникации.

© Кусова М. Л., 2007

Кушнерук С. Л.

Челябинск, Россия

РУССКИЙ ЯЗЫК

НА РЕКЛАМОНОСИТЕЛЯХ:

проблемы аккультурации мигрантов

В условиях, когда многочисленные мигранты, добровольно или вынужденно меняют место жительства и переезжают в Россию из самых разных государств, особого внимания заслуживают процессы аккультурации, которая предполагает достижение совместимости с «чужой» культурой. Целью аккультурации считается интеграция культур, дающая в результате «бикультуральную или мультикультуральную личность» [Садохин 2004: 117].

Серьезной трудностью для мигрантов является не только изучение иностранного языка, но усвоение «культурно-национальных коннотаций» (В. А. Маслова, В. Н. Телия), воплощенных в содержании языковых знаков, которые аккумулируют мировидение народа.

«Культуроносные» знаки повсеместно передаются рекламой по различным каналам распространения, начиная с рекламно-коммерческих листовок, проспектов, буклетов и заканчивая билбордами, растяжками, щитами, а также рекламой на транспорте, в бесплатных газетах и журналах, предъявляемых на улице, в метро, магазинах, кафе, ресторанах. В числе трансляторов культурно-значимой информации, представляющих особые трудности для понимания мигрантов, можно выделить следующие языковые единицы.

1. Прецедентные имена – «воплощенные» имена собственные. В семантике ПИ

широко представлена энциклопедическая информация, благодаря которой активизируются многомерные связи культурно-исторического и социального характера, отражающие систему приоритетов народа. Если восприятие имен, входящих в универсальное когнитивное пространство (например, политиков – Дж. Буш, В. В. Путин, актеров – Дж. Лопес, М. Белуччи, певцов – Б. Спирс, Ф. Меркьюри, спортсменов – М. Шарпова, М. Шумахер и др.), не создает проблем для понимания, то национально- и социумно-прецедентные имена в большинстве случаев мигрантам не известны. Так, элемент языковой игры – «Крокодил Гена возвращается! Кожа во всех цветах, фактурах и обработках переживает второе рождение» – в рекламе новой коллекции будет утрачен, если адресат не имеет представление о персонаже, придуманном Э. Успенским.

2. **Прецедентные тексты** – к ним могут быть отнесены не только произведения художественной литературы, но и тексты песен и рекламы («Летайте самолетами «Аэрофлота», «Ваша киска купила бы «Вискас!»). Последние отличаются частой сменяемостью и, следовательно, неустойчивостью во времени, что в значительной степени затрудняет их «узнавание» в иных рекламных контекстах. Ср.: Заголовок «Есть идея получше!» (Банк «Уралсиб») ассоциируется с телерекламой жевательной резинки.

3. **Языковые афоризмы**, или широко известные фразы, извлекаемые из памяти (в рекламе могут быть представлены в исходном и трансформированном виде).

а) фразеологизмы, в том числе пословицы и поговорки. Они придают рекламному тексту повышенную выразительность, призывают участвовать в разгадке прозрачного для носителя культуры ребуса. Ср.: трансформация пословицы «Береги честь смолоду»: «Береги ноги смолоду» (мед. препарат), «Береги руки смолоду» (растворитель).

б) прецедентные высказывания – цитаты, вошедшие в речевую практику из литературных источников, кинофильмов, мультфильмов, песен, а также изречения исторических лиц. Услуги массажа: «Какой эффект, какой массаж!» (Ср.: «Какой портрет, какой пейзаж...», песня, муз. Р. Паулса). Тур. поездка: «Девчонки и мальчишки, а также их родители, в весенние каникулы на отдых не хотите ли?» (Ср.: «Мальчишки и девчонки, а также их родители, веселые истории уви-

деть не хотите ли?», «Ералаш»). Посуда: «Самовар – это звучит стильно!» (Ср.: «Человек – это звучит гордо», М. Горький).

в) политические лозунги. В рекламе компьютеров – «Ты СРАВНИЛ ЦЕНЫ?» – вместе с изображением эксплуатируется призыв «Ты записался добровольцем?», запомнившийся соотечественникам благодаря плакату Д. Моора (1920).

4. **Жаргонизмы**, восходящие к молодежному сленгу, которые возникают в результате переосмысления, метафоризации, звукового искажения, а также активного освоения иноязычных слов и морфем. Ср.: подписка на журнал: «Такая халява, что закачаешься! Хочешь много, сразу, дешевле + халяву? Смотри сюда!»; услуги тур. фирмы: «Грандиозная тусовка на берегу моря!!! МОЛОДЕЖНЫЕ ПРОЕКТЫ НА ЧЕРНОМ МОРЕ. Моремся по Черному». Использование жаргонизмов в рекламе ориентировано на установление границ целевого сегмента, отделение «своих», т.е. молодежной аудитории, от других групп потенциальных потребителей.

5. Интерпретация **историзмов**, появление которых в отечественной рекламе свидетельствует о переоценке ценностей, восхвалении качества, ассоциируемого с царской Россией, может осложняться отсутствием знаний соответствующих исторических реалий. Водка: «Государев заказ. Государево качество. Жалую бояр кубками драгоценными, а гостей – водкой доброй да исправной. На качестве не экономить! Иоанн Грозный».

Думается, что одним из способов преодоления трудностей, с которыми сталкиваются мигранты при восприятии культурно-значимых элементов, тиражируемых современной рекламой, является формирование лингвострановедческой компетенции. Это, в свою очередь, предполагает отбор языковых единиц, входящих в когнитивную базу представителей российской лингвокультуры, и изучение их в ситуациях употребления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1990.

Садохин А. П. Межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. – 288 с. © Кушнерук С. Л., 2007

Ли Минь
Чанчунь, Китай
КИТАЙСКАЯ И РОССИЙСКАЯ

КОММУНИКАТИВНЫЕ КУЛЬТУРЫ:

к проблеме межнациональной адаптации

«Коммуникативное сознание – это совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека... Языковое сознание (речевое мышление) – это совокупность знаний и мыслительных механизмов, обеспечивающих порождение, восприятие речи, хранение языка в сознании» [Стернин 2002]). Коммуникативное сознание россиянина (совокупность знаний о том, как надо вести коммуникацию в России) и коммуникативное сознание китайца, проживающего в России, являются далеко не тождественными в аспекте составляющих коммуникативное сознание ментальных категорий. Это происходит прежде всего из-за разницы восточной и западной культур, из-за различий в менталитете, образе жизни, полученном человеком воспитании и образовании и др. Такая дифференциация и является первопричиной адаптационных проблем китайцев, работающих в России. Попробуем кратко охарактеризовать эти проблемы, обобщенные методами самоанализа и самонаблюдения автора публикации (Ли Минь, преподаватель китайского языка в Институте международных связей города Екатеринбурга, в России 1 год, общий стаж преподавательской работы около 7 лет, в Китае работала с русскими студентами-стажерами).

Языковые проблемы связаны с различиями на всех уровнях языковых систем.

Традиционные для китайцев трудности произношения звуков Р, Л, Ч, Щ.

Трудности словоизменения, особенно склонения причастий.

В известной степени ограниченный, даже для человека, изучавшего русский язык, лексический и грамматический тезаурус.

Трудности, связанные с порождением речи: объяснение на занятиях русским студентам особенностей китайской фонетики, лексики, грамматики.

Трудности, связанные с восприятием речи, и в первую очередь, сложных синтаксических конструкций, периодов.

Что касается собственно коммуникативных проблем, то трудности адаптации были связаны не с конфликтными ситуациями обиходно-бытового и профессионального общения, а с ситуациями этикетными и национальными традициями. Охарактеризуем некоторые из них.

Этикетные ситуации (обращения).

«В русском речевом этикете обращение по должности, профессии, социальному статусу употребляется крайне ограниченно.

Для обращения в рамках китайской коммуникативной культуры при обращении очень важно знать о профессии, должности и социальном статусе собеседника, поскольку эти факторы релевантны для обращения... Чтобы избежать сложностей в этом случае, китайцы используют обращения по профессиям и должностям вместо имен, особенно в профессиональной сфере. Вот почему китайские слова «преподаватель», «доктор», «режиссер», «ректор» и т.д. используются как этикетные обращения и на работе, и в повседневной жизни как между малознакомыми, так и между близкими людьми» [Суй, Сяо Бо, Лысакова 2003].

Трудности адаптации автора данной публикации к русским формам обращений были связаны и с указанной выше причиной, и с непривычной для китайцев длинной формой обращения по имени и отчеству. Кроме того, вызвали недоумение принятые в обиходно-бытовом общении формы русских обращений по полу и возрасту («женщина», «мужчина», «мальчик», «девушка», «бабушка» и т.д.)

Адаптационные трудности обусловлены и формой обращения к студентам (в Китае преподаватель обращается к студенту только на «ты», а русский этикет требует обращения к студентам на «вы»).

Коммуникативное сознание китайцев требует адаптации к ряду этикетных ситуаций, например, к ситуации извинения. Китаец, как правило, при извинении акцентирует причины своей ошибки – россиянин же часто извиняется без объяснения причин, что воспринимается как неуважение.

Национальные традиции (день рождения).

Адаптационные трудности связаны прежде всего с различной символикой подарков. В Китае на день рождения принято дарить четное количество цветов, в России – нечетное. Нечетное количество цветов воспринимается китайцами как символ одиночества, а четное – как символ какого-либо хорошего дела в паре. В Китае принято дарить еду, которая тоже имеет символическое значение и дифференцируется по возрасту, чего нет в русской культуре. Так, людям любого возраста преподносят яйцо (символ баловня судьбы, счастливого случая). Пожилым и старым людям преподносят лапшу как символ долголетия, а также сделанные из

теста или настоящие персики, которые также символизируют пожелание долгой жизни.

Национальная пища (пельмени)

Адаптация в данном случае связана не только с различными способами приготовления этого блюда (русские и китайские пельмени различаются по форме, фаршу, приправам), но и с символичностью этого блюда в китайской культуре (в русской культуре пельмени являются лишь своеобразным символом определенного региона России – Урала, Сибири). Для китайцев же традиционные пельмени символизируют здоровье, и прежде всего для детей в семье. Если же в семье пока нет ребенка, пельмени едят для того, чтобы он непременно появился. Внутрь пельменя можно положить монетку или добавить сахара в фарш. Тогда тот, кому попадется такой сюрприз, найдет богатство и удачу в Новом году.

В целом «китайская культура относится к числу культур высококонтекстных, поведение представителей которых (в том числе и речевое), определяется контекстом, то есть ситуацией общения» [Карлик 2003]. Русская же культура, на наш взгляд, скорее, низкоконтекстна, и коммуникативное поведение ее представителей гораздо более индивидуализировано, чем поведение китайцев. С областью достаточно выраженной оппозиции «общество, система, традиция» – «индивидуум» связан, как мы считаем, широкий круг адаптационных проблем. Последние, несомненно, требуют углубленного изучения и создания на этой основе практических рекомендаций, которые будут способствовать взаимопониманию людей разных национальностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Карлик Н.А. Особенности коммуникативного поведения китайских студентов // Коммуникативные исследования, 2003. Воронеж-Ярославль, 2003.

Стернин И.А. Коммуникативное поведение и национальное коммуникативное сознание // Язык и национальное сознание. Воронеж, 2002.

Сюй Сяо Бо, И.П. Лысакова. Национальная специфика языковой объективации категории «вежливость» в русской и китайской коммуникативной культурах // Коммуникативное поведение. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж, 2003.

© Ли Минь, 2007

Нахимова Е. А.

Екатеринбург, Россия

ДИСКУССИЯ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ

ОБУЧЕНИЯ МИГРАНТОВ: МЕТАФОРЫ И ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ

В условиях современной России все чаще и острее поднимаются проблемы организации обучения детей из семей мигрантов. Эти же проблемы уже много лет служат предметом острых дискуссий в американском обществе. Материалы этих дискуссий уже неоднократно привлекали внимание американских ученых. Детальный анализ американских образовательных метафор представлен в публикациях профессора Отто Санта Анна – заведующего специальной кафедрой, занимающейся изучением языка, культуры и психологии «чиканос» (иммигрантов из Латинской Америки) Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе. Представляется, что американский опыт организации обучения иммигрантов и даже американское обсуждение проблем образования для иммигрантов может вызвать значительный интерес в современной России.

По данным О.Санта Анна, для исследования указанных проблем американские специалисты используют преимущественно два метода – критический анализ дискурса и когнитивную теорию метафоры.

Основные проблемы образования метафор и их метафорическое представление.

1. Соотношение обучения на государственном языке и на родном языке. Одни специалисты считают, что надо использовать только государственный язык. Тогда дети его быстрее освоят и станут полноценными членами общества. Другие специалисты считают, что часть уроков, особенно в младших классах, надо проводить на родном языке. Нельзя вести обучение исключительно на государственном языке до тех пор, пока дети его полностью не освоят.

2. Совместное или раздельное обучение детей-иммигрантов и детей, для которых государственный язык является родным. Одни участники дискуссий требуют раздельного обучения, которое позволяет в большей степени учесть уровень владения государственным языком. Другие специалисты считают, что все дети должны учиться вместе. Тогда иммигранты быстрее освоят государственный язык; одновременно будут формироваться навыки межкультурной коммуникации и воспитываться взаимная толерантность.

3. Американское общество использует три продуктивные концептуальные метафоры для характеристики государственного образования. Первая доминирующая метафора ШКОЛА – это ФАБРИКА, вторая мета-

фора УЧЕБНЫЙ ПЛАН – это ДОРОГА, а третья СОЦИАЛИЗАЦИЯ – это РЕКА.

Метафоры со сферами-источниками «Дорога» и «Река», казалось бы, очень похожи. Некоторые концептуальные значения метафоры РЕКА близки к значениям метафоры ДОРОГА, т.к. река – это в какой-то мере водная дорога. Обыденное понимание реки включает в себя спокойный поток, на пути которого встречаются повороты и преграды, мешающие путешественнику двигаться вперед по течению.

Вместе с тем нужно отметить и различия этих метафор. Река самостоятельно направляет всех путешественников по течению, а движение по дороге определяется волей путника.

Метафора РЕКИ способствует созданию образа потока, течение которого перемещает учащегося. Но река может унести его в разных направлениях. С одной стороны, главный поток выносит путешественника на стремнину, где поток воды сильный и направление строго определено. Любой, кто попадает в главное течение реки, будет плыть дальше гораздо быстрее. Напротив, та же самая река течет медленнее в мелководном месте. Берега реки окружены песчаными островами и заливами. Продвижение ребенка, дрейфующего в этих расщелинах, медленнее и безопаснее.

Личное желание не является составляющей метафоры РЕКИ в отличие от метафоры ДОРОГА. Каждый перемещается в потоке. Таким образом, основной образовательный поток не предполагает таких понятий, как настойчивость, талант или амбиции, которые являются необходимыми составляющими метафорической модели УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА – ДОРОГА. Вместо этого индивидуумы достигают различных мест назначения в зависимости от их положения в потоке реки. Узкие и глубокие каналы выносят детей быстрее и дальше тех, которые движутся медленнее по каналам широким и неглубоким.

Метафора реки имеет и другие следствия. Если река быстрая и узкая, дети движутся быстрее и, в конечном счете, попадают в основной поток. Если же река медленная, то их вхождение будет неполным. Это символ вхождения в американское общество посредством полученных знаний. После того как учащиеся повзрослели, получили общие знания об англо-американской культуре и более или менее сформированные представления о мире, они молчаливо принима-

ют все каноны, священные национальные мифы и традиционную историю. Метафора РЕКИ характеризует процесс социализации, который превращает зарубежных учащихся в американских тинэйджеров, которые в дальнейшем формируют традиции, ценности и обыденные взгляды на общество, нацию и мир.

Государственные школы воспитывают таких членов американского общества, которые в дальнейшем, вероятно, найдут свое место в жизни. В зависимости от положения учащихся в школе метафора РЕКИ сообщает об их предназначении для американского общества. Подавляющее большинство детей иммигрантов не относятся к основному потоку. Соответственно, они займут невысокое место в американском обществе. Эти учащиеся узнают, что общественная деятельность, доступная для них, ограничена. Взрослея, такие дети легко принимают идеологию существующего порядка, включая отношения, которые предполагают социальную несправедливость, связанную со статусом меньшинства. Если они откажутся от всего этого и уйдут из школы, отношение к ним будет еще хуже, чем к тем, кто получил образование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Санта Анна О. Что посеешь, то и пожнешь: Метафорический анализ образовательного дискурса Америки // Политическая лингвистика. 2007. – № 2 (22).

Santa Ana O. Brown tide rising: Metaphors of Latinos in contemporary U.S. public discourse. Austin: University of Texas Press, 2002

Santa Ana O. Book review of Shifting borders: Rhetoric, immigration, and California's Proposition 187, K. Ono and J. Sloop (2002). Philadelphia: Temple University Press // *Aztlán: A Journal of Chicano Studies*. 2003. Vol. 28(2). P. 249–258.

© Нахимова Е. А., 2007

Новикова О. Ю.

Екатеринбург, Россия

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ЯЗЫКЕ

(концепция Вильгельма фон Гумбольдта)

Проблема взаимоотношения языка, культуры и народа не нова. Задолго до становления лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины, исследующей отражение культуры народа в языке, многие выдающиеся исследователи обращались к проблемам взаимодействия языка, культуры и цивилизации, проявлению национального самосознания в языке.

Ряд положений концепции известного немецкого лингвиста и философа В. фон Гумбольдта утратили своей актуальности и сегодня. Это: 1) язык как проявление духа народа; 2) воздействие цивилизации, культуры и образования на язык; 3) взаимодействие между индивидами и нациями и влияние истории на язык.

Гумбольдт отвергает идею о происхождении языка как удовлетворении потребности в общении. Он рассматривает языки разных народов как «работу духа, направленную на определённую цель». «Залогом успеха здесь может считаться мощь воздействующего на язык духовного начала вообще, а также его собственная предрасположенность к языкотворчеству – например, исключительная яркость и наглядность представлений, глубина проникновения в суть понятия, <...>, живость и творческая сила воображения, ... Помимо этого, надо учитывать ещё и особенности традиции, и свойства момента, который переживается народом в эпоху важных языковых преобразований. Язык, по мнению Гумбольдта, прежде всего, необходим для развития духовных сил человека и формирования мировоззрения, «а этого человек только тогда сможет достичь, когда своё мышление поставит в связь с общественным мышлением» [Гумбольдт 2001: 51].

В. фон Гумбольдт не отрицает влияния культуры и цивилизации на развитие языка, но предостерегает от излишнего обобщения. «Очень распространено представление, что своими достоинствами и своим развитием языки обязаны цивилизации и культуре, как если бы дело шло только о различии языков высокоразвитых и малоразвитых народов. Но если справиться у истории, то подобная власть цивилизации и культуры над языком никоим образом не подтвердится». Однако полностью отрицать влияние культуры и цивилизации на язык нельзя: «В той мере, в какой цивилизация и культура приносят извне или развертывают из глубин народной жизни прежде неизвестные понятия, мнение о зависимости языка от культуры безусловно верно» [Гумбольдт 2001: 57].

Оригинален взгляд Гумбольдта на образование. «Но когда, не пользуясь заимствованиями из латыни, мы говорим об *образовании*, то подразумеваем нечто более высокое и вместе с тем более интимное, а именно строй мысли, который питается знанием и пониманием всех доступных человеку интеллектуальных и нравственных устремле-

ний, гармонически преобразует восприятие и характер отдельной личности или целого народа» [Гумбольдт 2001: 59].

История рассматривается В. фон Гумбольдтом как непрерывная смена поколений, каждое из которых обладает определённым укладом интеллектуального и чувственного восприятия. «Поскольку языки или хотя бы их элементы передаются от одной эпохи к другой, постольку отношения прошлого к современности пронизывает языковой строй до самых глубин, ведь язык есть вместе с тем и определённый уклад интеллектуального и чувственного восприятия, и этот уклад, доставаясь народу от отдалённых эпох, не может воздействовать на народ без того, чтобы не сказаться на его языке» [Гумбольдт 2001: 63].

Отдельный человек всегда связан со своим народом, с расой, к которой он принадлежит, а генетическая память поколений определяет народное самосознание. «Позднейшие поколения, особенно благодаря совершенствованию способов сохранения сведений о прошедшем, являются как бы зрителями в театре, на сцене которого разворачивается богатая, чем их собственная жизнь и более яркая драма. Неудержимый поток событий влечет поколения то через более смутные и роковые, то через более светлые и легче переживаемые периоды» [Гумбольдт 2001: 62]. Соприкосновение народов и рас, всякий раз вызывающее вместе с тем и их обособление, зависит, конечно, прежде всего от хода исторических событий, большей частью уже от самого свойства мест обитания и путей переселения народов. Но если даже исключить всякое влияние внутренних, просто инстинктивных сближений и отталкиваний между нациями, все равно любой народ можно и нужно рассматривать как человеческую индивидуальность, направившуюся по самобытному духовному пути. «Как человеческие индивиды силою своей самобытности придают человеческому духу новый размах в движении по дотолем непроторенному пути, так действуют и народы в своем языкотворчестве <...> Народ и язык тесно взаимосвязаны и «Язык есть как бы внешнее проявление духа народа: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт 2001: 68].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вильгельм фон Гумбольдт Избранные труды по языкознанию. Перевод с нем. яз. под. ред.

д.ф.н., проф. Рамишвили, 2-е изд. Москва, изд. группа «Прогресс», 2001 – 400с.

© Новикова О. Ю., 2007

Соколов Е. В.

Нижний Тагил, Россия

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ

Социокультурные и психологические проблемы, которые испытывают мигранты в адаптационный период гораздо шире, нежели их простое сведение к «культурному шоку». Период адаптации не имеет четких временных границ, однако характеризуется следующими факторами: сепарация, ассимиляция, интеграция и маргинализация.

Сепарация заключается в некотором отдалении от своей культуры и полному приобщению к культуре другой страны. Ассимиляция – это стратегии приобщения своего культурного наследия и его приспособления к чужой культуре. Интеграция включает в себе сочетание обеих культур, в то время как маргинализация, напротив, заключается в отвержении как своей, так и чужой культуры. Причем последняя стратегия (маргинализация) ведет к серьезному психологическому кризису: депрессиям, психическому расстройству и т.д.

Социальная адаптация мигрантов протекает на двух уровнях – институциональном и личностном одновременно. На институциональном уровне адаптация отражает моменты, связанные с государственной потребностью в самосохранении, жизнедеятельности, развитии. На личностном уровне социальная адаптация отражает как генетическую связь с общебиологическими процессами, так и связь с процессами социально-психологическими, которые формируются в процессе индивидуальной жизнедеятельности личности.

Рассмотрение социальной адаптации на двух уровнях приводит нас к пониманию того, что, с одной стороны, это явление предстает как универсальный процесс приспособления людей в социуме, определяющийся институциональным уровнем и объективирующий отношения личности и среды посредством активной деятельности. С другой стороны, – как внутренне мотивированный процесс, который побуждает человека к активной деятельности, сохраняя то социальное в человеке, которое субъективирует социальные отношения на уровне личности. Таким образом, адаптация мигрантов – это процесс приспособления (ассимиляция, о

которой говорилось выше) и психологический феномен: уровень притязаний личности, ее ценностные ориентации.

Успешность процесса адаптации зависит от возрастных особенностей, уровня образования, а порой и гендерного аспекта.

В процессе адаптации к проживанию в России мигранты переживают культурную дистанцию, то есть «отдаление» от других вследствие истинного или мнимого различия в образе жизни, системе ценностей и установок, взглядов, оценок и т.д.

Толерантность мигранта к культуре России, способность интегрировать наследие своей страны и России зависит от его демократического воспитания, близости традиций, предпочтение традиций русского населения, особенности характера и личности, первичность благоприятных социальных условий на вопросами культурных предпочтений (уровень жизни важнее различий в традиции).

Успешность социокультурной адаптации зависит от комплекса политических и организационных мер законодательного и административного характера.

Важными факторами адаптационных процессов становятся социальные и социокультурные характеристики принимающей стороны, ее ценностно-нормативные основания, ментальность и культура толерантности, толерантная готовность к взаимодействию с «иноковостью», другими, чужими.

Процесс социальной адаптации мигрантов будет зависеть от следующих объективных условий – социальное, культурное, политическое и экономическое состояние общества, тип этого общества, а также административно-правовые, социально-демографические условия, сложившиеся на принимающих территориях.

Для мигрантов «вливание» в культурное пространство России начинается не с посещения музея или осмотра достопримечательностей города, а с общения с жителями. Приоритетными в данном направлении становятся задачи всестороннего информирования населения о проблемах мигрантов и их возможностях, создание специальных каналов или передач, направленных на ослабление алармистских настроений и борьбу с дезинформацией, создание культурно-просветительных центров с возможностью изучения русского языка и организации культурно-массовых мероприятий в рамках русской традиции.

© Соколов Е. В., 2007

Тагаев М. Д.
Бишкек, Киргизия

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ВХОЖДЕНИЯ И АДАПТАЦИИ КИРГИЗОВ-МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

В силу различных социально-экономических обстоятельств около 800 тыс. мигрантов из Кыргызстана работает в РФ, что делает особенно актуальной проблему их адаптации к российской действительности. Экономический спад в Кыргызстане и, как следствие, увеличение числа безработных усиливает тенденцию к росту миграционных процессов в другие страны, особенно в РФ. В большинстве случаев процесс миграции из Кыргызстана в Россию носит стихийный характер. Многие из выезжающих не владеют практическими навыками русской речи, имеют весьма отдаленное, а зачастую превратное представление о русской культуре.

Между тем, как показали социологические опросы среди мигрантов-киргизов, владение русским языком и приобщенность к русской культуре, понимание и усвоение ценностей русского человека, мотивов его поведения является одним из главных условий их успешной социализации. Наличие данных компонентов позволяет мигранту:

- облегчить процесс взаимопонимания между представителями разных культур;
- более глубоко усваивать основные положения российского законодательства о миграции и другие правовые документы;
- знать свои обязанности, отстаивать свои права, защитить свою честь и достоинство в административных учреждениях и силовых структурах;
- легче решать свои бытовые проблемы;
- получить более престижную и высокооплачиваемую работу;
- повышать свою квалификацию и создавать условия для карьерного роста;
- получить качественное профессиональное образование на русском языке;
- обрести российское гражданство.

В последние два десятилетия в Кыргызстане складывается не совсем благоприятная ситуация с изучением и владением русским языком представителями нерусской национальности. Следует констатировать, что за эти годы выросло целое поколение, которое не владеет навыками активной русской речи. Они составляют более 70 % сво-

их сверстников. Они и составляют основную массу мигрантов из Кыргызстана в Россию.

Причиной возникновения такой ситуации стал ряд факторов, а именно:

- сокращение в школах количества часов, отводимых на изучение русского языка;
- вымывание на местах прежнего русскоязычного окружения и моноэтнизация населения;
- слабая учебно-методическая обеспеченность учебного предмета «русский язык»;
- уход квалифицированных учительских кадров в другие сферы производства.

Это приводит к тому, что проблемы киргизских мигрантов начинаются еще на родине, и кроются они прежде всего в незнании русского языка, ценностей русской культуры и законов Российской Федерации. Их положение усугубляется еще и тем, что основная часть мигрантов едет работать, не владея соответствующей квалификацией. Все эти и другие проблемы мигрантов необходимо решать на месте, до их выезда по месту работы.

В настоящее время решается вопрос об открытии при Киргизско-Российском Славянском университете Центра русского языка для стран Центральной Азии. Одним из направлений его работы могло бы стать решение вопросов об адаптации трудовых мигрантов к российской действительности. В частности, в поле деятельности Центра можно включить:

- обучение русскому языку, формирование и совершенствование активной русской речи мигрантов;
- активное формирование культурно-языкового пространства русского языка в языковом сознании мигранта;
- получение мигрантами лингвострановедческих знаний о РФ, включая знания о субъекте РФ, куда выезжает мигрант;
- изучение миграционного законодательства РФ, получение элементарных знаний по паспортно-визовому режиму страны пребывания, составлению трудовых соглашений;
- приобретение востребованными в РФ специальностями, совершенствование профессиональных навыков и повышение квалификации;
- подготовка к поступлению в профессиональные учебные заведения, вузы РФ;
- регулирование миграционных потоков (по согласованию с посольством РФ в Кыргызстане и запросам субъектов РФ, нуждающимися в притоке трудовых ресурсов).

В свою очередь, необходимо решать проблему адаптации и в другом аспекте. Для того чтобы трудовые мигранты не ощущали духовной оторванности от своей Родины, родных и близких, необходимо создавать в местах компактного проживания мигрантов национальные культурные центры. На их базе будут работать и курсы русского языка, продолжится процесс межкультурного взаимодействия, будет оказываться правовая помощь мигрантам.

В заключение отметим, что процессы адаптации мигрантов требуют комплексного подхода, требующего учета языковых, правовых, профессиональных, психологических и ряда других аспектов.

© Тагаев М. Д., 2007

Шарафутдинов Д. Р.
Екатеринбург, Россия

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Современный русский язык является одним из крупнейших в мире региональных средств межэтнического общения. Данная функция русского языка обладает особой геополитической значимостью. Наряду с другими факторами, функционирование в качестве инструмента межэтнического общения на обширном евразийском пространстве и в течение длительного времени не только обусловило нетривиальность современного положения самого русского языка в мировой «лингвистической иерархии», но и способствовало усилению позиций России и русской культуры в мире. В частности, благодаря данной функциональной особенности русский язык в настоящее время входит в число крупнейших языков планеты, является полноправным участником так называемого «клуба мировых языков».

Вместе с тем в последние десятилетия социальное положение русского языка в мире в целом существенно осложнилось. При этом в разных регионах проявились принципиально различные тенденции: в самой Российской Федерации положение русского языка характеризуется значительной стабильностью, устойчивостью; в других постсоветских (исключая Белоруссию) и восточноевропейских странах очевидна тенденция к ослаблению социальных позиций русского языка, проявляющаяся во многих важнейших сферах общественной жизни, в том числе в

области государственной образовательной политики, в деятельности СМИ и – отчасти – в сфере межэтнического общения. В некоторых государствах постсоветского пространства (Украина, республики Балтии и др.) в течение уже многих лет существует специфическая ситуация расхождения юридического и фактического аспектов социального положения русского языка, принципиального несоответствия официального статуса русского языка его реальной роли в жизни общества.

Сохранению и тем более усилению влияния русского языка в современном мире за рубежами РФ могут способствовать различные факторы, генеральным среди которых является фактор общей «привлекательности» России для жителей зарубежных стран. Современная Россия весьма привлекательна прежде всего в экономическом отношении для многих граждан стран СНГ, что обуславливает значительные масштабы соответствующей трудовой миграции, в том числе сезонной. Трудовая деятельность на территории РФ требует владения русским языком в той или иной степени. Свободное владение русским языком обеспечивает мигрантам разнообразные возможности социального роста в условиях России (в частности, возможности получения профессионального образования и карьерного роста), доступ к новейшим научно-техническим достижениям и т.п. Активизация обсуждаемых миграционных процессов в 1990-2000-е годы, в общем, способствует стабилизации социального положения русского языка в постсоветском пространстве, препятствует сокращению объемов его использования в межэтнической коммуникации. Если в Советском Союзе господствующее положение русского языка было закреплено законодательно (хотя и косвенным образом) и поддерживалось политически, то в настоящее время уровень популярности русского языка за пределами России определяется преимущественно обстоятельствами экономической и культурной жизни.

© Шарафутдинов Д. Р., 2007

Корина Эрве,
Париж, Франция

ADAPTATION DES IMMIGRÉS À LA CULTURE RUSSE

Tout individu, qui émigre, s'expatrie pour des raisons personnelles, politiques ou économiques, est à la recherche d'un quotidien meilleur. Dans l'hypothèse d'une immigration réfléchie, le migrant sait qu'il doit modifier son

comportement, ses habitudes de vie et même sa conduite psychologique. Dans l'hypothèse d'une immigration forcée par des facteurs divers, le migrant va subir cette insertion. Mais dans l'histoire de ces deux individus, cette acculturation est inévitable, et passe par le premier vecteur culturel qu'est l'apprentissage langagier. La langue est, dit-on, le reflet de la psychologie d'un peuple. Mais ce système d'expression avant tout oral est un moyen de communication commun à un groupe social. Il permet de se faire comprendre, premier objectif de l'immigré, et ensuite de comprendre.

Même si «le premier immigré demeure sa vie durant un homme de son pays d'origine», il sait que son intégration à une nouvelle nation est tributaire du langage. Cette initiation va le mettre en contact avec des individus, des us et coutumes, et des intelligences différents. L'usage d'une langue nouvelle et sa mise en pratique obligée lui permettront d'observer et d'appréhender les conventions et usages en vigueur, le système social.

L'individu immigré va être immergé dans un bain de langue parlée et de langue écrite, de sons, de code de vie. Cette immersion va contribuer à cette adaptation à la culture russe dont dépend son intégration. L'apprentissage et l'appréhension de la langue russe nécessitent, par la suite ou à la suite du vécu quotidien, des connaissances et acquisitions plus profondes, qui seront les «médiums» indispensables à une introduction à la littérature, l'art, l'histoire et la linguistique de cette langue. Le mot culture est en effet l'ensemble des aspects intellectuels propres à une civilisation, à une nation. Mais cette définition ne s'est-elle pas élargie en ce XXIe siècle et le véhicule premier de la Russie n'est-il pas le langage de son peuple qui transporte par ce biais culture populaire et traditions?

L'immigré en Russie, est comme tout immigré du monde, un individu en situation de fragilité psychologique. Peut-on dire que son intégration dépend avant tout de cet incontournable apprentissage à la langue dans ce nouveau pays d'accueil? Il ne sera jamais un citoyen russe intégral, comme il resterait, dans tout autre pays un étranger, un immigré. Mais de part cet effort de connaissance de cette langue russe il sera apprécié et respecté. La Russie est en cela caractéristique des grands pays ayant une tradition d'expansion culturelle: habituée à exporter sa production linguistique et culturelle, ayant créé sa propre aire linguistique, la population russe n'est pas habituée à la consommation généralisée de

produits culturels étrangers et l'apprentissage de sa langue devient alors le facteur nécessaire à tout début d'intégration dans la société.

Ce phénomène se retrouve aussi facilement dans d'autres pays aux conditions historiques et sociales similaires, comme le continuum linguistique anglo-américain, la France, l'Espagne ou encore le Brésil, devenu maintenant imperméable aux productions lusophones du Portugal de par sa masse critique suffisante. La mondialisation, qui affecte toute société, commence tout juste à faire ressentir ses effets dans ces espaces linguistiques dominants.

Dans de nombreuses sociétés, cette «intrusion» de langues étrangères dans l'espace privé ou local fait l'objet de débat: la mondialisation peut être perçue comme une menace pour la langue et l'immigrant comme un vecteur de cette menace. De nombreux pays d'Europe occidentale imposent maintenant des examens de langue pour tout candidat à la nationalité mais aussi à l'immigration. C'est le cas de pays pourtant habitués à la consommation de produits culturels particulièrement saillants de la mondialisation, comme les films américains en version originale, comme aux Pays-Bas, dont l'espace linguistique est relativement restreint.

C'est ainsi que les réactions divergent selon les conditions propres de chaque société: la Russie, pays d'immigration ancien, n'a pas ressenti le besoin d'imposer ces politiques. La confiance «naturelle» dans sa langue rendait l'apprentissage de celle-ci évidente. Le lecteur russe connaîtra bien évidemment le cas contraire de la Lettonie, où les politiques linguistiques en vigueur marquent une attitude opposée, teintée d'insécurité, avec des conséquences parfois dramatiques pour la personne désignée comme migrante. À noter que le contexte français évolue vers une position médiane, la langue française étant perçue comme menacée, malgré une position privilégiée à l'échelle mondiale.

Le débat se poursuit donc sur l'intégration linguistique de l'immigré. La mondialisation et ses corollaires culturels et migratoires sont porteurs de richesse pour le plus grand nombre mais aussi de tensions, exprimées dans la notion de «multiculturalisme» au sein d'une même nation. Cette problématique réveille ainsi l'enjeu que nous sommes tous appelés à relever, celle de la négociation individuelle et collective de l'enrichissement mutuel par la diversité dans le respect des sociétés dans

lesquelles nous sommes amenés à voyager et à vivre.

© Эрве Корина, 2007

Эрхардт Франк

Равенсбург, ФРГ

AUF DEM WEG ZUR RUSSISCHEN SPRACHE

Als ich im März dieses Jahres erfuhr, dass ich ab September in Russland leben und arbeiten würde, entschloss ich mich sofort mit dem Erlernen der Sprache zu beginnen. Das war nicht so einfach, Russisch-Unterricht für Erwachsene wird wenig angeboten, in den Regalen auch der guten Buchhandlungen findet man kaum Russisch-Lehrwerke. Russland- seine Sprache und Kultur- sind, das muss man leider feststellen, zur Zeit nicht „in“ bei den Deutschen. Ich selbst hatte ja wenigstens schon einige „emotionale“ Bezugspunkte: ich liebe die grossen russischen Schriftsteller des 19. Jahrhunderts und ich hatte einige Jahre in einem Chor mitgesungen, der die orthodoxe liturgische Kirchenmusik pflegte. Aber schnell merkte ich, wie wenig ich, nicht anders als die meisten Deutschen, über Land und Leute wusste. Und mit der Sprache hatte ich vor fünf Jahren schon einmal angefangen, aber aus Zeitmangel aufgegeben, wobei der wahre Grund eher war, dass mir diese Sprache mehr Hindernisse entgegensetzte, als ich von meinen bisher gelernten Sprachen (Latein, Altgriechisch, Englisch, Spanisch) gewohnt war.

Ich fand eine junge Weiss-Russin, die bereit war, mich zu unterrichten. Die erste Schwierigkeit bestand darin, ein geeignetes Lehrwerk zu finden, da ist die Auswahl nicht sehr gross und manches Buch wirkt veraltet. Da ist man von dem vielfältigen Angebot vor allem der Englisch-Materialien inzwischen doch sehr verwöhnt: aufgelockerte nicht zu lange Texte, viel farbige Abbildungen, abwechslungsreiche Aktivitäten, überwiegend kommunikativer Ansatz bei der Vermittlung. Nach dem ersten Versuch mit einem eher enttäuschenden Lehrwerk erinnerte ich mich an das Buch, mit dem ich vor fünf Jahren gelernt hatte und das mich begeistert hatte: Klutschki ist ein Buch, das die lernenden als selbstständig denkende Menschen ernst nimmt. Von Anfang an wird Wert gelegt darauf, Fragen zu stellen, eigene Vermutungen anzustellen, in der Fremdsprache frei zu kommunizieren. Nirgends wird der „Lernstoff“ nur „eingetrichtert“. Da meine Lehrerin auch den kommunikativen Ansatz vertrat, passte alles gut zusammen, um einen motivierenden Unterricht zu gestalten. Meine Begeisterung für den wunderbaren Klang der russischen Sprache und mein

Mut, mich auch mit unzureichenden sprachlichen Mitteln zu verständigen, wurden jedenfalls geweckt.

Natürlich waren die Schwierigkeiten nicht zu leugnen: zunächst musste die Schrift erlernt werden, sehr bald wurde ich mit den Tücken der Deklination der Substantive (und dann noch der Adjektive!) konfrontiert, die Konjugation der Verben schien zunächst einfach, als es sich nur um *dumatj* und *goworitj* handelte, bis immer mehr Verben auftauchten, wo sich Konsonanten und Vokale geheimnisvoll ändern, und als dann noch die zwei unterschiedlichen Aspekte ins Spiel kamen, war die Verwirrung gross. Und dann noch der ganz unvertraute Wortschatz, oft wusste ich nur, welche Laute in einem Wort wie z.B. *tschemodan* oder *otprawlenje* vorkamen, aber ihre Reihenfolge prägte sich mir lange nicht ein. Da half – und hilft meines Erachtens nur die gute alte Vokabel-Kartei, die ich in dieser Zeit ständig bei mir hatte und eifrig nutzte.

Seit meiner Ankunft in Russland habe ich zunächst einmal einen Rückschlag erlitten. Mein Lehrbuch und die Kartei liegen ungenutzt da. Es war wohl der Anfangs-Schock über das Auseinanderklaffen von realer und Lehrbuch-Sprache, der mich zunächst verstummen und das Wenige, das ich schon beherrscht hatte, vergessen liess. Offenbar ist das Umschalten vom visuellen Lernkanal auf den auditiven nicht problemlos.

Aber ich denke, das ist normal: nach den ersten vier Wochen, in denen ich mich wenig mit der Sprache beschäftigte (es gab ja so viele andere Aspekte des Einlebens zu bewältigen) beginne ich jetzt verstärkt, mehr und mehr sprachliche Stimuli aufzunehmen und zu verarbeiten: die Reklame in der Metro, Schlagzeilen in Zeitungen, aufgeschnappte Sätze von Passanten, Versuche, beim Kauf der Waschmaschine weitgehend ohne die „Kruske“ Englisch auszukommen. Und in diesen Situationen taucht dann das vorher Gelernte wieder auf und es ergeben sich Zusammenhänge.

Ohne einen systematischen Unterricht ist aber eine so formenreiche Sprache wie die russische nicht zu meistern, jedenfalls nicht von mir; gehöre ich doch nicht zu dem begnadeten auditiv geprägten Lerntyp, der die Sprache auf der Strasse über's Ohr aufnimmt. Also habe ich mir wieder eine Lehrerin gesucht und beginne demnächst wieder unter Anleitung Russisch zu lernen. Zur Sicherheit habe ich mir aber ein Lehrbuch gekauft, das von einem Amerikaner geschrieben ist, mit dem bezeichnenden Titel: *Learning Russian – The Complete Idiot's Guide*. Da kann ja nichts mehr schief gehen.

**Культурологические
и лингвокультурные
проблемы восприятия мигрантов**

Багичева Н. В.

Екатеринбург, Россия

**ИММИГРАЦИЯ ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ
«ДЕТЕЙ СЕМЬИ ЕДИНОЙ»**

Новый век по-новому обозначил старые проблемы взаимодействия культур на постсоветском пространстве. Казалось бы, внешне ничего не изменилось: взаимодействуют те же народы и культуры («пятнадцать республик – пятнадцать сестер»), да и территория взаимодействия по большому счету все та же («от Москвы до...»). Однако все чаще взаимодействие приобретает характер «взаимостолкновения» и «противостояния». Что произошло? Мы больше не хотим быть одинаковыми и «смугляво приятными», мы «беспощадно разделились» на своих и чужих. Из большой коммунальной квартиры мы разъехались по отдельным углам и не хотим терпеть у себя надоедливых дальних родственников: это раньше мы жили на одной ОБЩЕЙ территории, а сейчас у нас она у

каждого СВОЯ (*Нации как семьи. У каждого своя территория, можно ходить друг к другу в гости, но заселяться в чужую семью не надо* – здесь и далее курсивом – высказывания студентов).

На долю нынешнего молодого поколения выпало лицом к лицу встретиться с различными чуждыми для него культурами. Представители старшего поколения не имели опыта взаимодействия с мигрантами, приезжающими в страну на заработки. Да и само понятие «мигрант», как и стереотипный облик самого мигранта, достаточно новое. Для выяснения некоторых составляющих данного феномена культуры нами был проведен анкетный опрос (12 вопросов) самых ярких представителей молодого поколения – студентов 2–4 курсов педагогического университета города Екатеринбурга (86 человек, в основном девушки).

1. Мое отношение к людям другой национальности – гражданам России, не гражданам России.

Самый распространенный ответ: *С детства люди другой национальности вызывали у меня интерес. Всегда хочется узнать о какой-то новой культуре, другом мышлении. Каждой нации присущи свои отличительные особенности. Но для меня национальности не подразделяются на «плохие» и «хорошие». В каждой стране есть и законопослушные и преступники, безнравственные и люди с большой душой. Среди россиян ведь тоже есть люди, позорящие нашу нацию; Все зависит от личностных качеств человека, а не от его национальности.* Больше половины опрошенных высказали подобное мнение. Хочется думать, что такое отношение к представителям других национальностей досталось молодым по наследству от их родителей. Слово *нацмен*, кстати, для поколения *pehт* стоит в одном ряду со словами *бизнесмен, феномен, шоумен*. Однако не надо думать, что все так гладко (гладко не было и в советские времена). Только двое из опрошенных не продолжили свой ответ следующим образом: **Но это в том случае, если они не задевают нас, русских. Например, «хачики» с рынка и те таджики-узбеки, которые неуважительно относятся к русским, особенно к женщинам, меня раздражают Я их ненавижу; К другим национальностям отношусь нормально. Терпимо, если они не угрожают русской национальности; К людям других национальностей, не живущим в России, отношусь нейтрально – нет хороших или**

плохих национальностей. К людям других национальностей, которые являются гражданами России, отношусь положительно, к людям, кто не является гражданами моей страны, в принципе, тоже положительно, но к лицам кавказской национальности (таджикам, армянам и т.д.) больше отрицательно, чем положительно. Все опрошенные нами имели личные контакты с иммигрантами, и это заставило их внести коррективы в их «культурное наследие» – разделить понятие **иммигрант** и **человек другой национальности**: *Граждан РФ (татары, башкиры) я не делю не русских и не русских. Они друзья.*

2. Мое отношение к иммигрантам, причина этого отношения.

Треть опрошенных отметили положительный момент иммиграции: труд иммигрантов позволил нам увеличить темп строительства и обеспечил порядок на улице: *работают на тех рабочих местах, на которых русский человек работать не станет, так как низкая зарплата, тяжелая работа.* Однако все высказали абсолютную неприязнь, смешанную порой с жалостью: *К иммигрантам, так называемым таджикам, я отношусь с жалостью, так как за их труд они получают копейки, а выбора нет. Цыган я просто терпеть не могу и стараюсь их избегать. Хатчики – просто не перевариваю, так как люди-лицемеры (те, что в торговле, сначала мило улыбаются, как только ты говоришь «нет», в спину нелюбезные выражения); К китайцам с рынка отношусь плохо. Таких надо гнать в шею. Они не уважают наши интересы и порядки, а значит, и страну в целом. Им здесь не место; Иммигранты из Азии, например, из Чечни, Армении, Таджикистана и т.д., вызывают у большинства людей, в том числе и у меня, отрицательные эмоции. Они провоцируют это сами: бездомные женщины и дети в грязных одеждах слоняются по улицам города, выпрашивая деньги. Более удачливые воруют и занимаются грабежом и насилием. Кто-то устраивается работать на стройки, в магазины, в общем, на «черную» работу. Однако даже эти люди ведут себя агрессивно по отношению к нашим гражданам: они очень много хамят, ругаются, пристают к девушкам; Сидят на вокзалах, улицах, ходят попрошайничают по автомобильным дорогам; Черный, узкоглазый, понаехало тут! Налицо конфликт культур, который произрастает из **ментального негативизма** (отри-*

цательного отношения к представителям иной культуры, выражающегося в неприязни этой иной культуры): *это только русская культура! У них свое и им нас не понять! Они ужасные, небритые, противные! Чему мы их можем научить? Хлеб печь? Говорить «Здравствуйте!»? Да они кроме «Аллах Акбар» ничего не знают. У нас своя вера! У них своя! Мы едим поросят! Они нет! У нас женщина – жена и красавица! У них – в 17 лет уже не женщина, а старуха, так как пашет как лошадь!!! Мы разные, и культуры у нас разные!*

Что не устраивает? Что служит причиной (причинами) **ментального отторжения**?

- низкий уровень их культуры: *К иммигрантам отношусь нейтрально, если они выходцы из стран Западной Европы, то есть из стран с развитой культурой. А к таким нациям, как таджики, все эти узбеки ..., отношусь отрицательно, хотя в основном они приезжают на заработки и работают на стройках (т.е. облагораживают город);*

- их огромное количество, быстрый темп миграции: *Да, если миграция пойдет такими темпами, неизвестно, кто будет жить в России через 50-100 лет; У меня такое ощущение, что они скоро заполнят всю Россию. В маршрутных такси работают в основном они, и большинство водителей плохо знают правила дорожного движения, поэтому такси разбиваются, переворачиваются и погибают люди;*

- их непонятный язык: *когда обсуждают прелести женского тела или говорят о том, какие мы, русские, с...ки, переходят на свой «бла-бла-бла». Они, может, болтают о том, как бомбу заложат, а я сижу рядом и не знаю ничего, ничего не смогу сделать; Все эти туземцы понаедут, толком говорить не могут, а еще хотят забавлять хорошо;*

- их наглое поведение: *Некоторые представители кавказских национальностей: узбеки, таджики – вызывают неприязнь из-за их необразованности, бескультурного поведения, наглости;*

- их внешность: *Причина ненависти: терпеть не могу их произношение, они ужаснее всех на свете коверкают наш русский язык! И лица у них подозрительные, криминальные...; Они ужасные, небритые, противные!; К людям других национальностей (особенно узбекам, таджикам, хачикам, татарам) отношусь негативно, с неприязнью. Они вызывают у меня часто от-*

вращение из-за своей неопрятности, внешнего вида, языка;

- их нежелание работать: Больше всего не нравятся таджики, потому что большинство из них почему-то не хотят работать, а сидят на вокзалах и улицах и просят денег;

- их отношение к женщинам и детям: Как можно адаптировать человека, у которого столетиями заложено, что женщина – раб!;

- распространение наркотиков, оружия, захват власти, прямая угроза жизни и здоровью коренного населения: Захватили всю политическую власть с помощью оружия, привезли наркотики, скупили все заводы под свои нужды; По-моему, большинство лиц кавказской национальности ведут себя отвратительно (у меня много примеров таких, как вандализм, изнасилование, жестокие убийства); Существует опасность распространения инфекций.

Среди других причин были указаны: неприязнь к немцам (1) – из-за того, что дед воевал против фашистов; к американцам (1) – так как чувствуют себя хозяевами жизни; к чеченцам (1) – брат воевал в Чечне; к таджикам – бестолковые, за день выучил одно слово (1), отец был в Таджикистане, к нему там плохо относились (1); ко всем выходцам из Средней Азии и Кавказа (47) – пристают к девушкам.

Вот уж воистину: понаехали тут в чужой монастырь да со своим уставом! Объективности ожидать не приходится, потому что приехали в Россию – живите по-русски!; перед тем как ехать в другую страну, ты просто обязан знать минимум – язык и культуру! Хозяева, осознавая жалкое, бедственное (такое унижение!) положение своих приживалов, все же относятся к ним достаточно сурово: не изучая их культуру, объявляют ее примитивной; не удосуживаются даже точно выяснить национальность приехавших: лица кавказской национальности (узбеки, таджики, армяне, цыгане); чечены и шахидки; хачики (хатчики, хачи), узбеки всякие, узбеки-таджики, чурки, туземцы, азербайджанцы и прочие **«люди на асфальте»**. Налицо **ментальный снобизм**, который проявляется в том, что «молодые хозяева страны» априори считают себя носителями высшей интеллектуальности и культуры.

Конфликт культур обретает **новое лицо** – экономическое, **новый характер** – агрессивного неприятия, **новое содержание** – по

разные стороны расходятся **МЫ** и **ВСЕ ЧУЖИЕ ПОНАЕХАВШИЕ** (вне зависимости от национальности), а именно: **ИММИГРАНТЫ**.

Иммигранты не устраивают НАС по экономическим соображениям: Чем больше иммигрантов, тем меньше «хлеба» у русских!; Мигранты занимают рабочие места. С одной стороны, эта работа мало оплачивается, но если бы иммигрантов не было, то и работа оплачивалась больше, потому что спросу на эти рабочие места было бы меньше. И вместо хорошо оплачиваемого русского рабочего мы можем нанять ничего не понимающих в этом деле трех таджиков, а потом и дома рушатся, и мосты падают!; Проблема: в России нет рабочих мест! В России нищета! В России на уроках русского языка учитель татар или кореец??? (!) Студентам негде жить! Детей нельзя отдать в садик! В больнице нет мест! Молодожены живут с родителями! А где им жить? Везде все заполнили хачи!!!; По поводу помощи и адаптации я настроен критически отрицательно, потому что лишнее финансирование, которое будет направлено на иммигрантов, по моему мнению, лучше отправить в детские дома, в которых в голоде и в холоде растет как-никак часть молодого поколения России; Сперва нужно помочь «своим» людям, а потом уже думать о другом народе. Но самое большое опасение вызывает угроза исчезновения нации и культуры: Опаасаюсь я за род русский. Мне кажется: пройдет еще время, и не будет настоящих русских парней-богатырей, и русской девицы-красавицы очень жалко, честно!; Мы потеряем свое «национальное лицо»; Русская культура постепенно «разбавляется» другими культурами; Угрозу для культуры представляют даже очень большую. У нас и так уровень культуры не очень большой, из-за них становится еще ниже; Поймут смысл нашей жизни и уничтожат, так как с самого появления человека идет борьба. Главное, чтобы россияне «чистых» совсем не извели. Неудивительно, что возникает противодействие этому вмешательству извне на ментальном уровне. Становится понятным, почему на вопрос, надо ли помогать иммигрантам адаптироваться, подавляющее большинство ответило: *Помощь не нужно оказывать, они, как тараканы, везде уживаются; Не надо им помогать. Надо создавать такие условия, чтобы они больше не приезжали; Если государство будет помогать адаптироваться иммигрантам в Рос-*

сии, то от них не будет никакого прохода, они будут встречаться на каждом шагу. Русских людей будет мало заметно; Помогать им надо, но в пределах, чтобы не ослаблялись; Помогать нужно только тем иммигрантам, которые получили разрешение нашего государства. [Трое опрошенных признались, что они выступают за умеренное скинхедство].

Конечно, тот факт, что опрошиваемые являются студентами педагогического вуза, не смог не повлиять на их мнение об обучении детей иммигрантов. Все ответили, что детей нужно обучать (первоначально в специальных классах), так как: а) дети должны получать образование; б) в школе они получают знания о русской культуре, познакомятся с русскими детьми и, когда вырастут, будут с уважением относиться к стране, в которой живут (или когда-то жили): *Что касается детей, которые на улице или на рынках, нужно в школах вместе со всеми обучать, тем более если этих детей вылавливают и обучают, мы снижаем % того, что они не крадут и из них не вырастут психически неуравновешенные террористы; Конечно, учить детей иммигрантов очень тяжело, но так как они с детства будут жить в нашей стране, то учитель привьет им любовь к нашей стране, научит их уважать ее, для них она станет родной; Дети не виноваты. Нужно им помогать.*

Национальная проблема, как называли раньше проблему межкультурной коммуникации, вряд ли разрешима. 90 % опрошенных затруднились ответить, как решит эту проблему человек будущего. [Из прочих ответов: *пнет их подальше* (1); поднимет материальное благосостояние во всех странах и тем самым уничтожит само явление иммиграции по экономическим соображениям (4); *может, как Гитлер хотел, а может, путем распределения земли и ресурсов* (1); *станет терпимее* (2); *научится уважать других: все мы люди, и даже если ты таджик, то все равно ты человек, а не собака какая-нибудь* (1)]. Мы должны стремиться к тому, чтобы воспитать у нынешнего молодого поколения терпимость к ДРУГИМ людям через пробуждение интереса к национальным культурам. Для этого необходимо, чтобы иммигранты в восприятии будущих поколений вновь «обрели» национальность, стали носителями определенных самобытных национальных культур.

© Багичева Н. В., 2007

Васильева О. В., Ворошилова М. Б.

Екатеринбург, Россия

АССОЦИАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ГРУЗИН»

В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Актуальность российско-грузинских отношений в современном политическом дискурсе не вызывает сомнений, несмотря на их многовековую историю. В настоящее время общество грузин в России объединяет более 350 тысяч российских грузин, а всего по оценкам руководителей грузинских общественных организаций, в России проживает и работает около 1 млн грузин.

В рамках настоящего исследования мы предприняли попытку описать ассоциативные признаки лингвокультурного типажа «грузин» в русском языковом сознании. При анализе и моделировании лингвокультурного типажа мы опираемся, в первую очередь, на научно-исследовательский опыт волгоградской лингвистической школы и, непосредственно, на методику анализа, предложенную В. И. Карасиком [Аксиологическая лингвистика 2005]. Под лингвокультурным типажом мы понимаем узнаваемый образ, абстрактное ментальное образование, которое в исследовательском плане представляет собой разновидность концепта.

Необходимо отметить, что данный лингвокультурный типаж, концепт – грузин – в русском языковом сознании сформировался очень давно, а значит, в настоящее время его изменение, пополнение происходит в первую очередь на ассоциативном уровне, именно поэтому в рамках настоящего исследования в центре нашего внимания оказалась такая составляющая лингвокультурного типажа, как ассоциативные признаки, закрепленные в языковом сознании. Под ассоциативными признаками лингвокультурного типажа мы понимаем перцептивно-образное представление, с указанием типичной внешности, каких-либо атрибутов, среды обитания, речи, ритуальных действий, сферы деятельности, досуг, круга общения, материального положения, происхождения.

В качестве материала исследования мы использовали данные Русского ассоциативного словаря (М.: Издательство Астрель, Издательство АСТ, 2002). В ходе анализа словарной статьи «грузин» нами были выделены следующие поведенческие и образные ассоциативные характеристики, составляющие основу лингвокультурного типажа грузин в русском языковом сознании:

1) внешность – 10 единиц: *черный 10, нос 7, волосатый 1, высокий 1, красивый 1, небритый 1, кепка 1, усатый 1, черноволосы человек 1, нос с горбинкой 1;*

2) национальность – 11 единиц: *чурка 8, армянин 4, хачик 4, армян 2, грек 1, грузинка 1, лицо кавказской национальности 1, нерусский 1, цыган 1, чеченец 1, чукча 1;*

3) род деятельности – 4 единицы: *рынок 3, мужик на базаре 1, продавец 1, торговец 1;*

4) характер – 1 единица: *веселый 1;*

5) атрибуты – 4 единицы: *арбуз 2, виноград 1, груша 1, розы 1;*

6) происхождение – 4 единицы: *горный человек 1, живет в горах Кавказа 1, с Кавказа 1, с юга 1;*

7) поведение – 1 единица: *наглый 1;*

8) оценка и восприятие – 2 единицы: *гад 1, плохой 1;*

9) материальное положение – 2 единицы: *богатый 3, лимузин 1.*

Отметим наиболее существенные и отличительные характеристики лингвокультурного типажа «грузин» в русском языковом сознании.

Во-первых, высокая частотность ассоциативной реакции (11 единиц – самый высокий показатель) по национальному признаку подтверждает распространенное в современной политической лингвистике мнение о нивелировании, потере этнонимами (названиями наций, народов, народностей, племен, племенных союзов, родов и других этнических общностей (этносов)) этнического признака и актуализации признака «чуждости» [см. Шейгал, 2004]. Для русского человека грузин – это «чужой», он нерусский, он лицо кавказской национальности, а значит он такой же, как чеченец, чукча и т.д.

Во-вторых, реакции на такие признаки, как внешность, характер и происхождение грузин полностью соответствует реальным характеристикам данной нации. Так в «Свободной Интернет-энциклопедии Википедия» (<http://ru.wikipedia.org>) мы находим: Грузины – народ средиземной белой расы, *кавказского* семейства, *картвельской* группы, *живущий* в *центральной и западной части Кавказа... Они выше среднего роста*, сложены хорошо и довольно мускулисты. У большинства волосы русые среднего цвета или *темные*; *нос ровный, иногда с горбом и с несколько загнутым концом... лицо смуглое (загорелое)...* Грузины отличаются *веселым, общительным и симпатичным характером...*

В-третьих, признак по роду деятельности, отмеченный в ассоциативном словаре, несомненно сложился под влиянием национального стереотипа о том, что все лица кавказской национальности торгуют либо фруктами, либо наркотиками, хотя большинство грузин в настоящее время, как и прежде, земледельцы, торгового же класса у грузин почти не существует (с незапамятных времен торговлей в Грузии занимались преимущественно армяне) (wikipedia).

Указанный этнический стереотип спровоцировал и следующие ассоциативные признаки: поведение (наглый, потому что обсчитывает, обманывает) и материальное положение (богатый, лимузин как признак роскоши непозволительной многим русским). Данные ассоциативные признаки несомненно носят модусный (оценочный) характер и выражают нашего негативное отношение к представителям этой нации.

Также бесспорным нам кажется утверждение, что признаки лингвокультурного типажа грузин складываются под влиянием современных средств массовой информации, именно в результате «их массовой атаки» были сформированы ассоциативные признаки третьей группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика.- Волгоград: Парадигма, 2005.

Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. №1. 2001. – с. 90-106.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Издательство Астрель, Издательство АСТ, 2002.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004

© Васильева О. В., Ворошилова М. Б., 2007

Веснина Л. Е.

Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СВОЙСТВ

Сегодня вопрос о толерантности по отношению к людям других национальностей стоит очень остро: правительство РФ ведет политику по упрощению порядка регистрации иностранцев в нашей стране; в СМИ практически не увидишь и не услышишь негативных высказываний в адрес мигрантов; Министерство образования собирается повсеместно открывать школы с этнокультур-

ным компонентом (сейчас таких школ только 46) – а между тем «рядовые» граждане России по-прежнему имеют свое мнение по данной проблеме.

Несмотря на то, что на прямой вопрос «Как Вы относитесь к лицам других национальностей?» респонденты в 70% случаев отвечают «равнодушно» (итоги последнего опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, весна 2007), результаты ассоциативных экспериментов показывают, что люди, приезжающие из других стран, воспринимаются коренным населением России отрицательно.

Для проведения ассоциативного эксперимента мы выбрали молодую аудиторию – подростки в возрасте 13-15 лет, далекие от политики, свободные от давления СМИ в межкультурных вопросах, они, на наш взгляд, создали реальную картину метафорического представления россиянами людей других национальностей. В эксперименте приняли участие 345 школьников города Екатеринбурга: из них 140 – лица мужского пола, 205 – женского. Респондентам предлагалось дать ряд ассоциаций на слово-стимул «мигрант». В результате эксперимента от испытуемых было получено 826 реакций. Наиболее ярко обнаружилась 1 сферисточник когнитивных метафор: субсфера «Социум» выступила основным источником метафорического моделирования миграции в сознании подростков. Показательны несколько метафорических моделей, основанные на понятийных сферах социальной субсферы: профессиональная метафора (40 % от полученных реакций), национальная метафора (35 %), метафора криминальной сферы (20 %), телевизионная метафора (5 %).

Профессиональную деятельность мигрантов наиболее ярко и полно представляют такие метафоры как «уроды, отбирающие у россиян работу», «рабсила», «дешевые наемники», «рынок», «рабочий», «покупать», «продавать», «деньги», «работа», «ремонт», «чернорабочие», «люди, ищущие работу, чтобы угробить Россию», «люди, нелегально въезжающие в страну и работающие на стройке», «продавец», «покупатель», «начальник», «Не умеешь работать головой – работай руками», «черный труд», «арбузы», «фрукты», «строитель», «чурка в каске», «Таганский ряд», «Шарташский рынок», «раб». Большинство из перечисленных ассоциаций имеет негативную коннотацию: мигранты воспринимаются

как конкуренты на рынке труда, как люди, обреченные на черную работу, рабский труд, т.е. как представители низшего сословия. Причем непосильный труд, которым в России занимаются люди других национальностей, вовсе не делает их жертвами обстоятельств в глазах респондентов, не вызывает сострадания, напротив – подростки резко негативно относятся к тем, кто заполняет определенную нишу в российской экономике: «Понаехали! Пусть валят обратно к себе! Русским не дают работать!»; «Русские forever! Иностранцы – дрянь!»; «Рабочая сволочь, убирайся домой!»; «Уже достали, хочется видеть на улице одних русских»; «Как их много на улице! Будет еще больше, если им не запретить к нам приезжать!»; «Как будто работать больше некому!».

Национальная метафора. Участники эксперимента сделали акцент на людях следующих национальностей: азербайджанец, украинец, китаец, таджик, что обусловлено количественным преимуществом представителей этих национальностей в России (по данным Центра демографических исследований и экологии человека 2004 г. в России пребывает следующее количество мигрантов (из какой страны и количество человек): Азербайджан – 1000000, Украина – 1000000, Китай – 800000, Таджикистан – 504000, Узбекистан – 390000, Армения – 280000, Киргизия – 180000, Грузия – 170000, Молдавия – 154000, Вьетнам – 100000, Казахстан – 100000). Примечательно, что школьники, вне зависимости от пола и возраста, чаще всего идентифицируют понятие «мигрант» с лицами указанных национальностей, и делают это с явно отрицательной оценкой: «хачик», «чурка», «узкоглазик», «нерусь», «нерусский», «чуреки», «чебуреки», «чурок», «китаеза», «узкоплечный», «азер», «чувак нерусской национальности», «чукча», «чужой». В основу таких наименований положены внешние особенности мигрантов: любой человек неславянского типа воспринимается респондентами как «чужой», как лицо «низшей расы» (напоминает позицию Гитлера по отношению к евреям: «черноволосый молодой еврейчик», «дьявольское еврейство», «черные паразиты низшей расы», «горбонос»). Очень редко встречаются нейтральные реакции типа «таджик», «армянин», «китаец», «азербайджанец», «узбеки» (всего 12 реакций из 826).

Подростки воспринимают мигрантов как «нелегалов», «нарушителей закона», отсюда

– метафоры криминальной сферы в характеристике иностранцев: «криминал», «конопля», «незаконный провоз наркотиков», «контрабандист», «преступник», «наркотики», «беззаконие», «незаконно», «нарушитель закона», «братва», «мафия», «татуировки на руках», «нелегальная сволочь», «убийцы», «насильщики», «обман», «скупщик краденого», «врущие грязные деньги», «жестокость», «смерть русским женщинам», «вор», «криминальные козлопасы», «проститутки». Мигранты наделяются всеми характеристиками людей, принадлежащих криминальным структурам, причем делается это с открытой неприязнью.

5 % от общего количества ассоциаций – телевизионные метафоры, а именно: представителям других национальностей школьники дают имена персонажей телепрограммы «Наша Russia» («Наша Раша»), популярной сегодня среди молодежи. Герои передачи – лица кавказской национальности – *Равшан* и *Джамшут*. Эти образы стали собирательными для наших респондентов: если кавказец значит Равшан или Джамшут.

В целом, люди других национальностей не признаются россиянами как равноправные жители нашей страны, наделяются качествами типа «нечистоплотные», «нелегалы», «нечестные», «равнодушные» и т.д. Подобное негативное восприятие мигрантов заставляет задуматься о способах примирения культур коренных жителей России и приезжих из других стран. Вопрос о толерантности остается нерешенным, если даже подрастающее поколение с открытым негативом реагирует на присутствие в России мигрантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Муссолф А. Политическая «терапия» посредством геноцида: антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера «Майн кампф» // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 19 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2003. – 238 с.

Мигранты получили вольную // Комсомольская правда. 21 июля 2006. № 105.

Россияне довольны рынками без мигрантов // 17 апреля 2007 года газета Комсомольская правда-Саратов (№ 55 (23888) 2007 г.)

© Веснина Л. Е., 2007

Верещагина Е. С., Дзюба Е. В.,

Коровякова Ю. В., Могильникова В. И
Екатеринбург, Россия
**«ЭТИ СТРАННЫЕ ИНОСТРАНЦЫ»:
ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ ГЛАЗАМИ
СТУДЕНТОВ УРГПУ**

В настоящее время в нашем обществе (и не только в России) происходят процессы переселения народов, смешения национальностей, взаимопроникновения культур. Ученые отмечают, что процесс глобализации (стирания границ между народами) неизбежен и требует особой подготовленности (и социальной, и правовой, и моральной) людей-носителей разных культур. Учащиеся факультета русского языка и литературы Уральского государственного педагогического университета провели анкетирование среди студентов разных факультетов с такой целью: проанализировать, каково отношение современной молодежи к процессам миграции и представителям иных культур.

Вопросы анкеты

1. Как вы относитесь к переселенцам (гражданам иных государств, приезжающих в РФ для временного проживания): отрицательно, положительно или равнодушно?

2. С какими национальностями / гражданами каких стран связывается в вашем сознании понятие «мигранты»?

3. Какими причинами, на ваш взгляд, обусловлен приток мигрантов в Россию?

4. Угрожает ли каким-либо образом приток мигрантов интересам граждан России? Если не угрожает, то почему? Если угрожает, то каким образом?

5. С какими профессиями / сферами деятельности у вас ассоциируется понятие «мигранты»?

6. Должны ли мигранты ассимилироваться в русской культуре или они должны сохранять свою самобытность?

7. Должны ли мигранты и их дети изучать русский язык и русскую культуру?

8. Должны ли носители русской культуры изучать особенности национального поведения и характера мигрантов?

9. Как вы думаете, должны ли дети мигрантов учиться в обычных школах с русским языком преподавания или они должны учиться в специальных школах?

10. Как вы относитесь к разнонациональным бракам?

В эксперименте участвовали студенты трех факультетов Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург): факультета русского языка и ли-

тературы, студенты юридического и психологического факультетов. Всего было опрошено 62 человека. Возраст опрошенных: 16 – 19 лет.

На первый вопрос анкеты *Как вы относитесь к переселенцам (гражданам иных государств, приезжающих в РФ для временного проживания): отрицательно, положительно или равнодушно?* были получены следующие ответы: отрицательно – 22 % опрошенных, положительно – 15 %, равнодушно – 63 %. То есть большинство молодых людей не оценивают данное социальное явление негативно или позитивно. При этом студенты, предложившие отрицательный ответ, аргументировали свой ответ так: 1) «их скоро станет больше, чем коренных жителей»; 2) «они не соблюдают наши законы, не следуют нашим традициям, не говорят на нашем языке»; 3) «Россия должна быть страной для русскоговорящих людей». Студенты, выбравшие ответ «положительно», мотивировали свой выбор так: 1) «каждый имеет право жить там, где хочет»; 2) «они приезжают к нам работать, выполняют самую грязную работу, на которую мы не соглашаемся». Показательно, что из тех, кто дал ответ «равнодушно», «однословно» ответили только 40 %, 60 % студентов указали ряд условий, например: «пока они меня не трогают», «если они мне не мешают» и т.п. Таким образом, в сознании большинства молодых людей существует такая нравственная ценность, как уважение к носителям иной культуры, к представителям «чужого» мира. Но сознательное признание справедливости того или иного принципа еще не означает следование ему в реальной жизни. Насколько студенты придерживаются этого принципа в действительности, в своей практической жизни, демонстрируют их ответы на следующие вопросы.

Особенно показательны в этом смысле ответы на четвертый вопрос, который сознательно авторами анкеты был помещен дальше от первого. На вопрос *Угрожает ли каким-либо образом приток мигрантов интересам граждан России? Если не угрожает, то почему? Если угрожает, то каким образом?* 62 % опрошенных ответили «да», 33 % не видят никакой угрозы со стороны мигрантов, 5 % выразили сомнение. Хотя 60 % студентов ответили, что они относятся к мигрантам равнодушно, на самом же деле большинство молодых людей испытывают чувство тревоги от взаимоотношений с представителями других культур. Иными

словами, на сознательном уровне молодежь стремится к толерантности, но на бессознательном уровне студенты выражают негативное отношение к переселенцам.

Среди направлений, по которым носители русской культуры видят угрозу со стороны мигрантов своим интересам, студенты отметили следующие: 1) «они занимают наши рабочие места»; 2) «пристают на улице к русским девушкам и вступают в браки, что ведет к смешению крови»; 3) «повышают уровень преступности: из-за них происходят драки, межнациональные распри; они распространяют наркотики...»; 4) «они учатся у нас, наша страна тратит на них деньги, они увозят наши технологии и открытия в свою страну и развивают свою экономику и т.д.»; 5) «искажают русский язык и русскую культуру». Удивительно, что самым частотным оказался первый ответ: «они занимают наши рабочие места». Опрос проводился среди учащихся вуза (будущих юристов, психологов, преподавателей русского языка и литературы), которые высказывают опасения, что их рабочие места будут заняты мигрантами. При этом на вопрос *С какими профессиями / сферами деятельности у вас ассоциируется понятие «мигранты»?* все отмечают следующие: строительство домов и дорог, уборщики в торговых центрах и т.п. Такое противоречие также свидетельствует о некоей необъяснимой, часто немотивированной тревоге от сосуществования носителей русской культуры с представителями иных культур.

На вопросы, связанные с так называемой инкультурацией (проникновением в чужую культуру), большинство студентов отмечают ее необходимость. Так, на вопрос *Должны ли носители русской культуры изучать особенности национального поведения и характера мигрантов?* 75% ответили положительно и мотивировали это так: 1) «чтобы избежать конфликтов»; 2) «чтобы знать, чего от них ожидать». 20% студентов ответили отрицательно на этот вопрос, аргументируя это следующим: «Это они к нам приехали, а не мы к ним, пусть они и изучают нашу культуру». 5% опрошенных указали: «если у них есть желание, пусть изучают». Однако на вопрос *Должны ли мигранты и их дети изучать русский язык и русскую культуру?* 100 % студентов дали однозначный положительный ответ.

На вопрос *Должны ли дети мигрантов учиться в обычных школах с русским языком преподавания или они должны учиться*

в специальных школах? Большинство студентов (54 %) ответили, что дети мигрантов должны учиться в специальных школах. При этом аргументация студентов была разнопланова: отвечающей понятию толерантности (ср.: «им трудно учиться с русскоговорящими, так как они не знают русского языка и ничего не понимают в объяснении учителя») и категорически неприемлющей какое-либо взаимопроникновение культур (ср.: «нельзя смешивать культуры», «не надо засорять их словами русский язык»). 43% молодых людей ответили, что дети мигрантов должны учиться в обычных школах с русским языком преподавания. Аргументы этих студентов таковы: 1) «это способствует воспитанию толерантности»; 2) «если они будут учиться в специальных школах, то они совсем облагодетельствуют»; 3) «пусть учатся, куда их девать!».

Данное исследование показало, что у большинства студентов существует моральный принцип о необходимости уважать язык и культуру людей разных национальностей. Однако в практической жизни молодые люди не всегда демонстрируют толерантного отношения к представителям «чужой» культуры. Большинство студентов чувствуют угрозу со стороны переселенцев (в экономическом и социальном плане, угрозу по отношению к русской культуре и языку и даже угрозу персональную). Большая часть опрошенных согласилась с мнением, что мигранты должны изучать русскую культуру и русский язык, однако сами студенты намерены изучать особенности национального поведения и мышления мигрантов лишь для того, чтобы знать, «чего ожидать» от представителей иных культур, то есть чтобы обезопасить свое существование. Однако нельзя не отметить и то, что некоторые из опрошенных (3 %) отмечают, что изучать «чужую» культуру интересно и полезно для того, чтобы «не обидеть этих людей». Иными словами, российская молодежь (если судить по ответам студентов УрГПУ) недостаточно осознает, что процессы миграции – следствие развития человеческого общества в целом и что воспитание толерантности по отношению к представителям иных культур – необходимая задача всего социума и каждого человека.

© Верещагина Е. С., Дзюба Е. В.,
Коровякова Ю. В., Могильникова В. И., 2007

Ворошилова М. Б.
Екатеринбург, Россия
**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ МИГРАНТА
В СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ УРГПУ**

Лингвокультурное моделирование типажа мигранта в современном российском научном дискурсе представляет несомненный научный интерес по целому ряду причин. Во-первых, образные и понятийные характеристики мигранта в современном культурном пространстве представлены в упрощенном и искаженном виде, поэтому специальный и целостный анализ даст возможность увидеть реальную картину осмысления данного лингвокультурного типажа в собственной культуре. Во-вторых, данный типаж в современном российском обществе идеологически маркирован, нередко является орудием политической войны.

При анализе и моделировании лингвокультурного типажа мы используем опыт волгоградской научной школы и схему описания, предложенную Карасиком В.И. [Аксиологическая лингвистика 2005]. В рамках настоящего исследования в центре нашего внимания оказались такие составляющие лингвокультурного типажа, как: 1) понятийные характеристики, построенные на дефинициях, описаниях и толкованиях; 2) ассоциативные признаки рассматриваемого типажа в языковом сознании; 3) сопоставительная характеристика представленных параметров: сравнение понятийных и ассоциативных характеристик. В качестве материала исследования использовались дефиниции словарей и топики, выполненные студентами Уральского государственного педагогического университета.

Понятийные составляющие. Для целостного раскрытия понятийного содержания рассматриваемого лингвокультурного типажа необходимо анализировать как непосредственные дефиниции слова *мигрант*, так и дефиниции связанных с ним однокоренных слов, прежде всего *миграция*. Дефиниция слова *мигрант* была отмечена только в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под редакцией Г. Н. Складневской (2006): *Мигранты – люди, вынужденные покинуть свое место жительства в силу экономических причин, из-за притеснений по национальному признаку, природных катастроф и т.п.*

В «Русском толковом словаре» В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной, а также в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысин напротив были отмечены только дефиниции однокоренного слова *миграция*: 1) (книжн.) *переселение, перемещение (о многих)*; 2) *переселение, перемещение (напр., населе-*

ния внутри страны или из одной страны в другую).

В результате анализа приведенных дефиниций были выделены следующие основные признаки в содержании рассматриваемого концепта: 1) человек; 2) переселяющийся; 3) вынужденно; 4) причины переселения (а. экономические, б. социально-политические, в. природно-климатические).

Ассоциативные составляющие. Необходимо отметить, что анализируемый концепт только формируется в русском языковом сознании: его прямая дефиниция отмечена лишь в словаре актуальной лексики, и ни в одном из современных русских ассоциативных словарей не отражены необходимые для анализа данные. Поэтому для сбора материала в ходе исследования использовался прием написания топиков. Топики были выполнены студентами Уральского государственного педагогического университета, обучающимися по специальностям «социальная работа», «социальная педагогика», «связи с общественностью». Выбор данной группы студентов был обусловлен их профессиональной ориентацией. В ходе эксперимента было опрошено 125 студентов.

В ходе анализа топиков было отмечено, что все 125 респондентов описали ключевой признак описываемого концепта: «люди, которые переселяются в другую страну», «люди, которые переезжают из одного района проживания в другой». 20% опрошенных отметили только данный признак, что доказывает его центральные позиции в семантике концепта *мигрант*.

В работах остальных студентов были выявлены следующие поведенческие и образные характеристики, составляющие основу лингвокультурного типажа *мигранта*: 1) причины переселения; 2) социальное положение; 3) национальность; 4) география проживания; 5) оценка и восприятие.

Наиболее частотной и, следовательно, актуальной характеристикой при формировании данного концепта в русском языковом сознании является – причина переселения. 48% опрошенных студентов отметили некие абстрактные причины миграции: «по каким-либо причинам», «по разным причинам». 42% респондентов говорили о вынужденности переезда. Среди конкретных причин студенты выделяют: 1) «для заработка», «безработица на родине», «поиски работы» (22%); 2) «в поисках лучшей жизни», «начать новую жизнь», «в поисках легкой жизни»

(14%); 3) «не устраивает политическая обстановка на родине», «бегут от властей», «в связи с нацизмом», «из-за ущемления гражданских прав» (9%); 4) «война», «терроризм» (7%); 5) «природные и климатические условия», «землетрясение», «наводнение» (4%); 6) «учеба», «получение образования», «получение новых знаний» (3%).

Данные характеристики полностью соответствуют понятийным признакам, указанным выше, что объясняется объективными социокультурными причинами.

Описание социального положения мигранта не было выделено среди понятийных признаков анализируемого лингвокультурного типажа, но было представлено большинством опрошенных. Среди важнейших характеристик можно отметить следующие: 1) «не имеют собственного жилья», «нет определенного места жительства», «как бомжи – без дома» (30%); 2) «живут нелегально», «нелегально приехали в чужую страну» (23%); 3) «у них нет документов», «живут без паспорта», «нет прописки, и даже регистрации» (23%); 4) «они работают на рынках и стройках», «они могут только строить или продавать» (17%). Указанные выше характеристики являются центральными при описании жизни мигрантов в современных российских средствах массовой информации, что и обуславливает их высокую продуктивность.

Реже опрашиваемые отмечали, что мигранты – это люди «с изначально ущемленными гражданскими правами», «неполноценные граждане» (4%), «они нуждаются в социальной помощи» (3%). Данные ответы возможно обусловлены профессиональной ориентацией студентов Института социального образования.

Следующие характеристики (национальность и география проживания), по нашему мнению, также во многом были «заданы» средствами массовой информации, активно обсуждающими национальный вопрос.

В анализируемых работах студентов были описаны следующие национальности: 1) *таджики* (24%); 2) *наши в США и Европе* (23%); 3) *жители СНГ* (18%); 4) *китайцы* (12%); 5) *кавказцы, черные, монголы, евреи* (по 6%).

Не менее важными для опрашиваемых оказались и географические характеристики. География проживания мигрантов в сознании студентов четко локализована, при анализе были выделены 3 основных точки (ранее обозначенные средствами массовой

информации): 1) *Израиль* (27%); 2) *США* (17%); 3) *Таганский и Визовский рынки* города Екатеринбург (15%). В 6% работ также была отмечена Франция, где мигрантами являются «наши», данные ответы несомненно были спровоцированы недавним скандалом с российским мальчиком, пострадавшим во Франции во время попытки скрыться от полиции.

Оценка мигранта была представлена в анализируемых топиках двумя крайними точками зрения: 1) отрицательной (63%): «*их часто не любят*», «*они раздражают*», «*они предали (бросили) свою родину в тяжелую минуту*», «*они испугались проблем*»; 2) положительной (35%): «*их жаль*», «*они лучше нас работают*», «*они стремятся что-то изменить, они не стоят на месте*», «*они сильные, потому что никогда не жалуются*». Отметим, что большинство студентов дали оценки «со стороны» (так к ним обычно относятся в обществе, так их оценивают все), только один опрошиваемый написал, что мигранты его «*раздражают, они засоряют нашу страну*», двое высказали свое «*лояльное отношение*».

В заключение настоящего исследования подведем некоторые итоги. Во-первых, необходимо отметить, что ассоциативные характеристики анализируемого типажа в значительной мере не совпадают с признаками, выделенными в словарных дефинициях. Во-вторых, студенты чаще представляли диктальные (фактические) характеристики, воздерживаясь от прямых модусных (оценочных) высказываний. В-третьих, было отмечено, что признаки лингвокультурного типажа мигранта складываются под влиянием современных средств массовой информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005.

Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. №1. 2001. – с. 90-106.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 944 с. – с. 484

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 928 с. – с. 333

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – с. 587

© Ворошилова М. Б., 2007

Григорьева Н. И.
Екатеринбург, Россия

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В НАЗВАНИЯХ МУЗЫКАЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ РУССКОЙ РОК-КУЛЬТУРЕ

Названия музыкальных коллективов, принадлежащих русской рок-культуре, можно разделить в зависимости от языка, который используется при номинации, на две группы (русскоязычные и иноязычные). Можно отметить, что процесс включения иноязычных элементов в названия рок-групп является активным, как правило, используются элементы латинской графики. Это объясняется одним из основных стремлений рок-культуры выразить свою неординарность, демонстративность, эпатажность, что и проявляется в образовании рок-эргонимов, включающих латинские буквенные элементы.

Названия музыкальных русских рок-коллективов можно условно разделить на следующие группы:

1) включает в себя названия, использующие русскоязычную лексику (например, «АРИЯ», «ЗУБЫ», «ЖЕСТОКИЕ ЛИЦА»).

2) представляет собой названия, в которых использована иноязычная лексика (как правило, лексика английского языка) (например, «THE CHILD OF TOWN», «APPLE», «DISTEMPER»).

3) состоит из названий рок-групп, в которых используются иноязычные элементы, символы, традиционные для молодежной культуры (например, &—заменяет союз «and» / «и» («Катя & Крокодил»)) или названия, где русское слово передается латинской графикой, например, названия рок-групп «ТУННЕЛЬ», «КРИЗИС».

В использовании русской графики при написании названий иноязычного происхождения (например, название «КРОНЕР», в основу которого легло ежедневное наблюдение стаи ворон под окнами – *crow near* [Русский рок 2000]; название «ФБОС», оригиналом которого является «The 4 Boss» [Русский рок 2000]; «СПАТУЛА», в данном случае название группы происходит от *Spatula* (англ.), что в переводе на русский означает шпатель [Русский рок 2000])

4) названия, созданные путем транслитерации, имитации иноязычного происхождения названия русской рок-группы («KALINOV MOST»).

Можно предположить, что в эргонимах, являющихся сосредоточием культурных,

идеологических, музыкальных и др. пристрастий участников рок-культуры, будут активно использоваться элементы из других культур (например, западной), влияющих на развитие русской рок-культуры. Но в результате проведенного анализа можно отметить, что процент названий, имеющих в своей структуре иноязычные элементы, не является таким высоким (21 %), как представлялось в начале исследования.

Использование иноязычных элементов можно отметить не только в названиях рок-групп, но и в названиях групп, принадлежащих другим музыкальным течениям, что, возможно, стало следствием влияния молодежной культуры, в рамках которой использование латиницы в повседневной жизни становится нормой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Русский рок: малая энциклопедия. – Леонтоа, Москва. – 2001. // <http://metalism.narod.ru>

© Григорьева Н. И., 2007

Дзюба Е. В.

Екатеринбург, Россия

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ОЦЕНКЕ РУССКОГО НАРОДА

**(на материале русских пословиц
и поговорок)**

Современные ученые, изучающие проблемы межкультурной коммуникации, отстаивают идею о необходимости воспитания чувства взаимного уважения у носителей разных культур, вынужденных проживать на одной территории (см. работы Д. Б. Гудкова, Л. И. Гришаевой, Г. В. Елизаровой, Н. А. Красильникова, А. П. Садохина, Ю. С. Степанова, С. Г. Тер-Минасовой, В. П. Фурмановой и др.). Исследователь С. Г. Тер-Минасова отмечает: «Научно-технический прогресс и усилия разумной и миролюбивой части человечества открывают для нас все новые возможности, виды и формы общения, главным условием эффективности которых является взаимопонимание, диалог культур, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации [Тер-Минасова 2004: 22-23].

Насколько воспитано чувство толерантности у русского народа, можно проследить по данным паремий, собранных В. И. Далем (см. Пословицы русского народа: Сборник В. И. Даля. В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1984). Русскому народу, впрочем, как и любому другому, более свойственно осознание собственной национальной идентичности, нежели стремление понять и принять особен-

ности чужой культуры. Русское сознание строго противопоставляет «своих» и «чужих», часто под «чужим» понимая всех представителей других наций, ср.: *Немечина хитрая, безверная, басурманская; Русский молодец – басурманам конец* (при этом *басурманами* называли мусульман вообще). Представители любой национальности как «ближние» (татары, цыгане, молдаване и т.д.), так и «дальние» по месту проживания (шведы, греки, итальянцы, французы и др.) воспринимались русскими негативно, ср.: *Татарин – свиное ухо. Бритая плешь; Бог создал Адама, а черт – молдавана, Не во время гость – хуже (пуще) недруга (татарина); Швед – нерубленая голова* и т.п. Русский человек не понимает и не принимает в «чужих» ни веры, ни особенностей поведения, ни жизненного уклада, ср.: *Лучше бы у собаки татарина жена померла, чем у меня (у него две).*

Каждый народ в сознании русского человека наделяется определенными качествами (чаще – негативными): склонностью к лжи, плутовству, воровству отличаются цыгане, татары, греки, итальянцы (ср.: *Цыгану без обману дня не прожить; Цыган раз на веку правду скажет, да и то покается; На волка помолвка, а цыган (татарин) кобылу украл (съел); Сыщи у татарина кобылу (т.е. украденную), а у раскольника попа; Коли грек на правду пошел, держи ухо остро; Грек скажет правду однажды в год; Сущий итальянец (т.е. пройдоха) и т.д.); скупостью – греки и евреи (ср.: *Грек одну маслинку съест – и то пальчики обсосет; Жид на ярмарке – что поп на крестинах; Торгуется, как жид*), мстительностью – евреи и цыгане (ср.: *Кто цыгана (жида) обманет (проведет), трех дней не проживет*), злым характером и внешней нечистоплотностью – татары (ср.: *Продай, князь, мыла (дразнят татар); А что, добрый человек, не видал ли ты злого татарина? (Дразнят татар); Злее злого татарина* и т.п.); болтливостью и неумной фантазией – поляки (ср.: *У поляка и приказ рассказ (rozkaz)*) и т.д., т.е. русскому человеку свойственно выделять и оценивать отличительные свойства разных национальностей. В этом смысле показательно, что в русском поговорочном фонде при оценке особенностей какого-либо народа оказалась частотной модель: «лексема *настоящий / сущий* + номинация национальности», ср.: *Настоящий немец (точен, педант, причудлив); Настоящий англичанин (т.е. корчит барина, тороват, чудак и**

делает все по-своему); Это – суший француз (т.е. говорлив и опрометчив) и т.д.

Нередко русские паремии рисуют уничижительный образ представителей других национальностей, ср.: *Видал татарин во сне кисель, так не было ложки; лег спать с ложкой—не видал киселя; Ай молодца: широка лица, глаза узеньки, нос пятка (калмык); Лях и умирает, а ногами дрягает; У немца (француза) ножки тоненьки, душа коротенька; Ноги многи, глаза быстры, а шейка шлёп-шлёп (рак, так дразнят немцев).*

В пословицах *Ты барин, да и я не татарин; Ешь медведь татарина – оба ненадобны; Что пороты уши (у лошади), так и татарин не съест?; Ныне про татарское счастье только в сказках слышать; Вас ис дас? – Кислый квас* очевидно выраженное чувство превосходства русской нации над другими, пренебрежительности к «чужим».

Общее негативное и пренебрежительное отношение русских к «чужим» наиболее ярко проявляется в выборе экспрессивно-окрашенной лексики, часто при оценке «чужих» русские используют inferнальную или бранную лексику (ср.: *Чертова сторонашка (Финляндия, за каменья); Алай-булай крымские песни – да там их и тресни; Рыжего зырянина создал бог, рыжего татарина – черт).*

Негативное и часто ироничное отношение русских к представителям иной культуры, эксплицитированное в русских паремиях, объясняется не только обостренным чувством национальной идентичности. Исследователи Е.С. Березкина и С.В. Супруга в своей статье «Отражение межкультурной коммуникации в языке фольклора» отметили: «Негативное отношение к тому или иному этносу ... зачастую объясняется с помощью исторических фактов (борьба с татарами, войны с Францией, Турцией, Персией...)». Справедливость данного мнения подтверждают и русские паремии, ср.: *Много нам бед наделали—хан крымский да папа римский; Не бьет стрела татарина; Постой, татарин, дай саблю выхытвить (наточить); Наругался француз, да не надолго; Сам себя сжег француз, сам и поморозил; Раскидал кости свои на чужбине, как француз; Голодный француз и вороне рад; Пуганный француз и от козы бежит; Пропал (Сгинул), как француз в Москве—с 1812 г.; Француз (Поляк) боек, а русский стоек; Русский немцу задал перцу; Что русскому здорово, то немцу смерть; Прусский гут (хо-рош), а русский гутее (солдатск.)* и мн. др.

Однако было бы несправедливо утверждать, что русский народ не отмечает достоинств представителей иных культур. Так, у немцев русские заметили стремление к точности и педантизму (ср.: *Немецкая (т.е. точная, школярная) ученость*), изобретательный ум (ср.: *У немца на все инструмент есть; Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами (перенимает); Немец хитер: обезьяну выдумал*). Чувство снисходительности к «чужим» выражено пословицами *И у цыгана душа не погана; Люблю молодца и в татарине; Татарин либо насквозь хорош, либо насквозь мошенник; Немец без шутки с лавки не свалится* и др. Такие пословицы и поговорки нельзя назвать частотными, но и игнорировать их нельзя.

Анализ приведенного выше материала, казалось, лишает надежды на наличие у русских людей терпимости к чужой культуре. Однако такое суждение было бы опрометчивым. Это доказывает анализ половиц и поговорок, аксиологический потенциал которых направлен на «своих» (носителей русской культуры).

Несомненно, русские люди отмечают достоинства собственного национального характера, национального уклада жизни и т.д., ср.: *Русский человек хлеб-соль водит; Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит; Русский человек – добрый человек; Русский догадлив (сметлив, себе на уме); Русский что увидит, то и сделает.* Для русского человека характерно восхваление своей земли, ср.: *Русь святая, православная, богатырская, мать святорусская земля; Кто против бога и великого Новгорода?; Где святая София, там и Новгород; Новгород (древний) судит один бог; Москва – сердце, Петербург – голова; Москва всем городам мать; Кто в Москве не бывал, красоты не видал; Матушка Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая* и мн. др. Нередко русские с каким-то бахвальством, с особой гордостью отмечают свою непохожесть на других, ср.: *В русском брюхе и долото сгниет; Я тебе по-русски отрежу, напрямик.*

Однако русскому человеку свойственно также критичное отношение к самому себе. Русские люди нередко негативно оценивают некоторые черты характера, свойственные либо всему народу, либо жителям отдельных областей России, ср.: *Руси есть веселие пити, не может без него быти (Владим. I); Русак умен, да задним умом; Русский*

назад умен; Русский человек и гуллив и хвастлив; Русский человек любит авось, небось да как-нибудь; Москаль ворона, а привязчивее черта; Варил черт с москалем пиво, да и от солоду отрекся; Московские люди землю сеют рожью, а живут ложью (старин.); Упряма, как новгородец; Тихвинцы – свято место, где тихвинца нет; Город Архангельский, а народ в нем дьявольский и др.

Иными словами, анализ русских паремий свидетельствует о том, что русским людям, как и любому другому народу, свойственно осознание собственной национальной идентичности, следствием чего является негативное отношение ко всем другим нациям. Однако нельзя утверждать, что для русских характерно только критичное отношение к «чужим», равно как нельзя говорить и об однозначно положительном отношении к «своим». Русские люди осознают достоинства *свои* и *чужие*, они одинаково нетерпимы к *своим* и *чужим* недостаткам. Значительный же перевес пословиц и поговорок с негативной оценочностью, обнаруженный при анализе русских паремий, объясняется, вероятно, тем, что подчеркнутая критичность мышления и скептицизм в оценке самого себя и окружающего мира является одной из особенностей русского национального характера. Кроме того, данное исследование подтвердило мысль о том, что толерантное отношение к чужой культуре не заложено в природе человека, национальная толерантность – это качество, которое должно стать результатом самовоспитания общества людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березкина Е.С., Супруга С.В. Отражение межкультурной коммуникации в языке фольклора / Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сборник научных трудов / Ред. Л.И. Гришаева, Т.Г. Струкова. – Воронеж: ВГУ, 2002. С.345 – 349.
- Вежбицкая А. Язык, культура и познание. – М.: Русские словари, 1997.
- Верещагин Е. М., В.Г. Костомаров. Язык и культура. – М., 1990.
- Гришаева Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учебное пособие. – Воронеж: ВГУ, 2004.
- Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
- Жданова В. Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней / Русские и «русскость»:

Лингвокультурологические этюды / Сост. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2006. С. 5 – 178.

Ильин И. Сущность и своеобразие русской культуры. – Москва, 1996. № 1.

Кочетков В. В. Психология межкультурных различий. – М.: ПЕР СЭ, 2002.

Красильникова Н.А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: дисс... кфн – Екатеринбург, 2007

Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. – М., 1997.

Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: сборник научных трудов / под ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж: ВГУ, 2002.

Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высш. шк., 2005.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. С 126 – 143.

Тер-Минасова С. Т. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: МГУ, 2004.

Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. – Саранск, 1993.

Источники

Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1984.

Старинные русские пословицы и поговорки / Сост. В.П. Аникин. – М.: Дет. лит., 1983.

© Дзюба Е. В., 2007

Еремина С. А., Хабирова Ю. Р.

Екатеринбург, Россия

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ УЗБЕКА

Политические процессы конца XX века, происходящие в нашей стране, пробудили интерес к личностям, имеющим различный социальный статус: коренной житель и мигрант, специалист в какой-либо области знания и человек, не имеющий высшего образования. Несомненно, статус личности часто зависит от того, как человек владеет языком, а если это иностранец, то, как он владеет иностранным языком. Язык является и способом адаптации человека в условиях окружающей среды, и способом организации человеческой деятельности. Как отмечает Р. И. Аванесов «правильность, создающая основу литературной речи, – это культурное достижение, способ утверждения и защиты личности... Умеющий говорить правильно – свободнее, богаче, сильнее человека, не умеющего это делать» [Аванесов 1984: 38].

Мигрант, приезжающий в Российскую Федерацию, сталкивается с трудностями разного характера. Часто слабое владение русским языком является препятствием для получения престижной работы и адаптации в чужой социум. Более пятнадцати лет прошло с тех пор, как русский язык изменил свой статус в мире и на территории бывшего Советского Союза, и поэтому речь выходцев из бывших советских республик содержит немало отклонений от норм литературного языка. Изучение данных отклонений в речи мигрантов поможет выстроить программу по языковой, а в дальнейшем и социальной адаптации мигрантов.

В рамках межкультурной коммуникации любой выходец из Средней Азии испытывает трудность в адаптации, так как сталкивается с объективными причинами:

1. Недостаточное владение русским языком (реципиент окончил национальную школу, а русский язык в родной стране преподавался как иностранный).

2. Русскоязычное население, с которым контактирует мигрант, не всегда владеет литературным языком.

3. Регион, в котором находится реципиент, многонационален и поэтому многоязычен (помимо русских, в Екатеринбурге проживают татары, башкиры, много выходцев с Кавказа, различных республик Средней Азии, а также большая диаспора китайцев).

Анализ речевых особенностей жителей Средней Азии показал, что наиболее компетентным в речевом отношении является студент вуза.

В данном исследовании представлен речевой портрет узбека Абдугапарова Улугбека Сабитовича, студента историко-филологического факультета Ташкентского государственного университета. Молодой человек активно участвует в научных конференциях, где использует русский язык, несколько раз бывал в России по приглашению друзей. Улугбек, родившийся за пределами России, всю жизнь проживающий в Узбекистане, усваивавший русский язык в общении с русскоязычными сверстниками, частично в школе и через средства массовой коммуникации имеет достаточно высокую языковую компетенцию.

Особую трудность для узбека представляет произношение русских согласных фонем. Мягкие согласные он заменяет привычными соответствующими звуками, которые произносятся почти как русские твердые согласные, например: [б']ил – «был». В узбек-

ском языке, кроме того, отсутствуют [ф], [ц], [ж], [ш]; они заменяются на соответствующие [п], [с], [дж'], [ш'], например: [п]артук, [с]иркуль, [ш']урина, [дж']урнал.

Наблюдаются отклонения орфоэпической нормы в речи Улугбека и в системе гласных звуков. В речи говорящего гласные не подвергаются качественной редукции, в безударной позиции они ослабляются количественно.

Определенная часть русского ошибочного произношения возникает и под влиянием специфики отношения букв к звукам в родном языке говорящего [Асфандияров 1966], например, буква Ю в узбекском языке передает только йотированное звуко сочетание [йу]: [йур]моқ – ходить, и поэтому из-за особенной связи буквы Ю с произношением и фонетической системы в узбекском языке узбеки часто допускают ошибки. Это явление наблюдается и в речи Улугбека, например: [л'йу]бит, лубит – «любит», дател – «дядя», да[р'йу], да[ру] – «дарю».

В речи Улугбека наблюдаются отклонения в области грамматики. Например – смешение форм будущего простого и сложного времени: *завтра мы будем посмотреть слона в зоопарке; люди хорошо будут изучать природу ближайших контекстов*. Говорящему трудно связать наличие двух форм будущего времени с грамматической категорией вида, не свойственной родному языку. Возникают ошибки и в выборе нужного члена видовой пары, смешение глаголов совершенного и несовершенного вида, ср.: *Без солнца жизнь на земле не могла бы возникнуть и развиваться; Я брал эту книгу на шкафе (т.е. взял); Неожиданно шел дождь*. Допускаются ошибки в выборе личных окончаний у глаголов (причиной этому является общий тип спряжения у узбекских глаголов): *Люди хашаром строят дом; Там, где ты занимаешься*. Говорящий под влиянием родного языка собирательные существительные относит к классу существительных множественного числа (ёшлар – молодежь): *Современная молодежь не боится; Учительство нашего института собрались на собрание*.

В речи Улугбека наблюдаются лексико-семантические ошибки, возникающие в результате интерференции, т.е. говорящий переносит значения слов из родного языка. Например, словам братъ – взять, получить – получить в узбекском языке соответствует одна лексическая единица – олмоқ. Словак посмотреть – положить, класть, ставить в

узбекском языке передаются словом қуймоқ. Вследствие этого и наблюдаются ошибки лексико-семантического плана: *Студенты за помощь колхозам уборки урожая взяли благодарность; Зухра поставила тетрадь на стол.*

Составление речевого портрета иностранца (по методике Земской [Русский язык сегодня 2000]) позволяет наметить методику работы по адаптации мигрантов в российский социум.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесов Р.И. «Русское произношение». – М.: Просвещение, 1984. – с. 38.

Асфандияров И.У. Характеристика согласных русского языка в сопоставлении с согласными узбекского языка «Русский язык и литература в узбекской школе», 1966, № 3.

Русский язык сегодня / Отв. Ред. Л.П. Крысин. – М., 2000.

Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995) / Отв.ред. Е.А. Земская. – М., 2000.

© Еремина С. А., Хабирова Ю. Р., 2007

Кабаченко Е. Г.

Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МИГРАНТА

Целью данной публикации является выявление метафорических словоупотреблений, репрезентирующих образ мигрантов в сознании студентов педагогического университета, что дает возможность оценить особенности восприятия молодыми людьми, воспитанными в русской культурной традиции (носителями российского менталитета), мигрантов, принадлежащих к другим культурным традициям.

Процедура исследования. Студентам предлагалось ответить на вопрос «с чем или с кем Вы бы сравнили мигранта» и мотивировать свой ответ через союз «потому что».

Характеристика испытуемых. В исследовании приняло участие 89 человек: 49 лиц женского пола, 40 лиц мужского пола; возраста (16-17 лет); очной формы обучения, различных факультетов Уральского государственного педагогического университета (физический факультет, факультет социологии и факультет социально-культурного сервиса и туризма).

Результаты исследования и их обсуждение. По результатам анализа смоделированных студентами метафор были выявлены характеристики, наиболее значимые для экспериментальной группы при оценке мигрантов. Ярко выделились три сферы-источника когнитивных метафор.

Студенты (независимо от пола), моделируя образ мигранта, выбирают сферу-источник «Мир животных» (61,8% от общего числа созданных студентами метафор – зооморфные). Самой устойчивой и распространенной когнитивной метафорой является метафора «МИГРАНТЫ – это ТАРАКАНЫ» (22% от общего числа зооморфных метафор). В основу метафорического переноса положены три признака: животная способность размножаться с большой скоростью и заполнять пространство – «*мигранты похожи на тараканов, потому что их развелось просто огромное количество, от них куда не деться, и с каждым годом их все больше и больше*»; отсутствие пользы – «*мигрантов я бы сравнила с тараканами, потому что живут на чужой территории, несут только вред, действуют на нервы окружающим, и ни какой пользы от них*»; внешний вид, вызывающий отвращение – «*мигранты – это тараканы, потому что они мерзевшие, грязные и гадостные*». Для номинации мигрантов используются названия многочисленных насекомых: «саранча», «блохи», «назойливые мухи», «паразиты», «навозные жуки», «склизкие слизняки», и только наименование «муравьи» обладает позитивным прагматическим потенциалом, обращая внимание на трудолюбие гостей из ближнего зарубежья. Ср.: «*мигранты – это муравьи, потому что много трудятся, строят свою жизнь в большом и чужом для них мире*». О восприятии мигрантов, как людей работающих, свидетельствуют и образные определения «мул», «кляча», «осел», «ишак». Но у этих метафор появляются дополнительные коннотативные признаки «тупость», «упрямство», «ограниченность». Хотя среди общего числа созданных студентами метафорических образов есть красивые образы «*заблудившейся перелетной птицы, отбившейся от стаи*», «*гадкого утенка, которого никто не любит*», «*грязного и дрожащего от страха котенка*», выражающие сочувствие и жалость к мигрантам. Но, чаще всего, мигранты в студенческом восприятии не жалкие, а смешные, как мартышки. Ср.: «*Мигрант – это маленькая обезьянка, которая делает то же, что и мы, но очень забавно, плохо понимает людей, слова произносит неправильно и комично*». Помимо видовых зооморфных наименований встречаются и родовые. Мигранты в сознании студентов либо «*грубые, озлобленные и страшные дикие звери*», ли-

бо «грязные животные, неприхотливые к жилищным условиям и пище».

Рисуя портрет мигранта, студенты используют также метафорическую модель МИГРАНТ – это НЕОДУШЕВЛЕННЫЙ ПРЕДМЕТ (15,7% от общего числа метафорических единиц). Метафоры мусора и занозы демонстрируют желание избавиться от непрошенных гостей: «Мигранты – это мусор, упавший мимо урны, их давно пора убрать, показать их место в урне, вымести из большого красивого дома, т.е. из России». Отдельные студенты считают, что мигранты, как туалетная бумага, предназначены для выполнения грязной работы, есть и такие, которые представляют их «куском дерьма».

В основу создания многих метафор положены эмоции. Если мы разделим все смоделированные студентами метафорические представления мигрантов на два полюса (условно говоря, позитив и негатив), то получим соотношение 23,2% и 76,8%. Большинство метафор демонстрирует активное эмоциональное неприятие мигрантов (злобу, негодование, неприязнь, брезгливость, отвращение, презрение, осуждение) и отношение к ним как к низшим существам.

Лишь небольшое количество опрошенных студентов видят в мигранте пусть «странного», но человека, нуждающегося в материальной и социальной помощи. Антропоморфные метафоры составляют 13,5% от общего числа метафорических единиц. На беззащитность мигрантов, их неумение ориентироваться в незнакомом мире, отсутствие знаний о чужой стране и невозможность без посторонней помощи удовлетворить свои потребности обращает внимание метафора МИГРАНТ – это МАЛЕНЬКИЙ РЕБЕНОК. Ср.: «Мигранты как маленькие дети, потому что ничего не понимают, не знают, глаза пустые и глупые, сами беспомощные»; «Мигрант – это ребенок, который только появился в незнакомом и вызывающем интерес мире, и которому еще предстоит научиться жить по законам этого мира».

Отметим, что на фоне общего негативно-го восприятия «гостей России» созданные студентами антропоморфные метафоры демонстрируют толерантность и терпимость по отношению к мигрантам. Об этом же свидетельствуют и отказы 9% опрошенных сравнивать мигрантов с кем или чем-либо, на том основании, что «они такие же люди». Встречались категоричные («я не собираюсь

их ни с кем сравнивать, неужели непонятно, что это такие же обычные люди, как и мы»), нейтральные («сравнить ни с кем не могу, потому что мигранты такие же люди, как и мы, только в чужой стране») и этикетные («сравнивать мигрантов с кем-то и тем более с чем-то не хочу, уж простите, ибо не судите, и не судимы будете») формулировки отказа.

Узкий круг когнитивных метафор (зооморфная, предметная, антропоморфная) – свидетельство существования достаточно устойчивого образа мигранта в сознании подрастающего поколения (можно говорить о наличии стереотипных метафорических словоупотреблений). В целом, мигранты, по мнению студентов, не соответствуют социально желательным формам проявлений в когнитивной, эмоциональной, поведенческой сферах, поэтому воспринимаются как «чужие», внушают недоверие к себе и своему образу жизни. © Кабаченко Е. Г., 2007

Руженцева Н. Б.

Екатеринбург, Россия

МЫ У НИХ – ОНИ У НАС: ОБРАЗЫ ИНОСТРАНЦЕВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КРИТИКЕ XX ВЕКА

Ф. Достоевский писал о Пушкине: «... не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде, ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось». «Ибо что такое сила духа русской народности, – продолжает Достоевский, – как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности?»

Данное суждение великого русского писателя, без сомнения, верное для характеристики творчества Пушкина, представляется нам далеко не бесспорным по отношению ко всему русскому народу, т.к. оно опровергается русской литературой на протяжении почти всего ее существования. Многие талантливейшие писатели XIX и XX века доказывали в своих произведениях противоположный тезис, показывая чуждость россиянина людям иных национальностей и чуждость россиянину иной национальной среды. В XX веке об этом много писали литераторы первой волны русской эмиграции, используя широкий спектр выразительных средств

языка, речи и текста. Попытаемся охарактеризовать выразительные средства, передающие восприятие россиянином чуждой национальной среды. В поле зрения авторов попадают прежде всего внешний облик европейцев, их речь и поведение. Совокупность портретных характеристик можно условно разделить на четыре группы: индивидуальный портрет, групповой портрет, речевой портрет и поведенческий портрет. Коротко проиллюстрируем разнообразие выразительных приемов, используемых литераторами первой волны русской эмиграции при создании словесных портретов.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ: «...идол тот замешался. Идол-то... Да он, может, и ничего, да вроде как шатуший, лизун... А сам вроде как истукан, лицо такое неприятное, кирпичом, никогда и не улыбнется, зубы покажет только, какие-то они у него... железные словно, а не золотые, смотреть даже неприятно. А бога-ач, денег некуда девать, полные подвалы» (И. Шмелев «Няня из Москвы»).

Негативная оценка американского богача, поклонника русской актрисы, манифестируется посредством прямых оценок: негативно-оценочной лексики, негативно-оценочных сравнений («лицо кирпичом») и ярлыка «идол». Портрет дан в визуальном восприятии простой русской женщины, в сознании которой возникают национальные негативные ассоциации («шатуший» – медведь-шатун, «лизун» – подлец, лизоблюд).

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ: «Вот и грузные ворота. Сквозь проемы их протискивались толстобокие автобусы и катились дальше вдоль бульвара, уходящего вдаль, в тревожный синий блеск ветреного дня. Я ждал тебя под тяжелой сенью, между холодных колонн, у железного окна гауптвахты. Было людно: шли со службы берлинские чиновники, нечисто выбритые, у каждого подмышкой портфель, в глазах – мутная тошнота, что бывает, когда натошак выкуришь плохую сигару. Без конца мелькали их усталые и хищные лица, высокие воротнички» (В. Набоков «Благость»).

В данном фрагменте сочетаются и дополняют друг друга описание города и портретное описание, данные в визуальном и тактильном восприятии (ощущение холода). Отчетливо прослеживается оппозиция: с одной стороны «я» и «ты», с другой – «берлинские чиновники», с «усталыми и хищными лицами» и «мутной тошнотой» в глазах. В описании Берлина доминирует микротема

тяжести: «грузные ворота», «толстобокие автобусы», «тяжелая сень», «холодные колонны», «железное окно гауптвахты». Оппозицию поддерживает единственная деталь («бульвар, уходящий вдаль, в тревожный синий блеск ветреного дня») – именно в этот «тревожный синий блеск» хотят уйти от тяжелой повседневности и автобусы, и немцы, и пара влюбленных.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ: «... наш Дон Кихот поднялся на палубу и показал матросу свой билет.

– Каюта номер девятый, – говорит матрос, отворачиваясь от пассажира, с которым только что спорил.

Пассажир этот, толстый и красный, опирается на костыль. У него одна нога деревянная. Дон-Кихот остановился и слушал спор.

– Вы обязаны дать мне каюту! – горячился безногий. – Я не успел взять. Вы же видите, что мне необходимо лежать. Вы бесчеловечны. Это вы обязаны понять.

– Мы поступаем по закону, – отвечал матрос, не поворачивая головы. – Кто заплатил за место, тот его и получил. Этак всякий полезет в каюту. Свободных мест нет, а своего места вам никто не уступит. Проходите, не задерживайте.

И тут выступил наш Дон-Кихот.

– Нет, вы не правы, – сказал он матросу. – Вы ошибаетесь, если думаете, что никто не уступит места больному человеку. Пожалуйста, друг мой.

И он, вежливо приподняв шляпу, отдал безногую свой билет.

Матрос презрительно фыркнул, а безногий даже не поблагодарил и, сердито что-то ворча насчет ловких малых, которые всегда пролезают прежде всех, заковылял прочь.

– Эй вы! – закричал ему вслед матрос. – Деньги! Деньги-то не забудьте вернуть этому господину.

Но Дон-Кихот замахал на него руками.

– Тссс!.. Не надо, друг мой, ставить людей в неловкое положение. Будьте спокойны, он непременно вернет мне деньги. Я в этом вполне уверен» (Н. Тэффи «Моя Испания»).

Приведенный диалог имеет четырехсубъектную организацию: голоса автора, русского эмигранта Дон-Кихота и европейцев: матроса и безногого пассажира. Автор воспринимает ситуацию визуально и акустически, отражая не только прямой смысл высказываний, но также оттенки интонаций и телодвижения как невербальные средства общения. Пассажир – «горячился», «даже не

поблагодарил», «сердито что-то ворча». Матрос – «отворачиваясь от пассажира», «не поворачивая головы», «презрительно фыркнул», «закричал». Дон-Кихот – «вежливо приподняв шляпу», «замахал на него руками: Тссс!». Речь русского эмигранта выдает его воспитанность, толерантность, деликатность, и это относится как к знанию формул этикета и употреблению форм обращения («друг мой») так и к мягкой манере вести полемику, что выгодно отличает его от грубых, сугубо прагматичных европейцев.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ: «Ушел, эффектно закрыв глаза рукой.

Я распахнула окно и стала ждать. Как только выйдет из подъезда – выброшусь на мостовую. Вот. Пусть.

А он что-то замешкался в передней. Слышу – скрипнул шкафчик. Что бы это могла значить? Входная дверь щелкнула. Ушел! Но что же он такое делал? Почему открывал шкафчик?

Я бросилась в переднюю. Открываю шкафчик... Милые мои! Ведь это... ведь это повторить невозможно! Он свой утюжок унес! Утю-жо-ок!

Верить ли. Я прямо на пол села. До того хохотала, до того хохотала, и так мне легко стало, и так хорошо.

– Господи! – говорю. – До чего же чудесно на твоём свете жить! Вот и теперь, как вспомнила, ха-ха-ха, как вспомнила, то, наверное, до утра прохохочу. Утюжок! Утю-жо-ок! Я бы бахнула на мостовую, череп вдребезги, а у него в руках утюжо-ок!

Картина!

Эх, милая моя, такое в жизни бывает, что и нарочно не выдумаешь (Н. Тэффи «Два романа с иностранцами»).

Приведенный фрагмент – это ретроспектива, воспоминания, которые изложены, однако, с использованием такого приема выразительности, как эффект присутствия. Рассказ в целом построен по принципу двупланового нарратива: совмещаются представления героини о том, каким должен быть любимый человек, и каким он оказался. Комический эффект концовки достигается оппозицией: с одной стороны, отчаяние героини, готовой выброситься из окна, а с другой – мелочность, расчетливость европейского жениха, который, бросив невесту, забрал и свой подарок – утюжок.

Итак, в восприятии литераторов первой волны русской эмиграции европейцы некрасивы, грубы, излишне прагматичны, жадны, невоспитанны, и эти качества российское

сознание негативно оценивает и отвергает, зачастую смеясь. Даже живя в Европе, мы не сливаемся с европейцами, мы создаем свой особый мир, адекватный нашим представлениям и комфортный для нас психологически. Русские адаптируют существующие европейские реалии к своему миропониманию и к своему языку. А европейцы смотрят на россиян как на своеобразный экзотизм и тоже особого интереса к ним не испытывают:

«Это был небольшой городок – жителей в нем было тысяч сорок, одна церковь и незначительное количество трактиров.

Через городок протекала речка. В стародавние времена звали речку Секваной, потом Сеной, а когда основался на ней городишка, жители стали называть ее «ихняя Невка». Но старое название все-таки помнили, на что указывает существовавшая поговорка: «Живем как собаки на Сене – худо!»...

Местоположение городка было очень странное. Окружали его не поля, не леса, не долины – окружали его улицы самой блестящей столицы мира, с чудесными музеями, галереями, театрами. Но жители городка не сливались и не смешивались с жителями столицы и плодами чужой культуры не пользовались. Даже магазинчики заводили свои. И в музеи и галереи редко кто заглядывал. Некогда, да и не к чему – «при нашей бедности такие нежности».

Жители столицы смотрели на них сначала с интересом, изучали их нравы, искусство, быт, как интересовался когда-то культурный мир ацтеками.

Вымирающее племя... Потомки тех великих славных людей, которых... которые... которыми гордилось человечество!

Потом интерес погас» (Н. Тэффи «Городок»).

Негативное отношение к иностранцам характерно не только для литераторов русской эмиграции, которые смотрят на Европу с позиций МЫ у НИХ, – оно вошло в онтологию россиян гораздо раньше, и это отразила русская критика, интерпретирующая взаимоотношения России и Европы в ситуациях ОНИ у НАС. Обратимся к показательному с этой точки зрения сборнику литературно-критических эссе «В лабиринте проклятых вопросов» В. Ерофеева.

Через весь сборник красной нитью проходит противопоставление русской и европейской души, русской и европейской личности, мысль об отчуждении Европы от Рос-

сии. Так, ерофеевская трактовка образа французов у Чехова носит негативно оценочный характер: «Мне кажется, если у Гоголя французы – черти, то у молодого Чехова французы – дураки»; «Жан» отчужден раз и навсегда. Он – другой. «Жан» в нашей литературе не достоин иметь имени человека. В «Жане» нет души, это кукла». Образ француза в чеховском рассказе «Невероятная история», по Ерофееву, «отчужденный», по сути своей жалкий, а Францию сильно любят только лакеи, например, лакей Яша из пьесы «Вишневый сад». Ерофеев приводит негативные примеры отношения чеховских героев и к людям других национальностей (Ионыча стали звать в городе «поляк надутый»; профессор из «Скудной истории» бормочет: «Ослы ваши немцы» и т.д.). Эссеист пытается интерпретировать чеховские тексты с аксиологических позиций, считая, например, что посрамление «глупого француза» приятно действует на русское подсознание, добавляя к смеху приятное чувство превосходства». Русская неприязнь к «умеренности и аккуратности» клоуна Генри Пуркуа тоже объясняется Ерофеевым с точки зрения внутренней национальной традиционной установки, а брак Анны Сергеевны с немцем («Дама с собачкой» трактуется вообще как измена себе, своей человеческой и национальной природе: «Анна Сергеевна с немцем изменила себе. Изменив немцу, она вернулась к себе»).

Обратившись к творчеству Гоголя, В. Ерофеев вслед за В. Набоковым (набоковское эссе «Николай Гоголь») интерпретирует собирательную фигуру француза (иностранца) как представителя третьего поколения нечистой силы. Ср. у Набокова: «Недоразвитая, вихляющаяся ипостась нечистого, с которой в основном общался Гоголь, – это для всякого порядочного русского тщедушный инородец, трясущийся хилый бесенок с жабьей кровью, на тощих немецких и французских ножках, рыскающий мелкий подлец, невыразимо гаденький».

В свою очередь, В. Ерофеев (эссе «Французский элемент в творчестве Гоголя») интерпретирует гоголевские тексты, выдвигая на первый план inferнальные моменты: ряд «черт – немец – свинья» в «Ночи перед рождеством»; «гульба ляхов, их кутеж напоминают бесовские игрища»; поляки и черти «выступают как носители злой воли, абсолютного зла»; французский язык «выступает в демонической функции языка-губителя» и др.

Русская литература всегда имела острую критическую направленность. Критика относилась прежде всего к самим себе, к россиянам, и репрезентировалась в форме иронии, сарказма, гротеска. Россияне, по мнению большинства наших философов и писателей, отнюдь не являются носителями лучших национальных черт. В связи с этим неоднократно повторялось и цитировалось известное мнение Д. Овсяннико-Куликовского о национальной специфике пороков гоголевских персонажей. И тем не менее через всю русскую литературу красной нитью проходит противопоставление России и Европы, русского и европейца на аксиологическом и онтологическом уровнях. «Парадокс «Мертвых душ» в том, что свои – нехороши и чужие тоже нехороши, но не так же, однако, а иначе, на каком-то более фундаментальном уровне онтологии», – пишет В. Ерофеев.

Рационального объяснения этому, на наш взгляд, нет и не может быть. Вечная оппозиция «свой-чужой» обусловлена генетически и заложена в россиянах на уровне подсознания. Это данность, с которой нельзя бороться, но с которой нужно считаться, воспитывая подрастающие поколения в духе толерантности ко всем представителям мирового сообщества XXI века, в котором современной молодежи придется жить.

© Руженцева Н. Б., 2007

Сотникова А. В.

Екатеринбург, Россия

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ НАЗВАНИЯ АМЕРИКАНСКИХ ФИЛЬМОВ

Цель статьи – проанализировать различные виды взаимодействия названия и основного текста и выяснить, зависит ли перевод названий, и если зависит, то как, от их соотношения с текстом фильма. Материалом для исследования послужили 300 названий американских кинофильмов, появившихся в российском прокате за последние десять лет.

С этой целью мы, вслед за И. Левым, выделяем два класса названий: описательные и символические. Описательные заглавия – это такие названия, в которых содержится либо имя главного действующего лица, либо название местности, где будет разворачиваться действие, либо какое-нибудь собственное имя. На первый план в таких названиях, как правило, выходит информативная функция. Основной задачей при переводе названий такого рода является со-

хранить и передать информацию, отодвинув ее эстетическое воплощение на второй план, и поэтому при переводе искажений, как правило, не бывает. В таких случаях переводчики стараются сохранить тематическое обозначение.

Из отобранного нами для анализа материала данный класс представлен 33 единицами, что составляет 11% от общего объема.

Какими же способами переводить такого рода названия? Можно воспользоваться следующими приемами передачи иноязычных названий на русский язык:

1. Транслитерацией, то есть передачей графических образов (букв).

e.g.: "Termitator" – «Терминатор»

e.g.: "Van Helsing" – «Ван Хельсинг»

e.g.: "Alex and Emma" – «Алекс и Эмма»

2. Полной или частичной транскрипцией, основанной на фонетическом принципе, то есть передача названия на русский язык иноязычными звуками.

e.g.: "Blade" – «Блейд» (полная транскрипция)

e.g.: "Gerry" – «Джерри» (по имени главного героя)

e.g.: "Dogville" – «Догвилль» (по названию места, где происходит действие, хотя, основываясь на переводе этого сложного названия, состоящего из двух основ: английской основы "dog" – собака и французской основы "ville" – город, можно было бы перевести данное название как «Город собак»).

e.g.: "Laurel Canyon" – «Лорел Каньон»

Как правило, транскрипция правильной передает звучание иностранных имен, поэтому она вытесняет транслитерацию.

3. Еще один способ перевода описательных названий характеризуется стремлением переводчика избежать незнакомых иностранных имен в русском названии. Это иногда приводит переводчиков к созданию ярких заглавий там, где подлинник воздействует скорее своей звуковой экспрессией, чем конкретным содержанием.

e.g. "Win a Date With Ted Hamilton" – «Свидание со звездой»

Ко второму типу, как уже говорилось ранее, относятся символические названия, которые являются наиболее распространенным типом в художественной литературе и, следовательно, в кинофильмах. Такие названия могут соотноситься с несколькими содержательными линиями и иметь несколько интерпретаций. Как известно, символ вбирает в себя представления, иногда дале-

ко уводящие слово или словосочетание от его предметно-логического значения. Такие названия обычно декодируются в структуре целого текста. И. Левый предлагает понимать под символом образ, который, будучи условным, возникает в произведении и неоднократно повторяется, воплощен в словесной ткани произведения и содержит в себе такую высокую степень обобщения, что может выступать как некая абстракция. Адекватное понимание названия-символа требует более тщательного проникновения в смысловую структуру текста и в немалой степени зависит от фоновых знаний и кругозора читателя. Основной функцией названий такого рода является рекламная, поскольку его задача не столько проинформировать читателя или зрителя о содержании книги или кинофильма, сколько привлечь его внимание. В названиях, относящихся к данному типу, часто встречается и явление многозначности, используемое для привлечения внимания зрителя. Такое заглавие приглашает прочитать произведение или посмотреть фильм и на основе широкого контекста определить, какое же из значений слова или фразы, входящей в заглавие, подразумевал автор. Конечно, контекст играет немаловажную роль и в случае перевода заглавий первого типа, но здесь его роль – первостепенная. Здесь возможно добавление и опущение слов при переводе, целостное преобразование, а также другие методы перевода, позволяющие наиболее верно отразить заглавие при переводе.

Данная группа насчитывает 267 единиц и составляет 89 % от общего материала.

Названия такого типа могут представлять собой двукратные, реже трехчленные, симметричные конструкции, сохранять которые при переводе является возможным, а иногда даже обязательным.

e.g.: "Beauty and the Best" – «Красавица и чудовище»

Иногда переводчик старается сохранить символизм названия при переводе, передавая его дословно.

e.g.: "Falcons" – «Соколы»

e.g.: "Cold Mountain" – «Холодная гора»

e.g.: "The Hours" – «Часы»

К символическим названиям можно также отнести названия, компоненты которых обычно не согласуются друг с другом, имея различное значение. Это также необходимо передать при переводе, чтобы сохранить символичность.

e.g.: "Silent Screams" – «Немой крик»

e.g.: “50 First Dates” – «50 первых поцелуев»

Самой распространенной группой являются названия, перевод которых большей частью зависит от контекста. Здесь можно выделить следующие приемы передачи иноязычного названия на русский язык:

1. Добавление слов при переводе.

e.g.: “Ocean’s Eleven” – «Одиннадцать друзей Оушена», “Erin Brockovich” – «Эрин Брокович: красивая и решительная», “How to Lose a Guy” – «Как отделаться от парня за десять дней», “Scary Movie” – «Очень страшное кино», “One Night at McCool’s” – «Ночь в баре «У Маккула», “A View from the Top” – «Вид сверху лучше», “Belphegor” – «Белфегор – призрак лувра».

2. Опускание слов при переводе.

e.g.: “Eye of the Beholder” – «Свидетель», “Dirty Dancing: Havana Nights” – «Грязные танцы 2», “Disney’s Teacher’s Pet” – «Питомец», “Young Black Stallion” – «Черный жеребец», “Adam Sandler’s Eight Crazy Nights” – «Восемь безумных ночей», “Just Married” – «Молодожены», “The Sweetest Thing” – «Милашка», “Bulletproof Monk” – «Пуленепробиваемый».

3. Антонимический перевод.

e.g.: “Get Carter” – «Убрать Картера», “Chasing Liberty” – «Уйдя от опеки», “Finding Nemo” – «В поисках Немо»

4. Говоря о контекстуальных названиях, нельзя не упомянуть о таком распространенном способе передачи как переименование или целостное преобразование, к которому переводчик прибегает, исходя из контекста.

e.g.: “Laws of Attraction” – «Законы о любви», “Mr. Deeds” – «Миллиардер по неволе», “Rundown” – «Сокровища Амазонки», “Catch That Kid” – «Запретная миссия», “High Fidelity” – «Высокая точность», “Trapped” – «24 часа», “The Italian Job” – «Ограбление по-итальянски», “Serving Sara” – «Мошенники», “Eight Legget Freaks” – «Атака пауков», “Serendipity” – «Интуиция», “The Big Bounce” – «Большая кража», “Confidence” – «Афера».

Итак, на основе отобранного материала и рассмотренных выше примеров был приведен статистический анализ названий кинофильмов разных типов, в результате которого мы получили следующее процентное соотношение отобранных названий: 1) название описательное – 11 %; 2) название символическое – 89 %.

© Сотникова А. В., 2007

Чжан Лэй
Чанчунь, Китай

ЭМИГРАЦИЯ КАК КИТАЙСКИЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Острая актуальность и огромная фактическая значимость проблемы миграции как китайского культурологического феномена несомненна в современном мировом как научном, так и общественно-политическом дискурсе.

Для наиболее полного раскрытия обозначенной нами выше проблемы – эмиграция как культурологический феномен китайской жизни – необходимо, прежде всего, представить подробный аналитический исторический экскурс в настоящую проблематику.

Рассмотрение основных причин миграции также является важным этапом в ходе работы по раскрытию поставленной проблемы. Среди важнейших причин несомненно стоит отметить следующие:

1) демографический фактор как определяющий весь современный мировой дискурс;

2) политический фактор, обуславливающий специфику «китайской» миграции;

3) экономический фактор, обозначенный как основополагающий в российской миграционном процессе;

4) юридический фактор, зависимость от актуальных проблем международных правовых отношений;

5) психологический фактор.

В рамках рассмотрения психологического фактора считаем необходимым поднять важнейший вопрос имиджа, то есть вопрос восприятия миграции в современном языковом сознании.

Несомненная актуальность настоящей проблематики – миграция как китайский культурологический феномен – определяется отчасти как не изученностью обозначенных выше вопросов, так и невозможностью их решения в настоящее время. А значит, сейчас мы можем говорить только о постановке проблемы, описании основных задач и определении перспектив их изучения и решения.

© Чжан Лэй, 2007

Ямбаршева Е. Г. Екатеринбург, Россия ИНОСТРАНЕЦ И ИНОСТРАННЫЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЯН

Проблемы межнационального и межкультурного взаимодействия занимают в современном мире все большее место, а оппози-

ция «свой – чужой» является одним из существеннейших инструментов познания, с помощью которого изучаются взаимоотношения между людьми разных национальностей.

В связи с этим Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова пишут: «При восприятии чужого» коммуникант выполняет сложные когнитивные задачи. Во-первых, он имеет положительное или отрицательное отношение к тому, что совершает «чужой» в данном конкретном коммуникативном акте. Во-вторых, он имеет положительное или отрицательное отношение к «чужому вообще или к конкретной чужой культуре. В-третьих, он не всегда осознает, что в коммуникативном акте имеют дело, как правило, не с фактами как таковыми, а с интерпретациями этих фактов субъектами восприятия, познания и коммуникации, поскольку фундаментальная особенность восприятия как феномена – его селективность» [Гришаева, Цурикова 2003].

С целью выявления положительного или отрицательного отношения россиян к чужому и чужой культуре нами был проведен ассоциативный эксперимент. Респондентам (студентам вуза) было предложено 20 слов, которые условно можно разделить на пять групп.

1. Обобщенное наименование человека иной национальности (доминанта – ИНОСТРАНЕЦ): иностранец, иноземец, чужеземец, чужестранец.

2. Наименование лица, сменившего место (страну) проживания: мигрант, переселенец.

3. Конкретное наименование человека той или иной национальности или принадлежащего к группе национальностей: европеец, азиат, китаец, таджик, кавказец.

4. Обобщенный признак, характеризующий отнесенность к иной стране или иной национальности: зарубежный, импортный, заморский.

5. Конкретный признак, характеризующий отнесенность к иной стране или иной национальности: китайский, немецкий, турецкий, польский, французский.

Опрос респондентов проводился по двум направлениям – свободный ассоциативный эксперимент (предлагалось привести первую пришедшую на ум ассоциацию) и эксперимент направленный. Не отрицая важности учета свободных ассоциативных связей (фиксация и интерпретация основных реакций той или иной группы), мы, однако же, использовали в качестве дополнительного

метода и направленный ассоциативный эксперимент: субъект или признак – КАКОЙ?

Вслед за И.А. Стерниным мы считаем, что результаты такого эксперимента дают «максимальное число реакций, позволяющих сформировать ассоциативное поле стимула» [Стернин 2006].

Приведем результаты по ряду слов-стимулов, позволяющие в известной мере говорить о нейтральном, положительном или отрицательном отношении к лицу иной национальности и к продуктам чужой культуры (результаты свободного и направленного ассоциативного экспериментов разделяются //).

ИНОСТРАНЕЦ: нерусский, из-за границы, чужой, другой, интересный, странный, гость, языковой барьер, человек, англичанин, американец, турист, даль, интересно, Америка // деловой, умный, чужой, богатый, необычный, улыбающийся, заинтересованный, звездный, знаменитый, вежливый, странный, пунктуальный, далекий. удивительный, красивый.

МИГРАНТ, ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ: беглец, беженец, беда, чужой, несчастный, неудачный, неудачник, нужда, наводнение, бедность, переезд (долгий), сумки, новичок, хитрый, китаец, семья, нелегал, непостоянство, араб, бирюк, латиноамериканец, отшельник, приезжий, уехал, черный, гастарбайтер // запуганный, бедный, несчастный, чужой, другой, неместный, голодный, щуплый, ненадежный, невезучий, худой, одинокий, выносливый, коварный, нелегальный, заинтересованный, беженец, пугливый, напуганный, вынужденный, уставший, нерусский, бездомный.

ЕВРОПЕЕЦ: современный, удачный, модный, гламурность, культура, новый, продвинутый, каникулы, консерватор, француз, англичанин, красиво одетый, успешный, хорошо, турист // красивый, современный, правильный, галантный, высокий, агрессивный, светловолосый, дорогой, развитая, образованный, мускулистый, интересный, старый, культурный, счастливый, воспитанный, умный, богатый.

КИТАЕЦ: узкие глаза, желтый цвет кожи, маленький, рынок, дешево, рабочая сила, смешной, человек, демографический взрыв, продавец одежды, Китай, быстрый, население, из Шанхая // хитрый, желтый, дешевый, умный, наглый, процветающий, некрасивый, забавный, маленький, Таганский ряд, липучий, плодовые.

ТАДЖИК: рабочий, работа, гастарбайтер, строитель, стройка, дешевая рабочая сила, приставучий, грубиян, острые блюда, шашлык, мужчина, ремонт, помидоры // грязный, черный, темнокожий, грубый, голодный, тяжелый (о работе), шумный, усталый, страстный, худой, работающий, бедный, смешной, необразованный.

КАВКАЗЕЦ: мужчина, горы, горец, национальная пища, черный, танец, отвага, рынок, собака (имеется в виду – кавказская овчарка), шашлыки, акцент, крепкий, арбуз, Чечня, кухня, вкусно готовит, повар, // с усами, большеносый, мужественный, храбрый, щедрый, brutальный, веселый, горячий, черный, мудрый, сильный, агрессивный, носатый.

ЗАРУБЕЖНЫЙ: поездка, хит, импорт, музыка, фильм, артист, певец, новые технологии, город, курорт, роман // популярный, качественный, лучший, интересный, известный, талантливый, новейший, правильный, прекрасный, дорогой, неплохой, летний, нерусский.

КИТАЙСКИЙ: рынок, некачественный, небоскреб, чайник, чемодан, мир, товар, хлам, плохой, шелк, подделка // дырявый (бракованный), некачественный, дешевый, низкого качества, плохой, непонятный, многолюдный, многочисленный.

НЕМЕЦКИЙ: фашист, война, грубый язык, грубый, бульдог, жестокий, Гитлер, опасный, скупой, злой, язык, сложный, твердый, немецкая техника, надежный, бытовая техника, кинофестиваль, охотничьи сосиски, сарделька, шарф (теплый), автомобиль (лучший), качественный, часы, пиво // жесткий, жестокий, глупый, рассудительный, толстый, холодный, педантичный.

ФРАНЦУЗСКИЙ. Оценка преимущественно позитивна: духи, поцелуй, Шанель, красота, Эйфелева башня, путешествие, аромат, парфюм, туалет, режиссер, бутик, поцелуй // красивый, очаровательная, влюбленный, сверхмодный, хорошо пахнущий, шикарный, хороший, дорогой, изысканный, романтический, необычный, классный, искусный, крутой, утонченный, стильный, нежный, незабываемый.

Итак, у данной группы респондентов (россияне, студенты, 18-20 лет, в группе преобладают девушки) предложенные слова-стимулы вызвали следующую оценочную реакцию. **ИНОСТРАНЕЦ** – связывается преимущественно с западными странами, Европой и Америкой и вызывает большей частью позитивные ассоциации, представления о

чужих людях, обладающих положительными характеристиками и достойных уважения и даже восхищения.

МИГРАНТ, ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ – вызывают векторно-позитивную оценочную реакцию, связанную с чужой бедой, несчастьем, трудностями, тяжелой жизнью.

ЕВРОПЕЕЦ – вызывает позитивную оценочную реакцию (уважение, восхищение, детерминированное красотой, культурой, богатством и др.).

КИТАЕЦ – оценочная реакция, скорее, негативна (не считающиеся привлекательными черты внешности, ассоциации с торговлей, рынком, некачественным дешевым товаром, многочисленностью китайцев и т.д.).

ТАДЖИК – оценочная реакция, скорее, негативна (ассоциации с тяжелой работой, бедностью, грязью, грубостью и т.д.).

КАВКАЗЕЦ – оценочная реакция, скорее, позитивна (ассоциации с мужским началом, храбростью, щедростью, силой, кавказской кухней).

ЗАРУБЕЖНЫЙ – реакция в свободном ассоциативном эксперименте ближе к нейтральной (слова-реакции – это чаще всего реалии современного бытия); оценочная реакция в направленном ассоциативном эксперименте явно позитивна.

КИТАЙСКИЙ – оценочная реакция преимущественно негативна и связана вновь с многочисленностью нации и плохим, некачественным товаром, изготавливаемым в Китае.

НЕМЕЦКИЙ – оценочная реакция негативна в связи с представителями нации, войной, фашизмом и позитивна в отношении товаров, производимых немцами (немецкое качество, надежность).

ФРАНЦУЗСКИЙ – оценочная реакция абсолютно позитивна (представления об ароматах, изысканности, моде, красоте, стильности, любви и т.д.).

В целом можно говорить о национальной идентичности личности всех респондентов, которые четко дифференцируют СВОЕ и ЧУЖОЕ и в сознании которых сложилась достаточно устойчивая система оценок чужого. В связи с этим хотелось бы отметить дифференциацию оценок в разных дискурсах и в разных временных пластах. В дискурсе литературно-художественном оценка иностранцев (как людей с Запада, так и людей с Востока) резко негативна: «Злой чечен ползет на берег / Точит свой кинжал...». В народном сознании сложилась преимущественно негативная оценка людей другой на-

циональности, что ярко отражено в русской фразеологии. Однако в современном молодежном сознании оценка иностранцев двойка: позитив в отношении представителей Запада и даже выходцев с Кавказа и достаточно резкий негатив по отношению к азиатам. В отношении же мигрантов и вынужденных переселенцев наблюдается снижение нетерпимости к людям иных национальностей: они вызывают у молодых россиян жалость и сочувствие. Возможно, это является первичной основой для формирования толерантной и коммуникативно гибкой личности человека XXI века, а последнее, на наш взгляд, должно получить широкое отражение в вузовском и школьном преподавании общих и специальных дисциплин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж, 2003.

Руженцева Н. Б. Мы у них – они у нас: Образы европейцев в русской литературе и критике XX века // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 12-14 ноября 2007 – Екатеринбург, 2007.

Стернин И. А. Экспериментальные методы в лингвистической концептологии // Психолингвистические аспекты речевой деятельности. Екатеринбург, 2006.

© Ямбаршева Е. Г., 2007

Проблемы миграции в современных средствах массовой информации

Боярских О. С.

Нижний Тагил, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ

«ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ АЗИИ» В РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Использование в дискурсе российских печатных СМИ прецедентных феноменов, генетически восходящих к фольклорным и авторским зарубежным художественным текстам, обусловлено, во-первых, литературоцентричностью русской культуры, а во-вторых – ее незамкнутостью, открытостью для культурного диалога. Конечно же, зарубежные художественные тексты в российском дискурсе СМИ оказываются менее востребованными по сравнению с отечественными художественными произведениями (к последним, по нашим данным, различного рода отсылок в два раза больше). Данный факт, однако, не позволяет оставить без внимания феномен интертекстуальных включений, апеллирующих к инокультурным пространствам, среди которых особое место занимают литература и фольклор азиатских народов.

Центральное место в группе прецедентных феноменов, генетически восходящих к азиатскому фольклорному и литературному творчеству и функционирующих в российской периодике, занимает персонаж многих народов Ближнего и Среднего Востока, а также Средней Азии *Ходжа Насреддин*, имя которого имеет различные, но гораздо менее известные и не востребованные российским массово-информационным дискурсом варианты (БуАдам, Афанди, Молла Насреддин и др.). Актуальность указанного варианта имени обусловлена, по-видимому, широкой известностью романов (и их телевизионных экранизаций) русского писателя Л. В. Соловьева, а также различных анекдотов, где главным действующим персонажем является философ и остролов *Ходжа Насреддин*. Наиболее популярным, особенно в политическом дискурсе СМИ, оказывается умение данного героя «тянуть время», чтобы «выкрутиться» из трудной ситуации: *Захаренко [экс-министр внутренних дел Белоруссии] тянул время, как мог: рассчитывал, вероятно, как Ходжа Насреддин, что «или эмир умрет, или ишак заговорит»* (И. Халип // НГ, 2005, № 30). *Вначале кажется,*

что все определяется личными договоренностями, а потом они куда-то уходят, потому что начинает действовать принцип, который я бы назвал **принципом Ходжи Насреддина**. Помните, когда Ходжа перед лицом эмира взялся за десять лет научить читать ишака и вполне смело нес на себе эту обязанность, потому что считал, что за десять лет кто-нибудь да помрет – или эмир, или ишак, или Ходжа (А. Аузан // НГ, 2006, № 16). Апелляция к данной ситуации характерна также для случаев, когда речь идет о чем-то невероятном или весьма сомнительном: <...> разговоры о промышленной добыче на Луне изотопа гелий-3 напоминают сказку о Ходже Насреддине, который по приказу эмира пытался научить ишака говорить (И. Тимофеева // НГ, 2007, № 17).

Другое прецедентное имя, весьма активно функционирующее в дискурсе СМИ, причем преимущественно в качестве нарицательного, принадлежит герою арабской мифологии Джинну. С данным образом связывается представление о некоей силе (общественной, политической), временно скрытой, но политически опасной или даже разрушительной: **Мы выпустили из бутылки джинна** – ядерное оружие и средства массовой информации. И теперь его надо занять обратно (В. Путин // НВ, 2004, № 52); **Собственными руками действующая власть создает в обществе такой протестный потенциал, который не просто дестабилизирует ситуацию в стране, но ставит под сомнение легитимность самой этой власти. Пока этот потенциал во многом еще остается латентным, но, опять же, власть делает всё, чтобы окончательно «выпустить джинна из бутылки»** (А. Нагорный, Н. Коньков // Завтра, 2007, № 13).

Упомянуто также в дискурсе СМИ название сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь» и имя их рассказчицы Шахерезады. Данные прецедентные феномены связываются обычно с чем-то необычным, сказочным, а также завуалированным, интенционально скрытым или весьма многочисленным: **Роза пишет президенту Таджикистана Рахмонову. И начинается тысяча и вторая сказка Шахерезады** – ей предлагают вернуться в Курган-Тюбе и возвращают квартиру (В. Ивлева // НГ, 2005, № 95); **Однако свои сказки он [Е. Л. Шварц] рассказывал с той же целью, что и Шахерезада, – заговорить зубы султа-**

ну. И ведь удалось избежать сталинской дыбы... (Д. Резанов // НВ, 2006, № 43); **Тысяча и одна поправка** [заголовок в статье о правовом произволе в России] (Л. Никитинский // НГ, 2005, № 96).

Апелляция к авторскому литературному наследию Азии на страницах современной периодики осуществляется преимущественно через употребление имени и цитирование философских сентенций персидского поэта второй половины XI века Омара Хайяма: **В жизни люди не отличают объективных закономерностей от своих пожеланий. Когда они требуют справедливости, они не учтывают, что справедливость, возможно, не в их пользу. Как сказал однажды Омар Хайям: «Если бы небо справедливо распределяло удачу, быть может, ты бы ее никогда не дождался»** (А. Воронель // НВ, 2004, № 52); **В последнее время ему [Б. Гребенщикову] вообще приходится от многого отказываться: сменил крепкие сигареты на легкие, не злоупотребляет алкоголем: «Я почти как Омар Хайям, который все время писал о вине и бражничестве, а сам вообще не пил»** (Л. Рак // Труд, 2007, № 26).

Денотативное употребление в дискурсе СМИ имен известных поэтов и писателей Азии призвано подчеркнуть величие культуры Востока и рассчитано на наличие соответствующих фоновых знаний об их носителях у современного русского человека: **С этим городом [Гератом в Афганистане], основанным еще Александром Македонским, связаны имена таких известных средневековых деятелей, как Алишер Навои, Джами, Хафиз, а сегодня там бок о бок живут представители более 20 этносов** (Н. Савоськина // НГ, 2004, № 28).

Функционирующие в российском масс-медиальном дискурсе прецедентные феномены, генетически восходящие к азиатскому фольклорному и литературному наследию, являются яркой иллюстрацией положительного взаимодействия разнонаправленных, а иногда и конфликтующих культур и служат средством осмысления и оценивания реалий современной жизни.

© Боярских О. С., 2007

Иссерс О. С., Рахимбергенова М. Х.

Омск, Россия

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИ «ЧУЖОГО» В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ

Оппозиция «свой – чужой» имеет универсальный характер и является неотъемлемой

составляющей гносеологических представлений о бинарной структуре мира, его организованности по принципу «свое – чужое».

В последнее время в связи с актуальностью проблемы толерантности, постулирующей терпимость к «другому», «иному», данный концепт привлекает внимание не только социологов, философов, но и лингвистов. Осмыслением феномена «свое – чужое» активно занимаются как отечественные, так и зарубежные представители разных областей гуманитарных знаний (М. М. Бахтин, А. Н. Баранов, Т. Ван Дейк, Л. И. Гришаева, В. А. Маслова, В. Е. Каган, В. В. Красных, Э. А. Паин, Е. И. Шейгал и др.).

Для этнической тематики бинарность «свой – чужой» является ядерной, поскольку отношения между этническими общностями строятся главным образом в рамках именно этой оппозиции и имеют зачастую ксенофобический характер [Свирковская 2005: 5].

Согласно точке зрения В. Е. Кагана утрата баланса между «своим» и «чужим» и «выход в пространство самодовлеющего страха перед чужим и есть ксенофобия в том негативном смысле, в котором это слово обычно используется. Защитой от него становится ксенофобическая агрессия на разных уровнях» [Каган: 5].

История развития человечества не знает периода, для которого было бы характерно затишье ксенофобии. Национальные, этнические и религиозные конфликты – все это черты и сегодняшнего мира в целом. Межэтническое противостояние может проявляться в формах этнотерриториальных конфликтов, погромов и столкновений на почве межнациональной розни, случаев расизма по отношению к этническим мигрантам. Все эти, а также многие другие разновидности межэтнического несогласия наблюдаются в различных странах, в том числе и в России, и находят отражение в прессе.

На протяжении последних двух десятилетий политологи, социологи, специалисты по связям с общественностью активно изучают механизмы и технологии формирования общественного мнения в России. Лингвистический аспект этих процессов к настоящему моменту разработан явно недостаточно, хотя потребность в их осмыслении в категориях коммуникативной лингвистики, несомненно, существует. Политические и экономические изменения, происходящие в обществе, сопровождаются переоценкой социальных ценностей, что находит отражение

в языке вообще и в публичной коммуникации в частности.

Практика современных российских СМИ показывает, что, являясь частью общества, журналисты часто концентрированно выражают стереотипы массового сознания, расширяя, с одной стороны, терпимость, а с другой стороны, озлобленность и интолерантность в отношении определенных этнических групп [Чепкина 2003: 484]. Свое отражение данная проблематика нашла в русле междисциплинарных исследований, посвященных проблемам информационного воздействия средств массовой информации на сознание населения, в частности, в работах таких лингвистов, как Дейк ван Т., Е. И. Галяшина, Л. В. Енина, А. Н. Качалкин, Э. В. Чепкина и др.

Как в культуре, так и в индивидуальном сознании существует негласное табу на смешение своего и чужого [Каган: 7]. В рамках этого разграничения можно выявить типичный образ «чужого» и определить способы его моделирования в журналистском тексте. Данная задача находится в центре данного исследования.

Материал исследования составляют статьи общероссийских газетных изданий: «Аргументы и факты», «Российская газета», «Труд», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Новое обозрение», «Аргументы и время», «Аргументы и неделя». В соответствии с задачами выборка осуществлялась на основе тематики статей, посвященных проблемам взаимоотношений с «чужими». Согласно теории макроструктур (Т. ван Дейк) тема, как правило, определяется по заголовкам и вводкам (leads), где субъективно выделена наиболее актуальная часть сообщения.

Как показал анализ, денотату «этнически чужой» соответствуют различные сигнификативные компоненты, выражаемые следующим лексическим комплексом: *темнокожие, парни с юга, инородцы, трудовые мигранты, гастарбайтеры, иммигранты, лица азиатской или кавказской национальности, приезжие, человек нетитульной наружности*.

В результате анализа материала было выделено несколько образов представителей этнически «чужих» меньшинств. На поверхностном уровне эти образы представлены различными лексемами, которые репрезентируют фрейм «войны». Так, «чужой» интерпретируется как *враг, источник невзгод, мишень для критики, жертва* и ос-

мыслится, как правило, в негативных метафорах, окрашенных ксенофобскими смыслами.

Языковое выражение таких интерпретаций представлено набором лексических единиц со значением *борьбы, состояния войны* [Ожегов 1997: 102].

Кризис (отношений между Россией и Грузией – М. Р.) *всегда состоял в том, что грузины вооружались и шли «воевать автономии», а встретив адекватный отпор, во всем обвиняли Россию* (Пора признаться \\ «Московский комсомолец» 21-28 февраля 2007).

Базовыми коррелятами «врага» являются *источник опасности, угрозы для своих*, что находит свое отражение в журналистском тексте. ... в *Улан-Удэнском гарнизоне солдат-кавказец своими гестаповскими издевательствами довел сослуживцев-славян до озверения* (Новобранцы с Кавказа берут в заложники полки \\ КП 21 февраля 2007).

Прецедентный феномен *гестаповские издевательства* имеет крайне отрицательную коннотацию в сознании большинства читателей, поскольку ассоциируется с *крайней жестокостью*. Помещение в такой гиперболизированный контекст этнонимов *кавказцы, славяне* способствует созданию ксенофобских настроений.

Как показал анализ материала, наиболее типичной экспликацией этнической «чуждости» является *образ врага*. Настоящий период отмечен повышенной конфликтностью межэтнических отношений, что естественно находит подтверждение в средствах массовой информации.

Однако все чаще в среде общественности возникают предположения о том, что «в основе противостояния различных групп лежат не этнические или религиозные различия, не этничность сама по себе, а именно социальные, политические, экономические интересы элит, интересы, которые прикрываются и маскируются для массового сознания этническими или религиозными признаками» [Прикладная конфликтология для журналистов 2006: 8]. Э. А. Паин выявляет следующую закономерность: раньше социальные проблемы политизировались, а теперь все чаще этнизируются и ответственность переносится на «чужие» этнические общности [Паин: 3]. Этнические меньшинства выступают, таким образом, в качестве *идеального оружия власти*, которая старается отвлечь внимание людей от более насущных проблем. Этнизация социальных

проблем обсуждается и на страницах российской прессы.

Актуализатором образа «чужого» в поле социального зла являются указания на *связь нелегалов и мигрантов с криминальным миром*. Несмотря на априори известный факт о том, что у преступности нет национальности, пишущие довольно часто считают необходимым идентифицировать преступников по этническому признаку.

Одна из самых актуальных на сегодня тем – преступления на этнической почве в армии – также нашло отражение в ряде публикаций. Преступниками выступают солдаты-кавказцы. В текстах, затрагивающих эту проблематику, активно используется лексика с отрицательным прагматическим компонентом значения: *изуверы – сослуживцы, «конфликтный контингент», «гремучая смесь», массовый мордобой между кавказцами и призывниками из Татарстана, самосуд униженных и избитых кавказцами солдат и офицеров над «тиранами», засилье кавказцев* и т.д.

Примечательно, что *кавказцами* здесь называют целый ряд народов, объединяя их как криминальную группу, и противопоставляют всем остальным нациям – *некавказцам*. Идентифицируют кавказцев по общим элементам их культуры, общности.

Как показали наблюдения, образ этнически «чужого» в российской прессе имеет конкретные интерпретации, имеющие явно интолерантный характер. Образ «чужого» как врага представляется наиболее актуализированным, что, учитывая силу влияния СМИ на формирование и развитие общественного сознания и социального поведения читателя, способствует укреплению ксенофобических настроений в обществе. Также в сознании читателей закрепляется интерпретация этнически «чужих» как источника социального зла, акцентируется «культурологическая чуждость».

Трансформация этнической картины мира читателя происходит путем целенаправленного выбора оценочных языковых средств журналистами.

Преобладание негативно-оценочного прагматического потенциала в речевой ткани газетных текстов, а в некоторых случаях даже нагромождение негативных оценок вызывает и поддерживает агрессивное состояние читателей.

Это позволяет считать особенно актуальной роль журналиста как «посредника, медиатора в межкультурной коммуникации.

Ему необходимо демонстрировать толерантное отношение к «чужим» – представителям разных культурных и этнических социумов», а не удовлетворять спрос на ксенофобические установки [Чепкина 2003: 487].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Енина, Л. В. Этническая толерантность в отражении уральских газет // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная моногр. \ Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. – 595 с.

Каган, В. Homo Xenophobicus: психология «своего и чужого» // <http://www.lebed.com/art2121.htm>

Николаева, Т. М. Лингвотекстологические особенности подачи информации в русскоязычных газетах // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) \ Научн. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 2002. – 478 с.

Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений \ Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

Паин, Э. А. Почему помолодела ксенофобия. О масштабах и механизмах формирования этнических предрассудков // http://www.ng.ru/ideas/2003-10-14/11_xenophobia.html

Прикладная конфликтология для журналистов. Права человека, 2006 <http://gatchina3000.ru/literature/pplied-conflictology-for-journalist>

Свирковская, С. В. Ксенофобический дискурс (лингвопрагматический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. – 25 с.

Чепкина, Э. В. Журналист как медиатор в межкультурной коммуникации // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. \ Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2003. 475-486 с.

Цуциев, А. Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов. Дружба народов, 2005 № 10 // http://hist.den-asu.ru/ashpi/forum_ch.html

© Иссерс О. С.,
Рахимбергенова М. Х., 2007

Красильникова Н. А. Екатеринбург, Россия МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ

Для России 2006 год прошел неоднозначно: увеличен ВВП, погашены долги, на-

чаты государственные проекты, направленные на повышение уровня жизни общества. В то же время страна приобрела известность своими политическими преступлениями, которые нашли отражение в ярких концептуальных метафорах, показывающих отношение других стран к событиям в России в период президентства В. В. Путина.

В данной статье метафорическое видение путинской России в американских и британских СМИ рассматривается через призму когнитивного аспекта политической лингвистики. Нами рассмотрены такие издания, как The Economist, The Guardian, The Times; The New York Times, The Wall Street Journal, The Washington Post и др.

Большинство СМИ Великобритании и США возмущены антидемократическим развитием России и напуганы количеством нераскрытых политических убийств, соответственно большая часть рассмотренных нами метафор, концептуализирующих образы России, Кремля, нашего президента и общества, носят пейоративный характер и направлены на дискредитацию страны.

Распространены в политическом дискурсе Великобритании метафорические модели РОССИЯ –ЗЛОВЕЩЕЕ МЕСТО, ПУТИН – ДЕСПОТ. Ср.: *Mr Putin has reasserted the Kremlin's authority by riding roughshod over the rights of others, including businessmen, journalists and regional governors* (Г-н Путин восстановил власть Кремля, раздавлив [верхом на лошади, подкованной шипами] права всех остальных, включая бизнесменов, журналистов и губернаторов регионов) [The Kremlin 2006]. *Putin's Russia looks like an increasingly sinister place* (Россия Путина все больше выглядит как зловещее место) [Rachman 2006].

Концептуальный вектор таких ярких негативных метафор направлен на нагнетание в подсознании адресата страха и ужаса по отношению к России. Поддерживаемый журналистами агрессивный метафорический образ вызывает резкое отторжение читателем.

Для метафорической экспансии образа России СМИ Англии и США часто привлекают сферу источник *монархия*. Ср.: *Could the poisoner be from Prince Putin's court? (А не из двора ли князя Путина отравитель?) For all the "power" he has engrossed, Putin cannot impose coherence on his squabbling entourage, which is why Russia remains badly governed* (Несмотря на всю ту власть, которую сосредоточил в своих руках Путин, он не может навести внутренний порядок и создать согласованность в действиях своей

вздорной свиты) [Skidelsky 2006]. Again, Russia is waiting for Godunov (Россия вновь ждет Годунова) [Medish 2006].

Монархические метафорические модели РОССИЯ – МОНАРХИЯ, ПУТИН – ЦАРЬ свидетельствуют о том, что о России до сих пор судят, опираясь на ее историческое прошлое. Царственные правители России всегда были недостижимы и богоподобны для русских, им поклонялись, их безмолвно слушались. Западную прессу удивляет то, что, несмотря на лишение демократических свобод и тотальный контроль, рейтинг Путина в России очень высок, значит, народ выбирает именно такого правителя. Ничего не меняется в национальном сознании – русские предпочитают порядок и сильную власть.

Сравнивая развитие России с другими странами, СМИ США настроены предупредительно. Ср.: *The 15-year path from the demise of Gorbachev to the rise of Putin is instructive at a time when Washington is talking about planting democracy in hard soil around the world* (Сегодня, когда Вашингтон говорит о пересадке семян демократии в почвы всего мира, из пятнадцатилетнего пути России от заката Горбачева до восхода Путина можно и должно извлечь ценнейший урок) [Baker 2006]. *Unfortunately for the Europeans, a number of their governments are cementing a relationship with Vladimir Putin's Russia which, in effect, will make them hostages of the Russian bear. Russia already accounts for 26 percent of Europe's gas imports* (К несчастью европейцев многие из их правительств укрепляют [цементируют] отношения с Россией Владимира Путина, что в действительности превратит их в заложников русского медведя) [Rahn 2006].

В то время как действия Вашингтона ассоциируются с земледелием, закладыванием новой жизни на неплодородной почве мира вокруг США, РОССИЯ Путина – это МЕДВЕДЬ, мощный, сильный, дикий, устрашающий, способный удерживать других в плену. Данная метафора прагматически запрограммирована на устрашение читателя.

Большинство статей о современной России связаны с отравлением А. Литвиненко. Корни таинственной смерти бывшего русского шпиона западные журналисты нашли на страницах русской истории, окрестив отравление – старой русской традицией избавления от людей, неугодных властям. Ср.: *The unsolved poisoning is an old Russian tradition. Historians are still arguing about the role of poison in the*

death of Ivan the Terrible in 1584—as well as in those of Rasputin in 1916 and Maxim Gorky in 1936 (Не раскрытое отравление—это старая русская традиция. Историки все еще спорят по поводу той роли, которую сыграл яд в смерти Ивана Грозного в 1584 году, Распутина в 1916-м и Максима Горького в 1936-м.) [Rachman 2006]. Возведение отравления в ранг РУССКОЙ ТРАДИЦИИ осуществляется для манипуляции сознанием читателя, поскольку направлено на формирование недоверия к России и желания держаться в стороне от страны с такими жуткими традициями.

Другим распространенным образом, эксплуатируемым для разоблачения и унижения России в политическом дискурсе США и Великобритании, является метафорическая модель РОССИЯ– БАНДИТСКОЕ ГОСУДАРСТВО, опасное место, где торжествуют коррупция и порок. Ср.: Corruption, violence and vice have triumphed in Putin's Russia (В путинской России празднуют победу коррупция, насилие и порок.) *Russia is institutionalising a state gangster culture which promises repression and ultimate economic failure for itself, fear and alienation from the rest of the world* (Россия возводит в ранг политики культуру государственного бандитизма, своему народу обещающую лишь репрессии и окончательный экономический развал, а остальному миру—страх и отчуждение) [Hastings M. Corruption 2006].

Итак, в ярком сиянии метафор, представляющих путинскую Россию в политическом дискурсе США и Великобритании «заложниками русского медведя», оказываются не только государства, зависящие от энергоресурсов России, но и сама Россия, угодившая в ловушки, расставленные историей государства с сильной властью в руках самодержца, и неразвитой демократией. По представлению западных СМИ, страна находится в плену своих не лучших традиций. Другими словами, исследование метафорического образа современной России показало, что в зарубежном политическом дискурсе складывается удручающий и наводящий страх имидж России. О том, черный ли это PR или реальное состояние дел, большинство граждан, получающих сведения о России из рассмотренных СМИ, не задумываются. Может быть, стоит России задуматься об улучшении своего имиджа на международной арене?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Baker P. Which Way Did It Go? // The Washington Post, Dec. 25, 2006

//http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2006/12/22/AR2006122201179.html
Clark N. In bed with Russophobes // The Guardian, Dec. 4, 2006 // http://www.guardian.co.uk/comment/story/0,,1963127,00.html.

Hastings M. Corruption, violence and vice have triumphed in Putin's Russia // The Guardian, Nov. 27, 2006 // http://www.guardian.co.uk/comment/story/0,,1957680,00.html.

Medish M. Again, Russia is waiting for Godunov // Financial Times FT.com, Dec. 7, 2006 // http://www.ft.com/cms/s/8f5510fe-8621-11db-86d5-0000779e2340.html.

Rachman G. Neither friend nor foe, Russia tests the limits of realism // The Financial Times, Dec. 5, 2006 // http://www.ft.com/cms/s/ecec9710-8404-11db-9e95-0000779e2340.html.

Rahn R. W. Russian bear sets a trap // The Washington Times, Dec.1, 2006.

Sevunts L. Vladimir the Great roiling Russia // THE WASHINGTON TIMES, November 14, 2004

Skidelsky R. Could the poisoner be from Prince Putin's court // The Times, Nov. 20, 2006 // http://www.timesonline.co.uk/article/0,,6-2461941,00.html.

The Kremlin is killing Russia's rule of law // The Financial Times, Dec. 4 2006 // http://www.ft.com/cms/s/abd9d792-833c-11db-a38a-0000779e2340.html.

© Красильникова Н. А., 2007

Кропотухина П. В.

Екатеринбург, Россия

ФИТОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ЖУРНАЛИСТСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В современной лингвистике под языковой картиной мира традиционно понимается совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний. Картина мира, создаваемая журналистикой, полноправно вписывается в систему категорий современного знания. Картина мира в журналистике жестко детерминирована политическим заказом.

Исследователи теории журналистики пришли к выводу, что обращение средств массовой информации к аудитории с целью ее политической активизации в своей структуре обязательно должно содержать «механизмы», воздействующие на познавательные, эмоциональные интересы человека и волевые регуляторы его поведения. Один из таких «механизмов» – когнитивная метафора. В деятельности средств массовой информации это способ произвольного конструирования картины мира.

В структуре метафоры со сферой-источником «Мир растений» выделяются следующие фреймы:

1. Фрейм «Части растений» в русском языке формируют морфологические признаки растения: *корни*, «*вершки и корешки*», *ветви*, *шпы*, *листья*, *плоды*, *верхушка*; в английском языке – *roots*, *branch*, *stems*, *offspring*, *core*, *grassroots*, *fruits of growth*, *nutshell*.

В метафорическом плане данные образы используется для обозначения причины, начала процесса или его результата. Ср.: *We are not alone in these problems and the roots sometimes go very, very deep, but there is no cause or justification for defeatism, for saying there is nothing we can do about this (Blair's Speech on improving parenting, 02.09.05); А пока скептики гадают, сколько деревень и поселков окончательно загнетса, прежде чем реформа даст хоть какие-то плоды (А. Колесниченко).*

2. Фрейм «Жизненный цикл растений» составляют метафорические словоупотребления *всходы*, *рассада*, *ростки*, *почкование*, *зрелый / незрелый*, *расти*, *плодоносить*, *поросль*, *назревать*, *отпасть как листья*, *разрастание*, *цвет*, *увядать*; *grow*, *growth*, *wilt*, *be rooted in*, *ripe*, *proliferation*, *blossom*.

Метафоры данного фрейма используются для иллюстрации динамики развития процессов, бурного роста, а также их цикличности и непрерывности. Ср.: *Реформа ЖКХ не то чтобы назрела, она уже перезрела (С. Репов, А. Фуфырин); Over the next few years, Paul hopes to move down-under with Demos. Despite the recent re-election of the centre-right party, Paul believes Australia is ripe for political renewal and there is a «hunger for new policy thinking» (Martha Housden).*

3. Фрейм «Виды растений» включает в себя следующие фитоморфные образы: *яблоко*, *подснежники*, *розы*, *лимон*, *апельсин*, *липа*, *грибы*, *зелень*, *фиговый лист*, *тюльпан*, *lily*. Ср.: «*He is not a wilting lily. This is a tough man*», said Landis, the Damascus-based author of Syria Comment com (Brent Sadler).

Традиционными для дискурса масс-медиа стали «яблоки». Ср.: *После провала на выборах чуть теплится жизнь в СПС, на край политобочины откатилось «яблоко» (В. Цепляев).*

Найденные примеры позволяют предположить, что видовые наименования растений метафорически употребляются в первую очередь для обозначения различных партий и политических течений, а также их предста-

вителей, например, «яблочник», «апельсиновый», «лимоновец» и т.д.

4. Фрейм «Места произрастания растений» образуют признаки растительного массива *почва, поле, огород, грядка, сады, пустыня, теплица; field, ground, desert, oasis, landscape, greenhouse, breeding ground.*

В дискурсе СМИ достаточно регулярно используются метафорические образы, обозначающие как естественные, так и искусственно организованные места произрастания растений, говорящие о необходимости создания благоприятных условий для возникновения и развития политических структур. Ср.: *Похоже, Москва вновь осторожно шупует украинскую почву в преддверии предстоящих в этой стране парламентских выборов (Т. Нетреба).*

5. Фрейм «Уход за растениями и их использование человеком» в русском языке представлен метафорами *пожинать, копать, селекция, собирать урожай, закрома, молот, озеленять, рубить, выращивать*; в английском языке – *reap, ax, root out, grind, garner.*

Данный фрейм продолжает идею необходимости помощи и создания условий для успешного функционирования политических структур. Ср.: *Мы будем глубже копать и не разгибаться до тех пор, пока не выполним поставленную перед нами задачу удвоения ВВП (М. Фрадков).*

В заключение отметим, что анализируемая метафора в российских и британских изданиях полностью отвечает на запросы современных средств массовой коммуникации, чья роль в познавательных процессах социума определяется как «структурирующая», «трансформирующая социальную жизнь», «устанавливающая коды информации». Нельзя не сказать о сходстве употребления фитоморфных образов в русском и английском языках. Несомненно, во многих случаях такое совпадение обусловлено сходством культурных реалий, исторических событий, мифологии, религии. Этот факт служит подтверждением того, что фитоморфная метафора относится к числу естественных как для русской, так и для английской языковой ментальности, представляя яркий пример параллелизма образных моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вершинина, Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: дис. ... канд. фил. наук:

защищена 00.00.02: утв. 00.00.00/ Вершинина Татьяна Станиславовна – Екатеринбург, 2002. – 207 с.

Власть в русской языковой и этнической картине мира/ С. В. Ермаков, И. Е. Ким, Т. В. Михайлова, Е. В. Осетрова, С. В. Суховольский.–М.: Языки славянской культуры, 2004. – 408с.

Кондратьева, О. Н. Фитоморфные признаки концептов внутреннего мира человека (на материале текстов Древней Руси) // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке/ Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – С. 75 – 83.

Лысакова, И. П. Язык газеты и типология прессы: Социолингвистическое исследование: монография. – Санкт-Петербург, 2005. – 283 с.

Мансурова, В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации: монография. – Барнаул, 2002 – 235с.

Пименова, М. В. Концептосфера внутреннего мира человека/ З. Г. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик // Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – Кемерово, 2004 – 146с.

Теория метафоры: Сб. науч. ст. / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.

Чудакова, Н. М. «Неживая природа» как сфера-источник метафорической экспансии. // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 12. – С. 148–156.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

© Кропотухина П. В., 2007

Михайлова О. А.

Екатеринбург, Россия

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ: к вопросу о толерантности

Социальное взаимодействие является одним из основных, необходимых условий жизни для человека. Способность позитивного отношения конкретной личности ко всякой другой личности – это великое общественное достижение, но его нельзя получить естественным путем. При социальном взаимодействии чужими для субъекта являются те, кто не разделяет его убеждений, кто признает иную истину. В социальный диалог вступают носители разных взглядов.

Моделирование подобного диалога мы наблюдаем в телевизионных ток-шоу, в различных дискуссиях, посвященных какому-нибудь социально значимому вопросу. Такие

полемические дискурсы создают эффект толерантности, поскольку предоставляют возможность диалога, обеспечивают вовлечение в коммуникативный процесс различных участников путем формирования пространства для высказывания. Однако средства массовой информации, создавая эффект толерантности, сами достаточно часто нарушают нормы, особенно при описании межэтнического взаимодействия, не способствуют формированию толерантных установок. В Институте этнологии и антропологии РАН были проведены этносоциологические исследования прессы, в которых, в частности, анализировалась лексика, используемая журналистами для освещения этнических процессов в современной России. Выводы по этому параметру крайне неутешительные: интолерантных высказываний, например, такого типа: *Чужие не имеют права жить здесь; Украинцы вляпались в большую Кучму; Просто назойливые лица цыганской национальности; Будут проверять все лица не только кавказской, но и азиатской национальности*, – оказалось гораздо больше, и в основном они встречаются в материалах московских журналистов, тогда как в региональных изданиях значительно реже.

Как показывают наши материалы, более всего язык вражды в СМИ направлен на народы, населяющие Кавказ, затем по убывающей идут таджики, китайцы, евреи, американцы, цыгане. Отмечается постепенное размывание конкретных объектов вражды, которые начали уступать место абстрактной неприязни ко всем «нерусским» (как нагло ведут себя приезжие из бывших советских республик...). Использование языка вражды по отношению к представителям иных национальностей формирует подспудное, незаметное для самих людей укоренение в сознании этноксенофобии.

Рассмотрим для примера социальный диалог, представленный газетой «Аргументы и факты». В нескольких номерах были опубликованы статьи Е. Бычковой «Почему мы не любим лиц кавказской национальности» (из переписки с читателями) [№ 45 2002, № 4 2003].

Очевидно, что название статьи никак не отвечает принципу толерантности. Конфликт обозначен сразу, главной становится проблема – как ужиться в многонациональной Москве – и участниками социального диалога становятся, с одной стороны, москвичи, а с другой стороны – приезжие представители Кавказа. Автор приводит позиции обеих сто-

рон: москвичей по отношению к приезжим – *Чужестранцы в Москве были всегда. И всегда признаком столичного тона считался праведный гнев против немосквичей, кто бы они ни были*; и приезжих по отношению к жителям Москвы: *Корни неприязни к Москве немосквичей надо искать в высокомерном самоуважении и презрительном отношении к приезжим*.

Письма читателей дают возможность проанализировать установки толерантного сознания в нашем обществе. Некоторые предложения по решению вопроса, как жить в одном городе, являются агрессивными: *кавказцев нужно точно высылать из Москвы или в более мягкой форме: Я три года уже у них (азербайджанцев) работаю. Я не жалею, они меня не обижают... Так в общем-то я думаю, погостили – пора домой*.

Наиболее типична позиция, выраженная в следующем письме, и в ней отчетливо проявляется особенность толерантного сознания наших соотечественников. Письмо начинается словами: *Россия проповедует политику национальной терпимости. Я это приветствую, поскольку это признак гуманизма* (ср. подобное суждение в другом письме: *Должны ли быть ограничения по национальному признаку? Нет!*). Общий постулат толерантного отношения к инациональным субъектам принимается автором письма, и он, следовательно, выступает как толерантная личность. Читаем далее в этом же письме: *Но...очевидная опасность для коренного населения в том, что кавказцы, устроясь в конторы, как кукушата, вытесняют оттуда не своих. Например, в стоматологической поликлинике, что около моего дома, с 1999 г. почти все врачи кавказцы, а до того не было ни одного*. И завершаются подобные рассуждения таким пассажем: *Путь решения проблемы без крови я вижу только один – ввести негласное ограничение на прием на работу лиц кавказской национальности*.

Как только затронуты личные интересы, обнаруживается совсем другое отношение к чужим. т.е. наиболее типична для наших сограждан двойственность позиции: абстрактно я принимаю идею равных прав для всех, а конкретно, если это касается моего пространства, отвергаю ее. В связи с этим остро встает проблема ответственности СМИ за формирование негативного этнического стереотипа.

© Михайлова О. А., 2007

Михайлова Ю. Н.
Екатеринбург, Россия
**ЯЗЫК ВРАЖДЫ В ОТНОШЕНИИ
РЕЛИГИОЗНЫХ ГРУПП
(по материалам СМИ)**

Дискурс религиозных отношений – один из ресурсов конструирования образа врага, оказывающего негативное влияние на общество. Все образы врага призваны лишить его человечности, вызвать чувство опасности и морального превосходства. Враг выполняет важные социальные функции (способствует самоидентификации, конструирует и поддерживает общественный порядок, способствует победе над ним) и репрезентируется различными способами (Враг как враг Бога, как варвар, как преступник, как чудовище и т.д.). Одним из средств создания образа врага в СМИ является язык вражды, под которым понимаются любые некорректные высказывания от самых жестких (открытых призывов к насилию или дискриминации) до наиболее мягких, которые являются, скорее результатом журналистской небрежности, нежели целенаправленной дискредитацией группы (например, немотивированное упоминание религиозной принадлежности в криминальной хронике), в адрес конфессиональных групп или их представителей.

В ходе исследования выделились две формы проявления языка вражды: а) жестко националистическая с призывом к насильственным действиям или с описанием насильственных действий по отношению к религиозным меньшинствам; б) бытовая, вызывающая религиозную неприязнь опосредованно, через упоминание конфессиональной принадлежности преступников или подозреваемых. Язык вражды используют как религиозные, так и светские издания. При этом авторы статей стараются давать оскорбительные характеристики представителям религиозных групп, только в одном случае из семи можно признать проявление бытового языка вражды.

В религиозных изданиях применяется язык вражды в отношении церкви Муна, баптистов, христиан веры евангельской, иудеев, адвентистов седьмого дня, пятидесятников, свидетели Иеговы, а также против православных религиозных групп (молокане, духоборцы, скопцы, хлысты, беседники и т.п.). Православные газеты не используют язык вражды против мусульман и буддистов. В нашем исследовании только один раз было выявлено применение языка вражды против ислама – в статье, информирующей о док-

ладе на Всемирном Русском народном соборе, четко определяется объект языка вражды – ваххабизм. В отношении католиков православные газеты активнее готовы применять язык вражды, ощущая от них большую угрозу для своей традиционной паствы, чем со стороны ислама и буддизма. Тенденции, которые выявились в анализе языка вражды в отношении религиозных групп легко объяснимы тем, что прежде всего языковая агрессия направлена на группу, которая реально конкурирует с ортодоксальным православием за паству.

Наиболее распространен антисемитизм как основополагающая установка представителей Русской Православной Церкви, подчиняющихся как Московской Патриархии, так и зарубежным патриархам: *Мы...допустили приравнение к традиционному для России Православию чуждого нам по духу иудаизма. Происходящее сегодня в нашей стране полностью подчиняется логике искусственного уживания двух идейно противоположных по отношению к человеческому естеству и Отечеству мировоззрений: образ любви, жизни ради Христа, самоотречение во имя Родины подменяется духом наживы, превосходством над гоем, избранности «малого» народа. Такое добрососедство в ущерб своему народу, или, говоря модным словом, толерантность – суть политики нынешней власти и Президента, попытка примирить добро и зло* (Тверской Собор 2005, №6).

Светские газеты применяют язык вражды против ислама и буддизма, публикуют интервью с публичными людьми и отмечают личностное влияние данных религий на российских граждан. В нерелигиозных СМИ тиражируется сложившееся клише «опасной религии» в отношении Свидетелей Иеговы и пятидесятников, и против них газеты также используют язык вражды. В основном причиной этого является активная проповедническая деятельность этих религиозных общин. У Свидетелей Иеговы применение механизма «от двери к двери», а у пятидесятников – приезд зарубежных проповедников и проведение общих собраний с приглашением всех желающих в дорогие залы. Именно это описывают светские газеты в своих публикациях.

Надо отметить, что более жесткую форму языка вражды применяли в 2001-2002 году и религиозные, и светские газеты, а в 2004 году эту форму применяют в основном религиозные газеты. Светские издания применя-

ют в основном мягкую форму языка вражды.

© Михайлова Ю. Н., 2007

Скребцова Т. Г.

Санкт-Петербург, Россия

ДИСКУРС О МИГРАНТАХ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

В последние годы мы являемся свидетелями формирования в массовом сознании стереотипа, связанного с понятием *мигрант*, – не в последнюю очередь из-за распространения в средствах массовой информации дискурса на тему миграции в Россию людей из других государств (прежде всего – из стран СНГ). Известно, что общественное сознание вырабатывает стереотипы как в отношении «чужих», так и в отношении «своих», однако именно образ «чужих» оказывается особенно искаженным, односторонним и пристрастным. В целом они воспринимаются более схематично и оцениваются менее благоприятно, чем члены «своей» группы. Эта общая закономерность проявляется и в новой для нас тематической разновидности дискурса – дискурсе о мигрантах.

Перечислим основные составляющие стереотипа *мигрант*, регулярно встречающиеся в соответствующих публикациях. Мигранты – преимущественно выходцы с Кавказа или Средней Азии – имеют неопрятный внешний вид, часто инфицированы опасными заболеваниями, необразованны, плохо знают русский язык, не уважают принятые у нас правила поведения, обычаи и культуру, берутся за любую работу, готовы трудиться в тяжелых условиях и за низкую зарплату (тем самым вытесняя русских с рынка труда), обладают сплоченностью, образуют этнические криминальные сообщества, занимающиеся ограблениями, контрабандой оружия и наркотиков и причастные к терроризму, обостряют социальную обстановку в российских городах и селах. Мигранты осуществляют отток денег в страны СНГ, тем самым способствуя росту национальных экономик и нанося финансовый ущерб России. Последствия миграции оцениваются авторами публикаций в лучшем случае как неоднозначные, в худшем – как безусловный вред для интересов нашей страны и серьезная угроза ее безопасности.

Примечательно, что, противопоставляя Россию и мигрантов, авторы публикаций нередко прибегают к взаимно противоположным метафорам, а именно: Россия (неодушевленное понятие) персонифицируется, а

мигранты, наоборот, осмысляются как некая неодушевленная масса, ср. *поток, приток, отток мигрантов, резервуар мигрантов* (страны СНГ), *миграционный взрыв, рабочие руки, рабочая сила, инструмент для вытеснения коренного населения* и даже *антропологическое оружие в необъявленной демографической войне (!)*. Россия же неизменно выступает в роли благодетеля; ее сравнивают с донором, кормящей мамой, птицей из арабской сказки, которая кормит птенцов собственным мясом и т.п. Она *оказывает гостеприимство, не бросает вчерашних братьев, закрывает глаза на неравноправную приграничную торговлю, предоставляет энергоресурсы по заниженным тарифам* и пр. Понятно, что эти взаимно противоположные метафоры неслучайны: собирательная трактовка мигрантов способствует созданию и закреплению схематического и предвзятого образа (стереотипа), в то время как олицетворение России акцентирует ее *благородное поведение* в отношении чужих и истинно *человеческие качества*.

Еще одной характерной чертой современного дискурса о мигрантах является смена критериев при обсуждении и оценке феномена миграции. Из юридической плоскости разговор о мигрантах переводится в бытовую: категории *легальный / нелегальный (мигрант)* все чаще вытесняются оппозициями *нужный / ненужный, желательный / нежелательный, полезный / бесполезный / вредный* и даже *хороший / плохой*. Замена рациональной оценки эмоциональной провоцирует обсуждение проблемы не с позиции разума и закона, а в терминах *нравится / не нравится, хочу / не хочу*. Учитывая уже сложившийся стереотип в отношении мигрантов, подобная активизация эмоциональной составляющей общественного сознания небезопасна, т.к. может повлечь за собой социальную напряженность, формирование расистских настроений, возникновение межнациональных конфликтов.

© Скребцов Т. Г., 2007

Стрельников А. М.

Нижний Тагил, Россия

ТЕМА МИГРАНТОВ В «ПРЯМОЙ ЛИНИИ С ПРЕЗИДЕНТОМ»

За последние шесть лет одними из наиболее ярких политических событий в стране были ежегодные сеансы общения Президента В. В. Путина с гражданами России. За «Прямыми линиями», транслируемыми по

центральным теле- и радиоканалам, внимательно следили не только простые люди, но и ведущие политики, деятели культуры и бизнесмены. Тематика вопросов носила самый разнообразный характер, однако в рамках каждой «Прямой линии» присутствовало несколько вопросов, затрагивающих тему мигрантов в России. Приведем их краткий обзор.

В «Прямой линии» 2001 года был задан вопрос о «вынужденных переселенцах», численность которых в целом ряде районов превышает количество местного населения. В. В. Путин обратил внимание на то, что «запутанное» и «политизированное» законодательство не позволяет в полной мере решить проблему, а только усугубляет положение вещей. С другой стороны, Россия находится в более благоприятном положении, нежели многие государства, которые пытаются решить демографические проблемы за счет мигрантов, так как основной приток в Россию происходит из стран бывшего СССР. Это, по словам Президента, «подарок судьбы», потому что приезжающие владеют русским языком, большинство из них имеет ту же ментальность, они легче адаптируются. Но, к сожалению, некоторую часть нелегальных мигрантов составляют беспризорные дети, приезжающие в российские города из стран СНГ.

В 2002 году поднимался вопрос о миграционных квотах, составляющих 500 тысяч человек на всю Россию. Президент согласился с тем, что принятый закон не соответствует реалиям. Необходимо привлекать мигрантов в репродуктивном возрасте и на те рабочие места, где наблюдается недостаток человеческих ресурсов.

В 2003 году Президент говорил о том, что неурегулированность законов о миграции является базой для развития преступности и о том, что необходимо контролировать поток китайцев, прибывающих в дальневосточные регионы страны.

«Прямая линия» в 2005 году коснулась темы получения гражданами бывших союзных республик гражданства РФ и связанной с этим бюрократической волокиты. Президент пообещал развивать программу возвращения в Россию соотечественников, а также ввести упрощенный порядок выдачи разрешений на работу.

В 2006 году активно обсуждалась тема засилия иностранцев на сельскохозяйственных рынках, что нашло отражение в «Прямой линии». Президент пообещал в крат-

чайшие сроки навести порядок в сфере миграции с целью обеспечить рынок труда в первоочередном порядке для граждан Российской Федерации. Президент также отметил, что количество нелегальных мигрантов увеличилось с четырех миллионов человек в 2001 году до 10-15 миллионов в 2006.

Миграционные вопросы «Прямой линии» 2007 года перекликались с вопросами 2003 года, а именно: приток китайцев в Россию наряду с массовым переселением жителей Дальнего Востока в центральные районы России. Президент порекомендовал главам регионов не забывать отправлять китайцев, приезжающих работать по контракту, домой после завершения сроков работы.

Таким образом, освещаемые в ходе «Прямых линий» вопросы можно отнести к следующим группам: вопросы легального нахождения и трудоустройства мигрантов в РФ, приток мигрантов на юг России и из Китая, несовершенство законодательства, проблема оседающих в России «вынужденных переселенцев», проблемы культурной и языковой адаптации мигрантов к жизни в России.

Речь Президента при ответе на вопросы сограждан отличалась метафоричностью. Приведем лишь некоторые примеры: *мигранты – это подарок судьбы; нельзя наглухо закрыть дверь Российской Федерации; республики бывшего Советского Союза – это резервуар, из которого можно «черпать» людей для России; неурегулированность в сфере миграции – это питательная база для правонарушений.* Метафоричность высказываний главы государства можно объяснить, на наш взгляд, подготовленностью ответов и необходимостью донести до сознания среднестатистического россиянина сложные аспекты политической жизни страны.

© Стрельников А. М., 2007

Тагильцева Ю. Р.

Екатеринбург, Россия

ОСВЕЩЕНИЕ ТЕМЫ МИГРАЦИИ В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Как известно, любая социально значимая проблема, всколыхнувшая общественность, находит свое освещение в СМИ, в том числе и электронных, и, конечно, в частном общении пользователей Интернет.

Проблема миграции на сегодняшний день стала самой острой и обсуждаемой те-

мой. Пристальное внимание к этой теме как СМИ, так и общественности объясняется прежде всего своим неоднозначным отношением к людям, прибывшим в Россию из некогда «братских» республик. И здесь мнения разделились: одни считают, что таким людям в России не место, поскольку они не в состоянии понять русскую культуру, и кроме того, умудряются отбить заработок у русских; другие относятся достаточно нейтрально, воспринимая их как некую неизбежность, и лишь немногие – положительно. Такой плюрализм мнений, конечно же, находит свое отражение в Интернет-дискурсе.

Целью нашего исследования стало желание показать, как формируется «языковая толерантность» в приватном общении посетителей различных форумов и СМИ как оказывают влияние на ее формирование, ибо именно они являются тем важным инструментом, который способен формировать и влиять на общественное сознание граждан. В качестве языкового материала мы взяли примеры из публицистических текстов электронных газет «Газета. Ru», «Иностранец», «Независимая газета», «Полит. Ru», а также из Интернет-журнала «Народы России». Рассмотрев тексты, мы постарались выстроить синонимичные ряды к слову «мигрант» с целью выявления оценочного отношения к данному явлению.

Во многих публикациях электронных газет наблюдается доминирование слов «мигрант», «иностранец», «граждане другого государства», «выходцы из...»:

Уже сегодня большинство мигрантов в России составляют выходцы из среднеазиатских и закавказских государств.

Большинство «соотечественников» предпочтет, конечно, крупные города центральной части России.

Значительную часть нынешнего российского среднего класса составляют вчерашние мигранты из бывших советских республик.

Такие формулировки несут в себе нейтральную окраску, которая указывает прежде всего на официальность изложения.

Но, несмотря на всеобщую официальность оценки, нередки случаи выражения сочувствия к мигрантам:

Появляется, по сути, слой «новых рабов», который может быть использован в своих интересах как внутрироссийскими, так и иностранными политическими силами.

Очевидно, что чернорабочие из зарубежных государств бесправны и в меньшей степени интегрированы в российское общество.

И лишь в одной статье мы встретили достаточно своеобразное выражение по отношению к мигрантам как «инородцам»:

Радует только одно – с прошлого года понизилось количество россиян, негативно относящихся к инородцам.

Это появление действительно неоднозначного, двусмысленного и устаревшего слова «инородцы» было прокомментировано на сайте «Islamnews» так: «Так как из опроса следует, что речь идет о многонациональности Российской Федерации, очевидно, автор статьи идентифицирует понятие «россияне» с понятием «русские», используя (судя, по всему, неосознанно) вполне ксенофобский по отношению к коренному для РФ нерусскому населению дореволюционный великодержавный термин «инородцы», т.е., явно не желая того, сама способствует внедрению языковой вражды». Это – свидетельство того, что СМИ осознанно корректируют языковую политику в сторону толерантности и политкорректности.

Но в целом для языка электронных газет характерна нейтрально-официальная оценка явления миграции, что, безусловно, отразилось на «языковой толерантности» посетителей форумов.

Наиболее употребительными формулировками на форумах являются «мигранты», «иностранцы», «выходцы из ближнего зарубежья», что свидетельствует о нейтральной оценке данного явления:

Ибо мигранты чаще всего занимаются трудом, квалифицированным трудом.

или же оценке с оттенком недоброжелательности:

Мигранты качают деньги и другие ресурсы из России и тем самым наносят значительно большой вред.

Даже если отношение неодобрительное, то формулировки стараются использовать не откровенно-оскорбительные, а иронично-двусмысленные:

Приехав на чужую территорию, «пришельцы» конкурируют с основным этносом за ресурсы.

Конечно, определенное количество оскорбительных, уничижительных высказываний присутствует, но в целом в форумах используются достаточно нейтральные и даже уважительные формулировки:

Это, как правило, люди иной культуры, иного вероисповедания, иного менталитета, иной системы ценностей.

Отличные парни, отремонтировали мне квартиру.

У нас чаще всего мигранты из Киргизии. Нормальные люди. Строят дома, кладут дороги.

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам:

- в электронных СМИ преобладает нейтрально-официальная оценка миграции как явления, ибо учитывается сила их воздействия на публику; СМИ являются той силой, которая способна всколыхнуть общественность;

- при неоднозначности отношения к миграции на форумах – от позитивного до резко негативного – на языковом уровне наблюдается превалирование нейтральных обозначений. Несомненно, такое проявление «толерантности» на языковом уровне посетителей Интернет-форумов обусловлено прежде всего нейтрально-официальным стилем СМИ в освещении темы миграция.

© Тагильцева Ю. Р., 2007

Шабанова Т. А.

Екатеринбург, Россия

ЖЕНСКОЕ ДЕЛО – ПОЛИТИКА:

портрет женщины-политика

на страницах современной прессы

Информационное пространство не только аккумулирует проявления окружающей жизни, но позволяет обществу проследить тенденции своего развития. В зеркале современной прессы мы видим отражение нашей жизни, себя со своим прошлым, настоящим, будущим [Женщины Беларуси в зеркале эпохи 2006: 2]

Специфика отношения к женщине-политику в прессе является отражением политики государства относительно вопроса включения женщины в политическую сферу. Отношение к женщине-политику нельзя назвать однозначным. Анализ российских и зарубежных СМИ позволяет проследить характер и динамику репрезентации образа женщины-политика [Гусева 2005: 1]

Восприятие проблем маргинальных социальных групп в общественном дискурсе постепенно изменяется от категорического неприятия и непонимания в направлении уважения достоинства и прав человека. Необходимость изучения механизмов формирования различных видов социальной нетерпимости является очевидной, поскольку

знание истоков и способов формирования вражды социальных групп выступает условием предотвращения экстремизма, реализации принципов правового государства и распространения идеологии и практики мультикультурализма в современном обществе.

Демократизация общества, происходящая в условиях индивидуализации и плюрализации жизненных стилей, актуализирует изучение современных гендерных норм, выявление изменений в доминирующих социокультурных паттернах, в отношении общества к норме и отклонению от неё. Исследование конструирования гендерных норм позволяет объяснить механизмы и формы контроля повседневных практик гендерного поведения, что даст возможность формирования оптимальных социальных условий для успешной социальной интеграции индивидов и социальных групп и толерантных общественных отношений [Куприянова 2004: 3]

Метафорический корпус, формирующий представления о концепте «Женщина-политик», можно определить как упорядоченную сеть дуалистических представлений. Спектр эстетической оценки женщины-политика в современном политическом дискурсе чрезвычайно широк: от безусловного плюса до абсолютного минуса.

Развернутый метафорический образ, как наиболее традиционное средство реализации тактики дискредитации, используется для эффективного манипулирования умозаключениями реципиента. Как в России, так и в США для метафорического описания «неженского образа» женщины-политика используются схожие фрагменты фрейма «внешность», имеющие отрицательные концептуальные векторы в дискурсах обеих стран.

Актуализация модели, связанной с половой принадлежностью, прежде всего, обусловлена присутствием гендерных предрасудков, предубеждений, стереотипов и стандартов, укорененных в человеческой психике посредством усвоения определенных норм, образцов, культурных кодов, гендерных метафор и национальных обычаев. Репрезентация половой принадлежности женщины-политика постоянно становится неотъемлемым элементом ее образа, созданного СМИ.

Структурирование социума путем построения оппозиции «девочка» – «мальчик», «женщина» – «мужчина», имеет давние социокультурные традиции. Наблюдения пока-

зывают, что семиотическая категория «свой круг» является одной из базовых когнитивных категорий в политическом дискурсе. Продуктивность этой категории объясняется ее гибкостью, удобством и простотой в плане манипуляции сознанием: автор каждый раз заново очерчивает «свой круг», отделяя «своих», «наших» от «чужих», то есть мужчин от женщин. Семантика политической незрелости женщины-политика в международном политическом дискурсе репрезентируется в метафорическом русле, где концепт «субъект власти, женщина-лидер» представлен словом «девочка».

Создатели современных российских политических текстов стремятся использовать прецедентные имена собственные таким образом, чтобы читатели достаточно легко обнаружили специфичность контекстуальной семантики соответствующего имени [Нахимова 2006: 4]. Используемые прецедентные имена должны в полной мере соответствовать дискурсивным характеристикам текста и особенно представлениям адресата. Чем обширнее детерминация, тем больше аллюзивный потенциал этого прецедентного феномена, тем эффективнее будет его использование.

В политическом дискурсе чрезвычайно продуктивной оказалось метафорическое русло с референцией сказки – того кортежа денотативных дескрипторов, которые ассоциативно связаны в сознании народов со сказочными героями из детских книг. Эстетические характеристики женщины-политика в политическом дискурсе часто даются через актуализацию положительно-го/отрицательного образа сказочного героя, выстраивая тем самым непреходящую ассоциативную параллель последнего с действующим политическим лидером. Таким образом, происходит апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного референта.

В категориальной структуре восприятия женщины в политике коллективное сознание акцентирует внимание на ограниченных способностях женщины по сравнению с мужской, единственно эстетической пригодности, отсутствие необходимости «слабого пола» в политике. На противоположном полюсе интеллектуальной оценки в политическом дискурсе актуализирован гармоничный образ женщины-политика, умело сочетающей игру на «мужском поле» с применением «женского оружия»

Таким образом, в современном социокультурном контексте отказ от дихотомии мужское – женское в поведении индивида зачастую вызывает негативную социальную реакцию и, как следствие, – трудности с позитивной социальной идентичностью, что является следствием производства и воспроизводства нормативной гендерной системы. Преодоление патерналистских предрассудков и создание реальных условий для перераспределения социальных ролей требует времени и усилий, как со стороны общества, так и самих женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гусева Ю. Динамика репрезентации образа женщины-политика в женских журналах//www.a-z.ru/women_cd1/html/dinamika_reprezentacii.htm

Женщины Беларуси в зеркале эпохи//www.un.orgwww.un.by

Куприянова И.С. Конструирование гендерной нормы в современном Российском обществе. Саратов, 2004

Нахимова Е.А. Интертексты, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры// Л 59 Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 19./ Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2006

© Шабанова Т. А., 2007

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арапова Марина Андреевна – декан факультета социологии Уральского государственного педагогического университета

Афлатонова Елена Ринатовна – студент Института социального образования Уральского государственного педагогического университета

Ахъямова Инна Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы Уральского государственного педагогического университета

Багичева Надежда Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах Уральского государственного педагогического университета

Базылев Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Балобанова Елена Германовна – аспирант кафедры теоретической и прикладной социологии Уральского государственного педагогического университета

Боярских Оксана Сергеевна – преподаватель кафедры русского языка Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии

Будаев Эдуард Владимирович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Нижнетагильской социально-педагогической академии

Бушев Александр Борисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор Сибирского юридического института МВД России

Васильева Ольга Владимировна – студент факультета русского языка и литературы Уральского государственного педагогического университета

Верещагина Елена Сергеевна – студент факультета русского языка и литературы Уральского государственного педагогического университета

Веснина Людмила Евгеньевна – преподаватель кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

Волкова Татьяна Александровна – аспирант Челябинского государственного педагогического университета

Ворожцова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английской филологии Нижнетагильской социально-педагогической академии

Ворошилова Мария Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

Гаврилова Марина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью и коммуникационных технологий Невского института языка и культуры (Санкт-Петербург)

Григорьева Надежда Игоревна – преподаватель кафедры риторики и межкуль-

турной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

Дзюба Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

Дмитриева Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Евдокимова Людмила Савельева – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы и методики преподавания их в специальной школе Уральского государственного педагогического университета

Еремина Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

Ермольева Дарья Владимировна – студент Института социального образования Уральского государственного педагогического университета

Загвоздкина Екатерина Александровна – студент Института социального образования Уральского государственного педагогического университета

Игошев Борис Михайлович – кандидат педагогических наук, профессор кафедры социальной работы, ректор Уральского государственного педагогического университета

Иссерс Оксана Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Кабаченко Екатерина Геннадьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

Каслова Анастасия Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана факультета иностранных языков Уральского гуманитарного института.

Керимов Руслан Джаванширович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кемеровского государственного университета

Ковтунова Алла Николаевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры социальной работы Института социального образования Уральского

государственного педагогического университета

Копылова Марина Андреевна – студент Института юстиции Уральской государственной юридической академии

Коровякова Юлия Валерьевна – студент факультета русского языка и литературы Уральского государственного педагогического университета

Кошкарова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного педагогического университета.

Красильникова Наталия Алексеевна – кандидат филологических наук, директор филиала Уральского государственного педагогического университета в городе Новоуральске, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Кропотухина Полина Владимировна – ассистент кафедры иностранных языков Уральского государственного педагогического университета

Кусова Маргарита Львовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания в начальных классах Уральского государственного педагогического университета

Кушнерук Светлана Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета

Ли Минь – преподаватель Цзилинского института русского языка (город Чанчунь, Китай)

Лукашева Людмила Семеновна – старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальной работы Уральского государственного педагогического университета

Майданова Татьяна Витальевна – старший преподаватель кафедры социальной работы Института социального образования Уральского государственного педагогического университета

Максимова Алена Игоревна – студент Института социального образования Уральского государственного педагогического университета

Малых М. Ю. – сотрудник Института гуманитарного и социально-экономического образования Уральского государственного педагогического университета

Михайлова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и стилистики

Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Михайлова Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент теории и методики обучения русскому языку Уральского государственного педагогического университета

Могильникова Валентина Ивановна – студент факультета русского языка и литературы Уральского государственного педагогического университета

Нахимова Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социальной работы Института социального образования Уральского государственного педагогического университета

Нестерова Юлия Витольдовна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах Уральского государственного педагогического университета

Никонов Виктор Михайлович – кандидат филологических наук, доцент Липецкого государственного педагогического университета

Новикова Ольга Юрьевна – ассистент кафедры иностранных языков Уральского государственного педагогического университета

Овчинникова Дарья Андреевна – студент Института Социального Образования (специальность «Связи с общественностью») Уральского государственного педагогического университета.

Ольховикова Юлия Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского и французского языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии

Петрова Лариса Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной социологии Уральского государственного педагогического университета

Попов Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры теоретической и прикладной социологии Уральского государственного педагогического университета

Попов Леонид Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры Российский государственный профессионально-педагогический университет

Попова Наталья Геннадьевна – старший преподаватель кафедры иностранных

языков Уральского отделения Российской академии образования

Попова Нина Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и социально-экономических дисциплин Уральского государственного педагогического университета

Попова Эльвира Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

Порядин Иван Александрович – аспирант кафедры теоретической и прикладной социологии Уральского государственного педагогического университета

Привалова Светлана Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах Уральского государственного педагогического университета

Рахимбергенова М. Х. – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Руденкин Василий Николаевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических и психологических дисциплин Уральского института экономики, управления и права

Руденкин Дмитрий Васильевич – студент факультета политологии и социологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Румянцева Марина Вячеславовна – студент Института социального образования Уральского государственного педагогического университета

Руженцева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

Русова Ирина Александровна – аспирант преподаватель Сургутского государственного университета

Скребцова Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры математической лингвистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Соколов Евгений Васильевич – преподаватель кафедры иностранных языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии

Соколова Алевтина Анатольевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах Уральского государственного педагогического университета

Сотникова Анастасия Викторовна – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

Стрельников Александр Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии

Суспицына Инесса Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

Тагаев Мамед Джакыпович – доктор филологических наук, профессор Киргизско-Российского Славянского университета (г. Бишкек, Киргизия)

Тагильцева Юлия Ринатовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры социальной работы Уральского государственного педагогического университета

Тилоева Саодат Махмадкуловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Уральского государственного педагогического университета

Токсунов Алмаз – старший преподаватель кафедры инженерной педагогики Ошского технологического университета (Киргизия).

Тропин Антон Викторович – магистрант Института гуманитарного и социально-экономического образования Уральского государственного педагогического университета

Тумалевич Геннадий Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета юриспруденции Уральского государственного педагогического университета

Хабирова Юлия Радисовна – студент факультета русского языка и литературы Уральского государственного педагогического университета

Харченко Ольга Александровна – студент Института Социального Образования (специальность «Связи с общественностью») Уральского государственного педагогического университета.

Чеканова Алла Эдуардовна – старший преподаватель кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

Чемагина Анна Валерьевна – студент факультета русского языка и литературы Уральского государственного педагогического университета

Чжан Лэй – преподаватель Цзилинского Института русского языка (город Чанчунь, Китай).

Чудинов Анатолий Прокопьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

Чудинова Ирина Семеновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания русского языка Уральского государственного педагогического университета

Шабанова Татьяна Андреевна – аспирант кафедры иностранных языков Уральского государственного педагогического университета

Шарафутдинов Джалиль Рафаилович – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Шебалов Роман Юрьевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета

Шульц Наталья Александровна – инженер Института гуманитарного и социально-экономического образования Уральского государственного педагогического университета

Эрве Корина – доцент кафедры французского языка Уральского государственного педагогического университета (Париж, Франция).

Эрхард, Франк Хуго – доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания Уральского государственного педагогического университета / Ravensburg Elith-Stein-Schule

Юнова Наталья Сергеевна – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах Уральского государственного педагогического университета

Яковлев Андрей Андреевич – аспирант Курганского государственного университета

Ямбаршева Елена Григорьевна – преподаватель Московского государственного университета сервиса.